

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур

Отделение славистики

Образ адвоката в русской прозе 1864–1894 гг.

Магистерская работа

студентки отделения

славянской филологии

Марины Булаховой

Научный руководитель –

PhD, доцент по русской литературе

отделения славянской филологии

Тартуского университета

Р.Г. Лейбов

Тарту 2021

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Образ «нелегального адвоката» и частного поверенного	5
Глава 2. Образ присяжного поверенного.....	24
§1. Литература и адвокатура: история взаимоотношений	24
§2. Аблакаты превращаются в адвокатов	41
§3. Щедринская сатирическая традиция изображения адвокатов: (на примере творчества В. П. Буренина)	52
§4. Адвокаты как негилисты.....	58
§5. Русский адвокат на rendez-vous	76
§6. Адвокаты и революционеры	84
Сокращения и использованная литература.....	99

Введение

В 1864 г., по результатам судебной реформы, впервые в России возникла профессиональная адвокатура как сторона защиты на судебном процессе. К концу 1860-х гг. новая реальность породила новый тип литературного героя – на страницах художественных произведений появились адвокаты. Цель нашей работы – выявить, как изображаются эти персонажи, из каких типичных черт строится их образ и какие функции они выполняют. Предмет настоящего исследования – адвокатура не как юридический или политический, но как литературный феномен.

Образ адвоката в русской литературе второй половины XIX в. можно рассматривать как переплетение двух традиций: первая контекстно-обусловлена реформой и ее предысторией (в частности, явлением нелегальной дореформенной адвокатуры), вторая же является общеевропейской, начинается с древнегреческих софистов в комедиях Аристофана, продолжается в «Фарсе об адвокате Пьере Патлене» и в XIX в. доходит до, например, адвоката Хельмера в пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом».

Временные рамки нашего исследования ограничены тридцатью годами: 1864 г. (судебная реформа, возникновение адвокатуры) – 1894 г. (за верхнюю границу условно взято начало нового царствования). Поиск произведений, в которых есть персонажи-адвокаты, осуществлялся с использованием возможностей сервиса «Google Books». Мы понимаем, что подобная выборка может оказаться нерепрезентативной (к примеру, в «Google Books» практически не представлены произведения, опубликованные в газетах), однако не видим других возможностей в условиях отсутствия корпуса русской литературы. По результатам поиска набралось около 50 произведений, среди которых есть принадлежащие как большим писателям (Ф.М. Достоевскому, И.С. Тургеневу, Л.Н. Толстому, М.Е. Салтыкову-Щедрину), так и второстепенным беллетристам. Таковы художественные источники нашей работы.

Тема адвокатуры в прозе еще не привлекала внимания исследователей, однако существуют работы, посвященные истории великих реформ в целом и адвокатуры. Е. Д. Арапова в диссертации «Пореформенная адвокатура 60–70-х

г.г. XIX в восприятии русского общества» отмечает, что репутация адвокатов в этот период зависит от того, к какому из трех типов каждый из них принадлежит: нелегальный ходатай, частный поверенный или присяжный поверенный. См.: [Арапова: 21–22]. Последние, благодаря участию в громких политических процессах 1870-х гг., в отдельных случаях могли восприниматься как оппозиционная демократическая сила, чему посвящена монография Н. А. Троицкого «Адвокатура в России и политические процессы 1866 – 1904 гг.», где в отдельной главе рассматриваются сочувственные образы адвокатов в «нигилистической литературе». См.: [Троицкий: 197]. Первые же два типа адвокатов, ходатаи и частные поверенные, провоцировали по большей части негативные стереотипы восприятия.

Восприятие адвокатуры в обществе рассматривал и И. В. Гессен в трехтомнике «Адвокатура, общество и государство» (1914), отмечая обстоятельство на первый взгляд парадоксальное: «Против новых судов действительно выступала только реакционная пресса, но на адвокатуру нападки сыпались именно и только из либерального лагеря» [Гессен: 199]. «Самыми страстными обличителями» адвокатуры Гессен считает М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского [Там же: 200]. Г. А. Джаншиев добавляет к ним имя М. Н. Каткова [Джаншиев 2008: 64]. Эти работы современников и участников судебной реформы представляют собой взгляд изнутри адвокатской корпорации и позволяют понять, кого сами адвокаты считали «виновниками» своей негативной репрезентации в литературе и публицистике.

Среди публицистических источников, помимо знаменитой статьи Е. Л. Маркова «Софисты XIX века», используются полудокументальные-полубеллетризированные «записки» современников – например, «Новые порядки (Записки провинциального адвоката)» (1875) В. Кроткова, где описываются первые шаги автора на поприще частного поверенного (См.: [Кротков 1875: 417–487]) и его же статья «Частный поверенный (эпизод из практики автора)», где автор показал свою профессию настолько неприглядно (См.: [Кротков 1883: 365–424]), что это даже вызвало служебное расследование А. Ф. Кони¹.

¹ См. подробнее в [Кони 1966: 278 – 287]. Там же Кони, в связи со статьей Кроткова, касается темы общественного восприятия адвокатуры: «Судебное ведомство в то время подвергалось усиленным нападкам, от резкости и клеветнических приемов авторов которых оно *одно* (курсив

Ценным источником сведений об истории становления адвокатской этики стало «Ведение неправых дел: этюд по адвокатской этике» Г. А. Джаншиева (1886).

Получить представление о дореформенном и пореформенном состоянии нелегальной адвокатуры помогла книга «Общественные и законодательные погрешности. Практические заметки из деятельности Петербургской судебной практики» В. Н. Никитина (1872) (см., напр., о ходатаях: [Никитин: 285–286]) и написанный неким А. Г. «физиологический этюд» «Адвокаты и поверенные или ходатаи по делам» (1859), где профессиональные адвокаты и ходатаи последовательно противопоставляются: «Адвокаты более всего дорожат своею репутациею и правдою; ходатаи по делам о таких безделицах нисколько не заботятся, а помышляют единственно о собственных выгодах...» [А. Г.: 10]

Образы адвокатов иногда рассматривались в творчестве отдельных писателей (см., напр., об адвокате Балалайкине – [Немыкина], об адвокате Фетюковиче – [Рак]), однако специально не исследовались.

Среди зарубежных источников можно отметить работу американской исследовательницы Yanina V. Arnold «Writing Justice: Fiction and Literary Lawyers in Late Imperial Russia, 1864-1900», из которой мы заимствуем описание концепции М. Н. Каткова об «органическом пороке» новых судов (см.: [Arnold: 138–169]), распространяя ее не только на суд присяжных, но и на адвокатуру.

Кони. – М. Б.) не было ограждаемо. “Судебная республика” в лице судебных учреждений и “суд улицы” в лице присяжных заседателей были постоянной мишенью, в которую швыряли грязью своеобразные и многочисленные добровольцы правосудия. Вокруг нового суда все более и более сгущался мрак отчуждения и недоверия. Можно было ясно себе представить, как могла еще более сгустить этот мрак подобная статья!» [Кони 1966: 280].

Глава 1. Образ «нелегального адвоката» и частного поверенного

«В России те, кои носят имя стряпчих, находятся в том неуважении, какого большая часть из них действительно заслуживает» [Соломатин: 190] – это положение Комиссии по составлению законов 1820 г. было справедливо вплоть до появления профессиональной адвокатуры в 1864 г.

Эти люди могли называться «лицами, имеющими хождение по делам», «делоходатаями», «ходатаями по делам», «поверенными», «стряпчими», «адвокатами» («аблакатами»), «юристами», «юрисконсультами», «крестьянской/сельской/кабацкой адвокатурой», «дровокатами» и т. д. В нашем исследовании мы решили остановиться на определении «ходатай», чтобы не допускать смешения с частными и присяжными поверенными. Следует отметить, что в будущем, при введении института адвокатуры, термин «адвокат» не будет встречаться в официальных документах – возможно, именно в связи с тем, что «адвокатами» назывались дореформенные ходатаи, законодатель предпочтет называть профессиональных судебных защитников «поверенными». На это терминологическое неудобство обратили внимание современники. «В одном из критических замечаний на проект преобразований секретарь уголовного суда города Воронежа отмечал, что законодатель «избегает названия «адвокат» по какому-то предубеждению» и предложил использовать термин «присяжные целовальники», правда, последнее было сделано в шутку» [Ильина 2012: 144].

Дореформенные стряпчие – явление крайне неоднородное, трудно вывести их общую классификацию по социальному происхождению или конкретному роду занятий. Некоторые из них имели специализацию (например, бракоразводные дела, торги, описи имений и т. д.), некоторые ограничивались составлением жалоб и прошений, другие по-настоящему «вели дела», но в остальном это была «просто разношерстная толпа, такая смесь положений, званий и состояний, что отыскать общие черты, дать общую характеристику решительно невозможно... Тут были дворяне, прожившиеся помещики, разорившиеся купцы, были приказчики, которые прежде вели дела своих хозяев; тут были отставные военные, даже сидельцы кабаков и пивных лавок; были унтер-офицеры,

управляющие именьями, домами и т.д.» [Гессен: 14]. Выступать поверенными могли и действующие чиновники (это запрещалось им только в тех местах, где они непосредственно служат, и разрешалось в остальных случаях). А. В. Лохвицкий в 1860 г. делит поверенных на, условно, «низкого» и «высокого пошиба»: «Одни – прямые наследники подьячих старого времени [древнерусских – М. Б.] – они берут по двугривенному и штофу водки за сочинение просьбы, по пяти и десяти целковых за фальшивый паспорт, у них есть такса за фальшивое свидетельство, фальшивую подпись и проч. <...> Другой род частных поверенных [в данном случае частными поверенными называются все те же ходатаи – М. Б.] – аристократический. Это люди с приличными манерами, хорошо одевающиеся, берущие за составление бумаг несколько сот рублей, они бывают, большею частью, из кончивших курс в высших учебных заведениях. Они презирают дешевых подьячих, хотя часто обращаются к ним для кое-каких проделок; они украшают себя громким именем адвокатов – неизвестно, по какому праву и на каком основании» [Там же: 10–11]. П. А. Потехин делит ходатаев на три группы: действующие чиновники, в том числе судейские (секретари, столоничальники и т. д.), отставные чиновники, особенно вышедшие в отставку «по неприятностям по службе» и просто «разношерстная толпа». [Там же: 11–12]

Как отмечает И. В. Гессен, «нет ни одного выдающегося писателя, который в своих произведениях не изобразил бы типа стряпчего, ходатая по делам» [Там же: 13]. Однако Гессен приводит в пример персонажей произведений, написанных до реформы, нас же в рамках нашего исследования будет интересовать пореформенная рефлексия над историческим социальным явлением «делохождения» на фоне уже возникшей профессиональной адвокатуры.

К образу ходатая в 1876 г. обращается И. С. Тургенев в рассказе «Часы». Действие происходит на рубеже двух царствований – Павла I и Александра I. Как отмечает Т. П. Голованова, «Отнесение действия к 1801 году — историческому периоду, открывавшему эпоху первых либеральных реформ и позволявшему автору проводить между строк аналогию с некоторыми проблемами современности» [Голованова: 453]. Хождением по делам в рассказе занимаются три персонажа. Первый – отец рассказчика, Порфирий Петрович, про которого сын говорит, что «Человек он был смирный, собою неказистый, болезненный; занимался хождением по делам тяжёлым — и иным. В прежние времена

подобных ему людей обзывали подьячими, крючками, крапивным семенем; сам он величал себя стряпчим» [Тургенев 1982: 60]. Однако этот смиренный человек проворачивает «кунштюки» со своими доверителями, «промышляет» вместе с дурными людьми, выдал, по слухам, родного брата, осужденного за «возмутительные поступки и якобинский образ мыслей» в Сибирь, а родному племяннику, когда тот по случайности чуть не утонул, говорит: «Я тебя еще самого к ответу потяну. Чужую собственность затратил, на жизнь свою посягнул, в убытки ввел. <...> В какие? Платье испортил — это ты за ничто считаешь? Да на водку я дал людям, которые тебя принесли!» [Там же: 97].

Второй ходатай – помощник и кум Порфирия Петровича, Настасей Настасеич Пучков. «Сутяга был он страшный, кляузник, взяточник — дурной человек совсем; его из губернаторской канцелярии выгнали, и под судом он находился не раз; отцу он бывал нужен... Они вместе «промышляли». <...> Башмаки носил без каблуков и пудрился ежедневно, что в провинции тогда считалось большою редкостью. Он уверял, что без пудры ему быть нельзя, так как ему приходится знаться с генералами и с генеральшами» [Там же: 61]. Пучков «отбил» у Порфирия Петровича выгодное дело, что положило начало скрытой конфронтации между героями. Именно Настасей Настасеич подарил главному герою Алеше часы (старые и плохие), а когда тот передал их слуге и попался на этом, с удовольствием наблюдал за наказанием провинившихся.

Наконец, третий стряпчий – отставной чиновник Латкин. «Не обладая ни представительной наружностью, ни даром слова и слишком мало на себя надеясь, он не решался действовать самостоятельно и примкнул к отцу» [Там же: 75] рассказчика, а затем, после многолетней дружбы, «подвел» его – сообщил клиенту о надувательстве, чем заслужил ненависть Порфирия Петровича. Рассказчик затрудняется определить, зачем Латкин сделал это: «под влиянием необъяснимого, непонятного чувства — зависти, жадности, а быть может, и под мгновенным наитием честности» [Там же: 76]. После разрыва с отцом героя, Латкин теряет жену, переживает апоплексический удар и, не в силах прокормить себя и дочерей, медленно умирает в нищете.

А. Б. Муратов отмечает, что образ Порфирия Петровича «мог бы лучше всего быть объяснен словами Чернышевского, тонко интерпретировавшего в конце 1850-х годов "Губернские очерки" Щедрина, в которых была представлена страшная картина нравственного падения людей такого типа: "Поступки,

совершаемые подьячим, дурны. Люди с подобными ему понятиями вредны для общества. Но из этого не следует, чтобы сами по себе эти люди непременно были дурными людьми"» [Муратов: 19]. Действительно, изображение Порфирия Петровича и Латкина можно назвать сочувственным, они предстают жертвами своей социальной среды: Порфирий Петрович живет отнюдь не в роскоши, а в борьбе за существование («Жили мы — не бедно, а в обрез» [Тургенев 1985: 60]), он испытывает неловкость и вину перед братом и племянником, которые его презирают, а его недоброе отношение к племяннику, проявляющему свобододолюбивый характер, объясняется навязанным обществом страхом перед якобинцами, вольтерьянцами, Французской республикой; что до Латкина, то он жестоко поплатился за свое «мгновенное наитие честности». Попытавшись проявить совесть, он проиграл своим менее щепетильным конкурентам и оказался в нищете. Порфирий Петрович тоже еще не совсем утратил совесть (недаром в финале он просит прощения у своего заклятого врага Латкина), но в данных условиях он не может отступить от «менталитета подьячего», поскольку понимает, что тогда уже он, в свою очередь, проиграет таким, как Настасей Настасеич.

Однако в целом сочувственный взгляд на ходатая как на порождение среды нельзя назвать в литературе этой эпохи доминирующим. В основном такие герои представлены как бессовестные обманщики простых, бедных людей, причем последние по итогу обращения к ходатаю становятся еще беднее, чем были. В рассказе Д. П. Ломачевского «Филантропы» (из сборника «Русский люд», 1871) к «знаменитому адвокату» обращается семидесятилетняя вдова Арина Прохоровна Теряева – ей и ее больной внучке нечего есть, поэтому старушка решает подать прошение на пособие. По совету соседки она разыскивает в кабаке широко известного в узких кругах составителя успешных прошений Антипа Ермолаича Бабашкина. Цена этой услуги – рубль серебром – приводит героиню в смущение, и трактирщик, свидетель сцены, обосновывает сумму следующим образом: «Полно тебе, старуха, жаться-то. <...> Ведь ты возьми в ум, что они – адвокат: дело свое туго знают, не то что какая ни на есть шушера. Тут, брат, надо всякую статью понимать и умственность иметь, а не то чтобы что-нибудь такое... потому как, значит, что соврал, так и пиши пропало» [Ломачевский: 118–119]. Под «какой-нибудь шушерой» здесь имеются в виду конкуренты Бабашкина, чьи услуги обходятся гораздо дешевле: «Иной не то что за двугривенный – даром

напишет, да что толку-то?.. Возвратят только назад прошение, такую ахинею там выведет» [Там же: 118].

Текст этого прошения, потребовавший, по убеждению трактирщика, юридической компетенции, выглядел следующим образом: «Купеческой вдовы Арины Прохоровой Теряевой прошение. Состою я вдовою и по дряхлости лет со слабостию зрения не могши заработать для насущного хлеба и пропитания, то прошу о человеколюбивом воспомоществовании мне перед праздником пресвятой Пасхи. Имею смелость припасть к стопам по случаю Светло-Христово Воскресения» [Там же: 120]. Разумеется, рублем гонорар не ограничился – потребовалась еще крупная сумма на водку, бумагу, чернила, папиросы. Когда Арина Прохоровна попыталась воспротивиться, «Антип Ермолаич стал наикатегоричнейшим образом доказывать, что жалеть пяточок – значит не жалеть себя, потому что пути решительно не будет, если для счастья не пропустить стакашек» [Там же: 121].

Как мы видим, в этом слое населения люди обращались к ходатаям как к медиаторам между простым народом и властью, поскольку презюмировалось, что с властью необходимо разговаривать на особом юридическом языке, отличном от обычной речи. Таким образом, наиболее востребованным оказывался тот ходатай, который, помимо наглости, обладал навыком успешно имитировать этот псевдоюридический язык (тексты, составленные ходатаями, подобными Бабашкину, стилистически восходят не к канцеляриту эпохи великих реформ, а к допетровским «слезницам», см.: [Скворцов: 118]), что было совсем несложно в условиях, когда большинство клиентов не владели не только юридической терминологией, но и грамотой вообще. Как и герою Тургенева, Бабашкину этот заработок отнюдь не обеспечивал роскошь и позволял лишь сводить концы с концами в среде городской бедноты: знакомство Теряевой и Бабашкина начинается с того, что «авокат», появившись в кабаке, пытается выпить в долг и обещает отдать вечером – стало быть, у него у самого в это утро не было денег «на осьмушку». Именно о таком типе подпольного адвоката спустя 25 лет напишет Я. К. Городынский: «Громадное большинство “запрещенных” адвокатов влачит жалкое существование и перебивается изо дня на день двугривенными за составление прошений. Те из них, которые смотрят на свое занятие как на заработок насущного куса хлеба и, не задаваясь каверзами, дают в пределах своего разума деловые, чтобы не сказать юридические, советы и пишут

прошения прямо со слов своих клиентов, – представляются наименее вредными. Бумагомарание этих господ, всегда характерное, вызывающее подчас своими стилистическими особенностями неудержимый смех читателя и давшее уже немало материала для анекдотов, не могло бы ставить на очередь требующего разрешения вопроса о подпольной адвокатуре. Когда говорят о последней, подразумевают нечто другое» [Городынский: 58–59].

Однако литература не склонна считать таких дельцов «наименее вредными» – ведь клиенты зачастую отдают им последние деньги безо всякой гарантии на успешный исход дела (героиня Ломачевского пособие так и не получила). По мнению юристов, подобное надувательство является специфической чертой именно подпольных адвокатов, в то время как официальные присяжные поверенные назначают своим доверителям посильный умеренный гонорар (см., напр.: [Васьковский: 353]). Однако у Ф. М. Достоевского в романе «Подросток» (1875) встречается похожий эпизод с участием адвоката-профессора: «Вот и советуют мне: сходите к знаменитому адвокату; он профессором был, не просто адвокат, а юрист, так чтоб уж он наверно сказал, что делать. Понесла я к нему последние пятнадцать рублей; вышел адвокат и трех минут меня не слушал: "Вижу, говорит, знаю, говорит, захочет, говорит, отдаст купец, не захочет – не отдаст, а дело начнете – сами приплатиться можете, всего лучше помириться". Еще из Евангелия тут же пошутил: "Миритесь, говорит, пока на пути, дондеже не заплатите последний кодрант", – провожает меня, смеется. Пропали мои пятнадцать рублей!» [Достоевский: Т. 8, 307]. Разница лишь в сумме: рубль тридцать шесть копеек кабацкому дельцу против пятнадцати рублей академической знаменитости.

Однако до начала 1870-х гг. мы еще не видим критики нового института, лишь констатацию того факта, что судебная реформа не справилась с задачей искоренить подпольную адвокатуру – ходатаи продолжают существовать, а немногочисленные ограничения их деятельности легко преодолеваются. Например, в рассказе Ломачевского упоминается запрет на выдачу посетителям питейных заведений чернил: «Чернил нам давать не дозволено – штраф за это возьмут, – в ответ на просьбу дать чернил сказал Ефремыч» [Ломачевский: 119]. Угроза штрафа была нивелирована пятью копейками на чай.

Более яркий пример того, как подпольная адвокатура не просто не была уничтожена судебной реформой, но и поставила себе на службу некоторые ее

достижения, мы видим в карикатурных набросках Г. И. Успенского «Из биографии искателя теплых мест» (1870). Очерк посвящен новомодным способам наживы, и адвокатская деятельность стоит в одном ряду с розыгрышами лотерейных билетов. «Повсюду открылось такое обилие разных ловкостей, подходов, махин, такое обилие людей, которые все это понимали и как будто специально с давних пор готовились к обделыванию ловких дел» [Успенский: 156], и главный герой, портной Антон Иванов, хочет присоединиться к этой стихии. По совету родственницы, он присматривается к местному адвокату, дворовому по происхождению, у которого жена ходит к обедне в «шали за триста рублей»: «дворовый действительно оказался принадлежащим к тому бесчисленному сословию ходатаев, которые, покорясь духу времени, появились в опустошенной стране в качестве утешителей, берущих дань с темноты и отчаяния. Это не те более или менее настоящие адвокаты, которые знают дело и толк, – это та саранча, которая облепила углы улиц крошечными вывесочками с надписью: "адвокат для хождения", "здесь дают советы", "пишут просьбы", "принимают просителей" и т. д., под которыми скрываются многочисленные удители рублей и грошей со всех опустошенных сословий, бьющиеся главным образом из-за "возложения" издержек на ответчика» [Там же: 159].

Успенский подробно рассказывает о приемах, с помощью которых эти «удители рублей» внушают доверие своим доверителям. В кабинете висит портрет государя, что в глазах простого человека делает помещение официальным, присутственным; помощница ходатая одета в шелковое платье и походит на барыню; сам ходатай выслушивает горести своих клиентов с патетическими замечаниями («Вы думали, что вам ответят добром, а вам сделали зло? В нынешнее время завсегда так, это я знаю <...> я знаю, какво жить с честью; но во сто раз счастливее тот, кто ее не имеет <...> а честного защитить некому!» [Там же: 160]) и даже ссылается на Судебные уставы от 20 ноября 1864 г.:

«– Это будет стоить на первое время пять серебром.

– Пять?

– Пять-с... Об это место кладите деньги – по уставу...

– По уставу?..

– По случаю судебных установлений... – лепетал ходатай, шумя бумагами.

Проситель обомлел.

– Пять?.. – переспросил он.

– Которые двадцатого ноября вышли установления, то по установлениям...» [Там же: 163]

Разумеется, в действительности Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. оплату услуг нелегального ходатая никак не регламентировали, но психологический расчет на впечатление, которое произведут на «темного» просителя слова «судебные установления» и дата, оказывается верным.

Следует отметить, что тот же самый риторический прием – сравнение адвокатских услуг с лотереей и другими видами недобросовестного обогащения, к которым прибегают «искатели теплых мест» – будет в дальнейшем использован Е. Л. Марковым в знаменитой статье «Софисты XIX века» (1875), обращенное уже против присяжной адвокатуры: «Внося растление в мир нравственный, адвокатура является весьма нежеланным элементом и в мире экономическом. <...> соблазнительный пример наживы без труда, вознаграждения, не соответствующего заслуге, вносит и с своей стороны расстройство в экономический быт общества, подобно рулеткам, лотереям и т. п. случайным источникам внезапного и беспричинного обогащения» [Гессен: 217].

Наряду с ходатаями, обслуживавшими в основном крестьянство и городскую бедноту, в литературе также представлен тип нелегального адвоката, действующего по доверенности от дворян и крупных купцов. Эти дельцы не ограничивались составлением юридических документов и занимались гораздо более масштабными «операциями». Так, в романе Н. А. Чаева «Подспудные силы» (1870) довольно важную роль играет адвокат Аристархов. «Он был известен в Петербурге как поверенный по делам важных господ; он же устраивал секретные свадьбы, приводил в порядок расстроенные дела больших бар; это приведение дел в порядок всегда оканчивалось почему-то тем, что хозяева

платили Аристархову довольно округленные суммы по векселям, оставаясь, впрочем, в наилучших с ним отношениях. Брал он за свои хлопоты дорого, деньгами, именьями и даже крепостными людьми. Таким образом он нажил большое состояние, купил дом в Петербурге и давал деньги в рост за большие, разумеется, проценты» [Чаев: 104]. Аристархов – злой гений в судьбе главного героя, молодого помещика Лучанинова. Когда умирает Лучанинов-отец, адвокат лишает его сына наследства, выставив того крестьянским сыном. На самом деле Лучанинов родился в законном браке помещика и бывшей крепостной девушки, более того, Аристархов, знакомый его отца, лично присутствовал при венчании в качестве свидетеля. Однако он уничтожает подтверждающие это факт документы в консистории и отказывается свидетельствовать в пользу законного брака, даже когда Лучанинов просит его об этом лично. Наследником становится клиент Аристархова, двоюродный брат покойного помещик Тарханков, а гонорар Аристархова составляет 200 000 рублей. Затем Тарханков замышляет новую махинацию – началась Крымская война, он планирует разбогатеть на военных поставках и предлагает Аристархову вложить в это предприятие инвестиции. Аристархов делает это весьма своеобразно: вносит вклад долговыми записками, векселями на 70 тыс., таким образом, финансово он ничего не теряет, и документально его участие никак не подтверждается. Когда Тарханков прогорает на «гнилом провианте, изъеденных молью шинелях и полушубках» [Там же: 401] и попадает под суд, адвокат оказывается вне подозрений и даже присутствует на судебном процессе в качестве зрителя.

Однако спустя некоторое время Аристархов, уже старик, впадает в некую «ипохондрию». «Заметно что-то снедало богача-адвоката; он худел, желтел и сох с каждым днем более и более; платье висело на нем как на вешалке, полное, приятно округленное лицо осунулось и неприятно выказало скулы; часто вечера один ходил он в своем атласном голубом халате по роскошным, полуосвещенным комнатам дома до двух, трех часов утра» [Там же: 456]. В конце концов, адвокат накладывает на себя руки. Окружающие недоумевают, откуда взялась меланхолия у уважаемого и баснословно богатого человека, но автор поясняет нам: «дело ясно как дважды два четыре. Откуда же явиться у него светлым дням, чистой совести? Чем помянуть ему свое прошедшее? Чем помянут его другие? Миллионы, роскошный дом; но что в них, если никому, кроме себя не доставляют

они радости? Да и самому в его года? Не нынче, завтра должен же он ожидать что все это сменится на тесный ящик, яму в несколько аршин глубины и на полнейшее забвение, если не на упрек: "хорош был гусь, не тем бы помянуть его"» [Там же: 457].

В кабинете повесившегося Аристархова находят, среди других бумаг, документы, подтверждающие права Лучанинова на наследство.

Однако Аристархов – не единственный изображенный в романе юрист. Выпускником юридического факультета Московского университета и служащим в канцелярии является и сам Лучанинов. В романе есть эпизод, когда Лучанинов получает просьбу, типичную для «делоходата» – составить документы для процесса по имению:

«– Извините, робко начала она [старуха], – вы, кажется, господин губернский секретарь, Лучаниновский? Служите здесь?»

– Точно так, отвечал Лучанинов. (На службе, согласно свидетельству консисторской метрики, он именовался Лучаниновским.)

– Мы с вами соседи, господин губернский секретарь, продолжала, с польским выговором, потряхивая головой, старуха.– У меня дело; вы, как служащий при начальнике, может быть, даже знаете.... Процесс, извольте видеть, об имение... Все доказательства в нашу пользу, господин губернский секретарь, но дело мое женское, безграмотное почти, стара, и посоветовать.... Я не богата, – так посоветовать и некому.... все документы у меня.... Вот, продолжала старуха, вытаскивая из-под салопы толстую связку увязанных в платок бумаг.– Вот, господин губернский секретарь, говорила она, подойдя к лавочке и принимаясь дрожащими руками развязывать узды пачки.

– Это вы потрудитесь принести ко мне, остановил ее Лучанинов.– Впрочем, не знаю буду ли я вам полезен; я плохой юрист, но если дело в какой-нибудь справке, извольте, я готов сделать ее вам.

– Многого я дать пока не в силах, но что могу я заплачу за хлопоты вам, господин губернский секретарь; не принимаете ли вы меня за нищую? обидчиво произнесла, спрятав бумаги, старуха.

– Помилуйте, мне и в мысль не приходило, – отвечал краснея Лучанинов.– Но я не адвокат; справку, это такая безделица, я сделаю вам бесплатно; но вести весь процесс ваш не берусь, просто потому что не сумею» [Там же: 381].

Таким образом, в какой-то момент антагонисты Лучанинов и Аристархов оказываются в некотором роде коллегами. На этом примере мы можем видеть, как должен действовать адвокат, чтобы оставаться положительным персонажем: 1) помогать только действительно нуждающимся слоям населения (в отличие от Аристархова, который берется за дела исключительно платежеспособных клиентов) 2) помогать на некоммерческой основе 3) четко придерживаться круга своих полномочий, не вмешиваться в судебный процесс и не обещать этого 4) не называть себя адвокатом.

Как отмечает М. А. Бороздина, Чаев «был не склонен к резким полемическим выходкам, постоянно, как мы уже постарались показать, стремился сохранять “объективность” и “спокойствие”. Вероятно, в данном случае это сыграло роль скорее отрицательную для читательского успеха чаевского произведения. “Подспудные силы”, с одной стороны, не могут сравниться с романами Достоевского по глубине взгляда на отрицаемые явления, несомненно, проигрывают на фоне тех же “Бесов”, но не могут компенсировать эту недостачу полемическим задором, привлечь внимание чем-либо “сенсационным”» [Бороздина: 89]. Мы можем добавить, что «умеренность» писателя проявилась и в изображении такого социального явления, как дореформенная адвокатура. Чаев показывает, что не все занимающиеся юридической помощью таковы, как Аристархов. Мы даже рискуем предположить, что в фигуре Лучанинова автор выводит адвоката будущего, человека, который по своим душевным качествам подходит на роль идеального адвоката по версии 1870 года: он имеет блестящее юридическое образование (которое не может найти применение до реформы); он высоко образован и развит всесторонне (слушал лекции Грановского, Шевырева, Морошкина, Рулье, сам проявляет поэтический талант); будучи благородного

происхождения, он хорошо понимает тяготы жизни униженных и оскорбленных; он действует честно и бескорыстно, не берется за заведомо «неправые» дела. Именно таких людей видело общество в первых профессиональных адвокатах. Действительно, на первых порах казалось, что в новый институт пришли благодатные силы, способствующие искоренению дореформенных «аристарховых» – молодые выпускники престижных юридических факультетов. «Если мы чему-либо особенно радовались, чем особенно восхищались, то это появлением у нас настоящих адвокатов: умных, сведущих, искусных, усвоивших себе здоровое, сдержанное, умеренное истинно судебное красноречие», – пишет Н. И. Тургенев в 1868 г. [Тургенев 1868: 220]. Именно это первое поколение адвокатов имел в виду Щедрина, признавая, что «адвокатура наша поначалу довольно горячо заявила о своей солидарности с вопросами жизни» [Гессен: 199].

Можно прийти к выводу, что во время, когда был опубликован роман «Подспудные силы», в 1870 г. разочарование в адвокатуре, дошедшее до пика в 1875 г., когда появилась статья Е.Л. Маркова «Софисты XIX века», а также статьи Достоевского и Щедрина по поводу дела Кроненберга, только зарождалось, и противопоставление честных юристов будущего дореформенным ходатаям еще оставалось актуальным.

Возможность апологии ходатаев предвидел автор брошюры «Адвокаты и поверенные или ходатаи по делам: физиологический этюд»: «...найдутся, пожалуй, и жаркие апологисты поверенных по делам, которые за них заступятся <...> Посмотрите, скажут, сколько трогательных, умилительных примеров в защиту высокого призвания поверенных по делам. Вот бедная вдова, не успевшая еще осушить слез своих после смерти мужа, поверяет дело свое и своих малолетних детей искреннему другу покойного, и тот считает священным долгом принять на себя обязанность поверенного безо всякого возмездия...» [А.Г.: 24] и т. д. Далее автор разбивает эту гипотетическую аргументацию: хотя такое ходатайство и действительно безукоризненно в нравственном отношении, подобных людей, во-первых, ничтожно мало на общем фоне ходатаев нечистоплотных, а во-вторых, они все равно вредны в силу их юридической некомпетентности. Однако Чаеву удастся использовать подобную стратегию защиты «ходатаев по делам»: его герой не только бескорыстен, но и компетентен в силу высшего юридического образования.

Более яркие примеры компетентностного и нравственного отличия новых адвокатов от дореформенных ходатаев мы найдем далее в произведениях, где герои принадлежат к другому новому институту – частной адвокатуры. 25 мая 1874 года были приняты «Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам», учреждавшие частную адвокатуру². Сделано это было с целью восполнить нехватку кадров (малочисленные присяжные поверенные не могли обеспечить юридической помощью большую часть населения страны, кроме того, для получения должности присяжного поверенного требовался пятилетний стаж в должности помощника присяжного поверенного – не все хотели начинать карьеру с секретарской позиции), а также «для ограждения населения от неподлежавших никакому контролю ходатаев» [Фойницкий: 591].

В отличие от присяжных поверенных, частные поверенные могли выступать лишь в том судебном месте (мировой съезд, окружной суд или судебная палата), от которого получили патент, свидетельство. По этой причине частных поверенных также могли называть «патентованными» адвокатами. Для получения свидетельства необходимо было в этом же самом судебном месте выдержать устный или письменный экзамен, в ходе которого соискатель оценивался как с профессиональной, так и с нравственной точки зрения.

Однако на деле уже в 1875 г. сообщается, что «получили от судов отказ в патентах лица, окончившие курс юридических наук в университетах и занимавшие видные места по судебной иерархии или по общественной службе», в то время как нелегальные ходатаи с большим опытом «получили от судов патенты на звание адвокатов без всякого испытания в юридических познаниях, на основании обладаемой будто бы ими высокой нравственности» [Остроухов: 11].

Таким образом, институт частных поверенных занял промежуточное положение между присяжной и нелегальной адвокатурой, тяготея скорее ко второй. Несмотря на то, что присяжные и частные поверенные задумывались как два параллельных института с почти одинаковыми функциями, на деле получилось, что частные поверенные по сути своей были близки скорее к ходатаем, нежели к присяжным поверенным. Частные поверенные могли

² Согласно закону от 25 мая 1874 года, частными поверенными могли быть русские подданные, не исключенные в дисциплинарном порядке из числа поверенных и неподходящие ни под одну из категорий лиц, которым не разрешено быть присяжными поверенными» [Ильина 2016: 121].

выступать не более чем по трем делам в год в пределах одного мирового округа, однако это препятствие легко обходилось. Данная «лазейка», определенная законом, сделала возможным распространение подпольной адвокатуры. Уложение о наказаниях относило к нелегальной адвокатуре лиц, «не пользующихся правом ведения чужих дел в судебных установлениях, но при этом осуществляющих адвокатскую деятельность в виде подачи советов, составления бумаг по всякого рода судебным делам, из корыстных видов и с явной недобросовестностью, и в занятии, в виде промысла и из корыстных видов, ведением в судебных установлениях чужих дел». Нелегальным адвокатам достаточно было в течение года перемещаться из одного мирового округа в другой, в каждом производя не более трех дел. Ответственность за незаконное занятие адвокатской практикой была введена лишь в 1912 г.

Еще один значимый фактор возникновения частной адвокатуры – корпоративное устройство присяжной адвокатуры. Для того, чтобы стать присяжным поверенным, необходимо было не только выдержать «пятилетний иску» в должности помощника без права ведения собственных дел, но и заслужить одобрение корпорации, поскольку прием в присяжные поверенные осуществлялся органами корпоративного самоуправления – ежегодно избираемыми советами присяжных поверенных. Этим присяжная адвокатура заслужила упреки в монополии. «Кроме адвокатской, есть у нас много других специальных профессий, например, врачей, техников, педагогов и проч. <...> Странно было бы предоставлять каждой профессии особенные монопольные или политические права. <...> каждый окончивший курс медицинского факультета медик практикует, не испрашивая разрешения на практику медиков той местности, где он намерен заниматься медицинской практикой», – возражает против корпоративного устройства екатеринославский адвокат А. А. Остроухов [Там же: 18–19].

Таким образом, поначалу в частной адвокатуре возник приток новых сил – выпускники юридических факультетов, стремившиеся сразу приступить к делу судебной защиты, не тратя пяти лет на несамостоятельную должность помощника присяжного поверенного, получили патенты от провинциальных судебных мест. Такого героя мы видим в повести И. И. Сведенцова «Тесная рамка» (1876, напечатана в «Отечественных записках» анонимно, авторство установлено В.Э.

Боградом). Главный герой Владимир Львович Каштанов не называется напрямую частным поверенным, однако мы делаем вывод о его принадлежности именно к этому типу адвокатуры на основании того, что по сюжету он начинает вести первые судебные дела сразу после окончания юридического факультета, минуя службу помощником присяжного поверенного.

Повесть начинается с эпизода, когда маленький Володя за рубль, заработанный уроками, покупает лотерейный билет, чтобы с помощью выигрыша спасти семью от долгов. Учитывая существование других, более ранних примеров сравнения адвокатской деятельности с лотерей, а также то, что повесть в целом посвящена теме несправедливости (насколько мы можем судить по дошедшей до нас первой части – вторая была изъята цензурой из следующего номера «Отечественных записок»), появление лотереи в тексте вряд ли случайно. Даже если лотерея устроена без обмана, сама ее идея отрицает справедливость – ведь выигрыш может достаться зажиточному купцу, а не действительно нуждающемуся человеку, который потратил на билет значительную для него сумму (так и произошло в повести Сведенцова). Похожим образом, по принципу слепой удачи, был устроен и дореформенный суд, обращение к которому не давало никаких гарантий. В надежде на перемены и желая в этих переменах участвовать, Каштанов становится адвокатом. Утратив после злосчастного проигрыша в лотерею детскую веру в божественную справедливость, герой становится частью системы, должной обеспечивать справедливость земную.

Вот как студент Каштанов представляет себе свое будущее: «Поселюсь я в каком-нибудь губернском городе; найму комнату в семействе; под окнами палисадник с сиренями и черемухой <...> Я познакомлюсь с миром подсудимых того разряда, защищать которых – наша обязанность. Я пройду мимо общественного вора, мимо разных богачей, пустившихся в подделки и подлоги, и остановлюсь возле тех, которые преступны потому только, что они несчастны, потому только, что на них пала горькая доля изображать козла искупления за грехи общества» [Сведенцов 1876: 349]. Когда товарищи возражают ему, что проворовавшийся богач тоже имеет право на судебную защиту, Каштанов отвечает: «Да... но я все-таки защищать его не стану; к нему я могу отнестись только с прокурорской кафедры, потому что обвинять такого подсудимого и защищать тех, о ком я говорил, значит идти к одной и той же цели» [Там же].

Далее студент формулирует стратегию защиты в подобных делах: «Заметили ли вы, господа присяжные, сколько горькой иронии в словах прокурора: ведь не подсудимый страшен для общества, а общество страшно ему, потому что, сгубив его, оно не довольствуется этим, а еще требует наказания несчастного за чужую вину»... Я рассказываю потом в кратком очерке историю преступления, и перед присяжными совершается метаморфоза: вместо преступника оказывается бедняк, заслуживающий помощи, а не тюрьмы и Сибири... <...> Разве не великое наслаждение – услышать эти два слова [«Не виновен» – М.Б.], вызванные вашей речью? Вы указали настоящую точку зрения... Вы помогли улучшению законодательства, общественному прогрессу <...> Ведь эти «Не виновен» не одним только тем хороши, что освобождают от наказания невинного человека; ведь они постепенно разрушают отживший свой век закон, указывая на его неприменимость. Каждое из этих «Не виновен» есть капля, но совокупность капель образует поток, который сносит гнилые гати» [Там же: 350].

Поначалу адвокатская практика Каштанова в небольшом губернском городке складывается удачно – он добивается оправдательного вердикта для отставного солдата, попавшего под суд за кражу со взломом (эпизод, по видимому, взят Сведенцовым из собственной практики в качестве присяжного заседателя³). Однако далее герой сталкивается с тем, что его убеждения не находят сочувствия в губернском обществе – квартирная хозяйка недовольна, что жилец занялся бесплатной защитой и из-за этого не смог вовремя заплатить за жилье, а провинциальная интеллигенция расценила защиту солдата как рекламу и некую инвестицию в будущее – после бесплатной работы, окончившейся успешно, можно рассчитывать на более состоятельных клиентов. Таким клиентом становится богач, бывший председатель земской управы Кологривов. Каштанов отказывается вести его заведомо «неправое» дело о растрате земских денег, и Кологривов из мести организовывает травлю молодого адвоката, который и без того пришелся в городке не ко двору – ведь он не пьет, не играет в карты, не волочится за дамами, пишет в газеты статьи, осуждающие действия администрации, и отказывается видеть в салонных разглагольствованиях истинное сочувствие бедным людям. Единственный, кто поддерживает героя – спившийся отставной прокурор Диков, лишившийся должности за то, что был

³ об этом см.: [Сведенцов 1891]

выставлен сумасшедшим «с *idée fixe* оправдывать во что бы то ни стало» [Там же: 382]. Но и он считает, что служение обществу в текущих условиях невозможно – это «клад, которому еще тысячу лет в земле лежать надо» [Там же: 381].

Каштанова угрозами принуждают покинуть город. Сначала он пытается найти новое место, но, видя, что его однокашники по юридическому факультету также уже успели стать дельцами, растеряв все было студенческое прекрасноту, в разочаровании оставляет адвокатское поприще. Дальнейшая его судьба неизвестна, поскольку вторая часть повести так и не увидела свет, но имеющегося достаточно, чтобы увидеть замысел Сведенцова. Автор, знакомый с устройством пореформенных судов по собственному опыту, показывает, что хотя новые институты и привлекают честных профессионалов из рядов молодого поколения, долго они в системе не задерживаются – их идеи встречают сопротивление со стороны огромного количества наделенных властью людей. Обществу гораздо более удобны адвокаты по типу конкурента Каштанова Попрыгунчикова, который именуется себя «защитником, а не каким-нибудь фантазером» и открыто заявляет, что «адвокатура требует умения подтасовывать обстановку процесса» [Там же: 385]. В «Тесной рамке» вновь декларируется, что реформа не достигла своей цели, и новые принципы были лишь поставлены на службу старой несправедливости – проворовавшиеся богачи оправдываются путем подтасовки присяжных заседателей и под лозунгом: «Каждый имеет право на защиту!»

Другого юного адвоката мы видим в романе К. М. Станюковича «Два брата» (1880). Выпускник юридического факультета Николай Вязников противопоставлен одновременно «деревенскому аблакату» Потапке, обирающему крестьян, и известному столичному присяжному поверенному Присухину, богачу и салонному краснобаю. В начале романа Вязников по-настоящему увлечен литературной (как и герой Сведенцова, он пишет статьи) и будущей адвокатской деятельностью: «Искренностью и горячим, бьющим ключом чувством звучали его слова, когда он говорил об обязанностях честного человека служить своему народу. Его до глубины сердца возмущала всякая подлость, лицемерие и неправда. Глаза его в это время зажигались ярким огоньком, придавая его привлекательной физиономии еще большую привлекательность» [Станюкович 1881: 37]. Его мечты о будущем очень похожи на мечты Каштанова: «Ему

представлялось, как он будит общество своими громовыми, горячими статьями. Его все знают, лучшая часть общества его уважает. Он знаменитый писатель. Но вдруг на смену является другая картина. Он в суде и защищает – даром, разумеется, – несчастного вора. Речь его льется свободно, горячо. Масса публики жадно слушает его. Судьи даже восторгались, а прокурор совсем смущен. Он кончил и ждет... Выносят оправдательный приговор. Он жмет руку оправданному. Он счастлив и горд. Он не похож на своих собратьев. Он обелять не будет... Он будет по совести...» [Там же: 49].

На летних каникулах Вязников приезжает в деревню к своим родителям и берется бесплатно защищать крестьян в процессе против помещицы, которая пытается отнять у них лес, подаренный им ее покойным мужем. «Воображение тотчас же рисует ему заманчивую картину: он на суде говорит блистательную и убедительную речь при массе публики (верно, Нина Сергеевна тоже будет, и Леночка тоже) и выигрывает дело, являясь, таким образом, защитником угнетенных крестьян» [Там же: 154]. Но дело неожиданно заканчивается примирением сторон, герой лишается возможности проявить себя в частной адвокатуре и, возвратившись в Петербург, устраивается помощником присяжного поверенного, а в его внутреннем мире происходит перемена. Незаметно от мечты быть защитником угнетенных не остается и следа, но в отличие от сведенцовского сюжета, виной тому не общество, а сам Вязников. Автор с самого начала дает указания на то, что все, чем занимается это герой, будь то публицистика или первые шаги в адвокатуре, поверхностно, легковесно. Его статьям, полным увлечения и жара, не хватает основательности и фактов, в его умственной работе недостаточно усидчивости, дотошности, его мечтам о служении народу не хватает знания этого народа и искреннего сочувствия его тяготам (недаром, воображая себе будущую судебную сцену, он надеется, что среди публики будут местные дамы). И даже идеал семейного счастья Вязников исповедует лишь декоративно – женившись на умной и скромной Леночке, будущей сестре милосердия, он подавляет жену, навязывает претящий ей роскошный образ жизни, высмеивает ее мечты о переустройстве мира, которым некогда горячо сочувствовал, и тайно сгорает от страсти к одной сомнительной даме. В конце романа Вязников за гонорар в размере 50 000 рублей, защищает фабриканта, обвиняющегося в поджоге фабрики, который повлек за собой множество жертв. Всестороннее

моральное падение героя, его превращение в дельца изображено на фоне нравственного и интеллектуального становления его брата, будущего народника.

Несмотря на то, что главным образом нас в рамках данной работы будет интересовать изображение в литературе присяжной адвокатуры, анализ нелегальной адвокатуры (не имеющей прямого отношения к судебной реформе) и частной адвокатуры также важен. Вопреки взглядам самих юристов, которые утверждали, что негативное отношение к адвокатуре вошло в моду благодаря Достоевскому, Щедрину, Каткову и поддерживалось их авторитетом, мы видим, что скептические голоса раздавались в литературе и до середины 1870-х гг., когда вышеупомянутые литераторы громко выступили против института присяжных поверенных. Большинство обвинений (недобросовестная нажива, манипуляции клиентами с использованием «юридического языка», софистические приемы в речах, ведение неправых дел, отсутствие каких бы то ни было гарантий эффективности работы, пошлое крючкотворство во всех сферах жизни вплоть до семейных отношений) достались официальным адвокатам в наследство от нелегальных ходатаев. Реформа не привнесла никаких новых симпатичных черт в портрет адвоката, но вместе с тем лишила его главной индουλгенции – адвокатская профессия стала элитарной, а значит, отныне не могла быть оправдана борьбой за выживание и влиянием среды. Несмотря на декларируемые различия, литература обнаружила в дореформенных ходатаях и новых адвокатах много сходств, что усилило в обществе антилегалистские настроения. В то же время честные адвокаты (в том числе в нелегальной и частной адвокатуры) в литературе 1870-х гг. встречаются, но они не выдерживают гнета окружающей действительности и либо оставляют адвокатуру, либо становятся хищными дельцами.

Глава 2. Образ присяжного поверенного

§1. Литература и адвокатура: история взаимоотношений

Профессиональная присяжная адвокатура родилась в 1864 г. в рамках масштабной судебной реформы. Она возникла не только как институт правозаступничества и судебного представительства, но и как самоуправляемая корпорация, деятельность которой регулировалась второй главой раздела десятого Учреждения судебных установлений «О присяжных поверенных». Закон устанавливал довольно жесткие ограничения для кандидатов в судебные защитники по целому ряду цензов: образовательному (обязательное наличие юридического образования), стажевому (требовался опыт работы в сфере судопроизводства не менее пяти лет), возрастному (не моложе 25 лет), имущественному (к должности присяжного поверенного не допускались несостоятельные должники), цензу оседлости (присяжные поверенные закреплялись за определенными судебными палатами и должны были проживать в соответствующем округе) и другим. Чтобы продемонстрировать, насколько суровым был отбор будущих адвокатских кадров, достаточно указать, что только к присяжным поверенным предъявлялось требование обязательного наличия юридического образования⁴.

Окружная судебная палата контролировала формирование корпоративного органа – совета присяжных поверенных. Совет, в свою очередь, решал, принимать ли в сообщество тех или иных кандидатов (в том числе путем экзамена), устанавливал очередность присяжных поверенных для бесплатной защиты «лиц, пользующихся на суде правом бедности», рассматривал жалобы на присяжных поверенных, налагал дисциплинарные взыскания, устанавливал размер гонорара.

Что касается оплаты труда присяжного поверенного, существовало несколько механизмов. Во-первых, адвокат и его клиент могли заключить письменный договор. Во-вторых, в случае отсутствия такого договора сумма гонорара высчитывалась судом по определенной таксе (установленной Министерством юстиции в 1868 г. и не менявшейся до конца существования

⁴ «Интересно отметить, что требование наличия высшего юридического образования закон предъявлял лишь по отношению к присяжным поверенным. В том, что касалось судей, судебных следователей и лиц прокурорского надзора, это требование было смягчено оговоркой о том, что на указанные должности разрешалось принимать лиц, “доказавших свои познания по судебной части”» [Доронин, Несмиянов: 27].

Российской империи) исходя из цены иска и суммы издержек и взыскивалась с проигравшей стороны, если процесс был гражданским. В-третьих, из вознаграждений присяжных поверенных удерживался определенный процент, который отчислялся в корпоративную кассу – и этими деньгами впоследствии оплачивался труд адвокатов, представлявших интересы клиентов бесплатно.

Таким образом, упреки в стяжательстве представителей адвокатуры и готовности их вступить в сделку с совестью, стоит только посулить им большие деньги, были не всегда справедливы. Так, В. Д. Спасович, вопреки убеждению М. Е. Салтыкова-Щедрина, защищал С. Л. Кроненберга по назначению суда, то есть бесплатно.

В середине 1860-х гг. все крупные ежемесячные журналы обсуждают будущий институт адвокатуры. «Современник» подробно пересказывает положения Судебных уставов от 20 ноября, не упуская из внимания корпоративное устройство присяжной адвокатуры [Современник: 9–13]. «Эпоха» выражает опасения, что замкнутость адвокатской «касты» приведет к «застою, мертвенности, казенному формализму» [Ткачев 1864: 166–167]. «Русское слово» напоминает, что в Англии монополия адвокатского сословия «довела процессы до такой дороговизны, что бедному человеку гораздо легче быть повешенным, чем отдать себя в руки адвоката», ведь «корпорации адвокатов весьма выгодно усложняют юридические формальности и держать публику в полном неведении их» [Русское слово: 59]. Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков, до нечаевского процесса 1871 г. относившийся к новым судам с симпатией, в 1866 г. писал: «Мы считаем себя в праве сказать, что уже и теперь великая судебная реформа вполне оправдала те горячие надежды, какие на нее возлагались, и лучшее пожелание русского патриота состоит в том, чтобы из этого здания не было вынимаемо камней, чтобы изменения Судебных Уставов допускались лишь в случае очевидной необходимости и притом согласовались с общим духом новой системы» [Джаншиев 2008: 63–64]. Газета «Голос» предрекала пореформенным судам блуждание по «пустыне промахов»: «Может быть, даже вероятно, что при этом исходе, подобно ветхозаветным евреям, и мы <...> не вдруг, не тотчас вступим в обетованную землю; быть может, даже вероятно, придется пространствовать по бесплодной пустыне ошибок и промахов и опять поклоняться золотому тельцу, которого так долго обожали» [Там же: 64].

Иными словами, нельзя утверждать, что долгожданный новый институт был принят с однозначным восторгом. Общество и литература осторожно приглядывались к нему, заранее понимая возможные недостатки. К началу 1870-х созрело и недовольство: «Положим, любопытно иногда посмотреть и полюбоваться, как там, на суде, притворно плачут и актерствуют обвиняемые в подлогах и мошенничестве; небезынтересно изредка послушать, как там распинаются наши молодые и немолодые адвокаты, тщетно стараясь доказать, что клиент их чист и непорочен, как птица небесная, хотя и сами в душе глубоко убеждены, что клиент их – плут и пройдоха отъявленный. Не мешает иногда послушать, как иной, не по летам и не по фигуре увлекающийся адвокат, указывая пальцем на физиономию противника, говорит, что за одну такую гнусную фигуру можно уже послать человека в каторгу, хотя нетрудно доказать, что при существовании ссылки за одну лишь гнусную фигуру многим бы пришлось очень и очень плохо», – рассуждает автор внутреннего обозрения «Отечественных записок» в 1870 г. [ОЗ 1870: 141–142].

Если прежние ходатаи редко брали на себя смелость вмешиваться в следствие и выступать на судебном процессе, то в пореформенных реалиях отчетливо проявилось разделение адвокатской деятельности на два амплуа: адвокат-делец, ограничивающийся интригами вне стен суда, и адвокат-ритор, судебный оратор. В художественной литературе на первый план вышел новый сорт адвокатской беспринципности: теперь обличалась не столько тайная деятельность в виде уничтожения важных улик, подкупа свидетелей, подделки документов и т.д., сколько открытое «прелюбодеяние мысли», манипуляция сознанием присяжных (сведение любого преступления к влиянию среды, некорректная постановка вопросов и многое другое).

В данном параграфе мы хотели бы в хронологическом порядке обозначить основные события, определившие взаимоотношения между литературой и адвокатурой, характер которых описал Щедрин в «Недоконченных беседах» (1876), размышляя над ролью В. Д. Спасовича в деле Кроненберга: «Кажется, не будет ошибки, ежели сказать, что все указанные выше оговорки и недомолвки суть плод неясных отношений, в которые стала русская адвокатура к органам нашей печати, носящим название «либеральных». Адвокатура наша поначалу довольно горячо заявила о своей солидарности с вопросами жизни и потому весьма естественно встретила со стороны либеральной прессы самое

горячее сочувствие. Но, симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, как старшая сестра в либерализме, до того простерла свое усердие, что, подвергая действия адвокатов неусыпному контролю, заявила претензию держать это сословие в постоянной опеке. Начались обличения, взыскания, выговоры, почти угрозы...» [Щедрин: XV, 226]

Каким же образом адвокатура прогневала свою «старшую сестру в либерализме»? Благодаря роману «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского первым вспоминается резонансное дело Кроненберга 1876 г. В действительности же негативное отношение литераторов и публицистов к адвокатуре складывалось постепенно и планомерно усиливалось с конца 1860-х гг. Мы рассмотрим судебные дела, которые в ходе исследования показались нам особенно значительными с точки зрения восприятия общества, подробно останавливаясь на том, как проявила себя на этих процессах сторона защиты.

В 1868 г. титулярный советник Бильбасов обвинялся в мошенничестве с использованием подложного документа. Защищал его доктор прав присяжный поверенный А. В. Лохвицкий. Вот как выглядит это дело в изложении обозревателя «Отечественных записок»: «Г. Бильбасов обвинялся, между прочим, в том, что он представил расписку, признанную фальшивой. Г. Лохвицкий защиту свою основывает на той мысли, что такой умный и опытный человек как Бильбасов, если бы он действительно хотел смошенничать, ни под каким видом не поступил бы так неискусно, по-ребячьи и, вслед за тем, подробно излагает, как бы именно поступил Бильбасов, если бы он вздумал смошенничать» [ОЗ 1869: 278]. По версии Лохвицкого, настоящий мошенник лучше бы изучил почерк человека, чью подпись хочет подделать и т. д.⁵ Отдельно впечатлило журналистов неожиданное отождествление присяжных поверенных и дореформенных ходатаев, от которого новая адвокатура обычно всячески открещивалась.

⁵ Реализацию этого приема в литературе см., напр., в исполнении Раскольниковова: «– Я бы не так сделал, – начал он издаലെка. – Я бы вот как стал менять: пересчитал бы первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; начал бы ее считать, досчитал бы до середины, да и вынул бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свет, да переверотил бы ее и опять на свет – не фальшивая ли? "Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей таким образом намедни потеряла"; и историю бы тут рассказал. А как стал бы третью тысячу считать – нет, позвольте: я, кажется, там, во второй тысяче, седьмую сотню неверно сосчитал, сомнение берет, да бросил бы третью, да опять за вторую, – да этак бы все-то пять. А как кончил бы, из пятой да из второй вынул бы по кредитке, да опять на свет, да опять сомнительно, "перемените, пожалуйста", – да до седьмого поту конторщика бы довел, так что он меня как с рук-то сбить уж не знал бы! Кончил бы все наконец, пошел, двери бы отворил – да нет, извините, опять воротился, спросить о чем-нибудь, объяснение какое-нибудь получить, – вот я бы как сделал!» [Достоевский: VI, 127]

Защитник подчеркнул, что обвиняемый «сам был адвокатом (хотя в прежних, безгласных судах) и в свое время имел репутацию известного практика, следовательно, в данном случае в мошенничестве обвиняется известный законник, мастер своего дела» [Там же: 279]. Как отмечает обозреватель «Отечественных записок», этот риторический прием (реконструкция «идеального преступления»), призванная доказать, что реальное, «неидеальное» преступление было совершено вовсе не подсудимым, который слишком умен для таких ошибок) станет у Лохвицкого излюбленным, а сам адвокат приобретет в глазах общества нечто вроде специализации – «все без исключения в Петербурге очень хорошо знают, что в делах по обвинению в мошенничестве нет адвоката искуснее Лохвицкого» [Там же: 277]. Журнал «Вестник Европы» также выказывает адвокату ироническое восхищение: «Что касается таланта г. Лохвицкого, то он обнаружился во всем блеске. <...> Для этого нужно иметь больше чем адвокатские способности, нужно иметь в некотором роде стратегический гений» [ВЕ 1868: 449]. Отдельно отметим, что в своей речи, стремясь защитить Бильбасова, Лохвицкий довольно прозрачно намекал на виновность другого человека, проходившего по делу свидетелем, в связи с чем был впоследствии вызван в суд за клевету.

В январе 1869 г. начался процесс по «плотицынскому делу», известному историкам литературы благодаря упоминанию в повести «Вечный муж» Ф. М. Достоевского. «В доме «первостатейного купца и миллионера» Плотыцына, проживавшего в городе Моршанске, недалеко от которого в свое время началось распространение скопческой ереси, проживали «девять женщин, изуверски изрезанных», были найдены портреты-иконы скопческих лидеров, а также огромные богатства. Обнаружилось, что Плотыцын, предки которого были одними из первых последователей Селиванова, имеет связи с богатыми и влиятельными скопцами столицы, а также ссыльными сектантами Сибири и Шемахи. Данные обстоятельства послужили причиной того, что купец Плотыцын был объявлен «всероссийской главой скопцов», держателем «организованного» скопческого капитала, собираемого сектантами для основания «нового в России царства, которое должно ниспровергнуть нынешний порядок вещей и начать новую скопческую эру в России» [Снигирева: 57]. И размеры «скопческого капитала», и масштабы деятельности Максима Кузьмича Плотыцына были крайне

преувеличены в прессе. Общественный резонанс усилился дополнительно, когда сразу несколько газет сообщили о связи моршанских скопцов с польскими революционерами [Там же: 61]. Защищавший Плотицына князь А. И. Урусов приобрел реноме «адвоката скопцов», что позволяет предположить его в качестве прототипа в нескольких рассказах, очерках и пародиях («Принц-пудель» Ф. В. Ливанова⁶, «Адвокат Орлецкий»⁷ В. П. Буренина, «Благонамеренные речи» Салтыкова-Щедрина⁸). Плотицын даже снится будущему адвокату Мише Нагорнову в «Господах ташкентцах», что символизирует мечты героя о больших гонорарах.

В июле–сентябре 1871 г. состоялся суд над 79 нечаевцами, первый в России гласный политический процесс. Впервые присяжные поверенные заслужили масштабное неодобрение и консервативного, и либерального лагеря. Первое заключалось в реакции газеты «Московские ведомости». Как отмечает Е. В. Перевалова, «в предшествовавшие “нечаевскому процессу” годы газета «Московские ведомости» также зарекомендовала себя горячим защитником судебной реформы 1864 г., поклонницей новых судебных учреждений и суда присяжных. С началом действия новых судов в 1866 г. газета неоднократно обращалась к судебной тематике в передовых статьях, регулярно публиковала подробные отчеты о публичных судебных заседаниях, поясняла и комментировала примеры из практики нового судопроизводства и т.д., постоянно полемизировала с изданиями, стоящими на крайне правых позициях, в частности с газетой “Весть”. “Московские ведомости” неоднократно писали о том, что судебная реформа позволит ликвидировать произвол в судебной сфере и гарантирует соблюдение прав и свобод личности, а наличие суда как “силы независимой и самостоятельной” называли обязательным условием соблюдения законной свободы и обеспечения права <...> Но публичный суд над “нечаевцами”

⁶ В данном случае на Урусова указывает не только участие героя этой пародии в скопческом деле, но и указание на его княжеский титул.

⁷ «В заключение встал один скопец и провозгласил петушиным голосом: “Здоровье Андрея Андреича Орлецкого, которому наш клуб обязан своим процветанием!”» [Буренин 1874: С. 67].

⁸ «Помните ли вы Ерофеева, милая маменька? Того самого Ерофеева, который к нам по праздникам из школы хаживал? Теперь он адвокат, и представьте себе, какую штуку удрал! – взял да и объявил себя специалистом по части скопцов! До тех пор у него совсем дел не было, а теперь от скопцов отбою нет! На днях выиграл одно дело и получил сорок тысяч. Сорок тысяч, милая маменька!! А ведь он даже не очень умный!» [Щедрин: Т. 11, 78]. Возможно, намек на то, что после плотицынского дела у Урусова действительно появились другие «скопческие дела», например, дело московских скопцов Чумаковых (февраль 1869 г.) [Ливанов: 619], а также на слухи о баснословном богатстве Урусова [Степанова 2010: 43].

“Московские ведомости” назвали “странным процессом” <...> осуждение “Московских ведомостей” в первую очередь вызвали не столько сами приговоры в отношении обвиняемых, сколько сама атмосфера судебных заседаний, которая, по мнению “Московских ведомостей”, явилась индикатором господствующих в русском образованном обществе настроений. <...> Так, зал судебного заседания газета сравнила с салоном, “где люди собрались для приятной беседы”, настолько корректны и утонченны были приемы и обороты речи, в которых члены суда обращались к подсудимым. “Наша судебная практика цивилизованностью приемов даже превзошла порядки, принятые во всех цивилизованных странах, – иронично подчеркивалось в статье “Московских ведомостей”. – У нас подсудимых, уличенных и сознавшихся в убийстве, не просто *вводят*, но *приглашают* в судебную залу”. <...> Как казуистическую уловку, попытку завуалировать состав преступления газета рассматривала использование в речах адвокатов выражений “устранение человека”, “упразднение административных лиц” вместо слов “политическое убийство”» [Перевалова]. Словом, редакция «Московских ведомостей» сочла, что суд (и вслед за ним общество) опасно недооценивает радикальные идеи, лежащие в основе процесса, и даже стремится затушевать, ослабить их.

Парадокс ситуации заключается в том, что то же самое вызвало неудовольствие и либерального крыла печати. «Защитники – В. Д. Спасович, А. М. Унковский, К. К. Арсеньев и др. – стремились представить причастность своих подзащитных к тайному обществу Нечаева как «недоразумение», «великодушное увлечение молодости» и т.п., пытались убедить общественность в том, что тот или иной эпизод революционной деятельности подсудимых не представляет опасности для общественного и государственного устройства России, его нельзя квалифицировать как «политическое преступление», апеллировали к чувству жалости суда и публики, акцентировали внимание на тяжелом материальном положении подзащитных и т.д.» [Там же]. Строя защиту на подобных доводах, адвокаты обесценили серьезность революционных идей и словно открестились от тех самых «вопросов жизни», о которых пишет Щедрин. Безусловно, «Отечественные записки» или «Дело» не могли упрекнуть в этом адвокатуру прямо, но вот как эта мысль будет оформлена тремя годами позднее, во время суда над долгушинцами в эмигрантском журнале П. Л. Лаврова «Вперед!»:

«Наши молодые адвокаты, по естественному чувству самосохранения <...> с самого начала отделены целую пропастью от агитационных кружков молодежи, от людей, которые перешли неизбежно к необходимости социальной революции <...>. Из этого отдаления между целями и побуждениями обвиняемых и их защитников получается та противная фальшивая нота нашей адвокатуры в политических процессах, которая выражается в стремлении защитников нравственно унизить и задачу обвиняемых, и их личность. Защитник прежде всего боится, чтобы его не сочли солидарным по убеждениям с его клиентом. Он всеми силами старается доказать, что программа деятельности его клиента пошла и глупа. <...> В действительности *защитники* в государственных процессах представляют вторую группу *обвинителей*» [курсив автора. – М. Б.] [Лавров: 205]. Эти строки хорошо иллюстрируют общее мнение, сложившееся о присяжных поверенных в середине 1870-х гг.: профессия, обещавшая стать видной демократической силой, оказалась охранительной, поскольку не осмеливалась выступать прямо против авторитарного закона, которому служила.

Несмотря на то, что ни один из отобранных нами романов или рассказов не будет показывать участие адвокатов в политической жизни (за исключением «Андрея Кожухова» С. М. Степняка-Кравчинского и «Нигилистки» С. В. Ковалевской – произведений, написанных в эмиграции), важно понимать этот аутсайдерский характер положения адвокатов в обществе, столь ярко проявившийся именно в политических процессах – защитники не могли удовлетворить ни правых, ни левых. В дальнейшем мы покажем, как это положение «под перекрестным огнем» отразится на страницах художественных произведений. В частности, именно этим объясняется тот факт, что у многих героев-адвокатов (Вязников в «Два брата» Станюковича, Безбедный в «Скрежете зубовном» Авсеенко, фон Шнитцли во «Вне закона» Крестовского, Светлов в «Сумраке» Н. Северина и др.) имеется в той или иной степени оппозиционное прошлое, от которого они, по мере карьерного продвижения, все больше отрекаются, считая прежние убеждения «ошибками молодости».

В задачи нашего исследования не входит оценка справедливости такого взгляда на адвокатов. Очевидно, представление о них как о ренегатах, отступниках от прогрессивных ценностей, осторожных лицемерах окажется

слишком упрощенческим, если приложить его к конкретным людям – так, например, один из самых знаменитых (и одновременно самых «обласканных» вниманием литературы) адвокатов эпохи князь А. И. Урусов за участие в нечаевском процессе был арестован и изгнан из столицы⁹. Историки, исследовавшие становление адвокатуры в Российской империи, сходятся на мысли, что отношения между корпорацией присяжных поверенных и властью были довольно напряженными, а ряд мер, предпринятых в 1870–1880 гг. (приостановление учреждения советов присяжных поверенных в 8 из 11 округов, пристальное внимание III отделения к петербургскому, московскому и харьковскому советам, право министра юстиции немотивированно отстранять поверенных от «хождения по делам» и т. д.), можно назвать контрреформой¹⁰. Но мы приходим к выводу, что литераторы и публицисты не принимали эти доводы во внимание. Взгляд на адвоката как на предателя либеральных идеалов и служителя золотому тельцу стал в 1870-е гг. обиходным. Все сказанное нами выше справедливо для всех политических процессов рассматриваемой эпохи, поэтому на процессе над Долгушинцами, над Верой Засулич и т. д. мы подробно останавливаться не будем.

В 1872 г. присяжный поверенный К. К. Арсеньев выступил защитником одного из братьев Мясниковых, обвиняемых в подделке завещания купца Беляева. «Мясниковское дело <...> закончилось полным оправданием обоих братьев, чему, как предполагалось, содействовало служебное положение старшего брата в высшем органе политической полиции и, быть может, даже подкуп присяжных заседателей (эти предположения неоднократно высказывались в периодической печати)» [Щедрин: X, 748]. Речь адвоката Арсеньева высмеивается в ежемесячном обзоре Н. Демерта «Наши общественные дела» [ОЗ 1872: 81]. Комизм ситуации заключался в том, что довольно значительную часть судебных прений занял спор между защитником и обвинителем на тему того, был ли пьян конторщик Караганов, изобразивший подпись покойного Беляева на бланке, поданном ему Мясниковыми, и если был, то напился ли сам или же его напоили Мясниковы. Затем, по словам юристов А. Ф. Кони и И. В. Гессена, «Против К. К.

⁹ Такая же участь в 1872–1894 г.г. постигла С.М. Неклюдова, В.Ф. Леонтьева, Г.В. Бардовского, Д.В. Стасова [Троицкий].

¹⁰ См. об этом, напр.: «В самодержавной стране адвокатура как правовой институт не могла иметь должной свободы слова и дела. Она была сразу поставлена в такие условия, которые заведомо парализовывали ее политическую активность и ущемляли ее юридически» [Троицкий: 158–161].

Арсеньева было воздвигнуто целое словесное и печатное гонение за то, как смел он выступить защитником одного из Мясниковых. Были забыты его научные и литературные заслуги, благородство его судебных приемов и то этическое направление в адвокатуре, которого он, вместе с В. Д. Спасовичем, был видным представителем. Люди, знакомые с делом лишь по случайным фельетонам, сенсационным заметкам и заугольному шушуканию "аргонавтов", не хотели допустить мысли, что он мог быть убежден в невиновности обратившегося к нему подсудимого, и с пеной у рта вопили о полученном им за свой тяжелый и продолжительный труд вполне законном вознаграждении. Быть может, в этих завистливых нападках лежала одна из причин того, что вскоре русская адвокатура утратила в своих рядах такого безупречного и чистого, как кристалл, деятеля» [Кони 2020: 200]. Арсеньев вскоре действительно оставил адвокатуру, но не утверждал, что это решение вызвано травлей в печати. Мясниковское дело нашло отражение в «Дневнике провинциала в Петербурге», а черты Арсеньева, по нашему предположению, можно увидеть в адвокате фон Шнитцли из романа «Вне закона» Крестовского. Кроме того, считается что Щедрин шаржировал Арсеньева в образе «пенкоснимателя» Семена Петровича Нескладина, автора брошюры «Новые суды и легкомысленное отношение к ним публики»¹¹.

Говоря о резонансных судебных процессах 1870-х гг., невозможно проигнорировать дело игуменьи Митрофании, которое упоминается у Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Писемского, а также послужило основой для пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы». Гражданский истец Ф. Н. Плевако назвал обвиняемую в подлогах, мошенничестве и растрате игуменью «волком в овечьей

¹¹ «В этом персонаже воплощены некоторые черты известного юриста и публициста К. К. Арсеньева, которому принадлежал ряд передовиц на судебные темы в «Санкт-Петербургских ведомостях», а также брошюры «Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия» (СПб. 1870), «Судебное следствие» (СПб. 1871), и др. Заголовок пародирует содержание передовых статей «С.-Петербургских ведомостей», посвященных юридическим вопросам» [Щедрин: Т. 10, 760]. М. С. Горячкина раскрывает эту параллель подробнее: «В длинной по объему статье Нескладина с азартом, со всевозможными публицистическими ухищрениями и отступлениями болтает о том, когда крестьянам удобнее платить налоги — в январе, в марте или в феврале и апреле. На многих страницах полемизируя с воображаемым противником, в душе ужасаясь своей «революционности», Нескладин приходит к выводу: «По нашему мнению, от которого мы никогда ни на одну йоту не отступим, самые лучшие сроки для платежа налогов — это первое февраля и первое апреля. Эти же сроки наиболее подходящие и для executions» (X, 421), Щедрин строит речь своего персонажа точно так, как строились статьи либеральной прессы: с полемикой, с намеками на продажность противника и собственную смелость, с философскими отступлениями по поводу пустяков. Получался настоящий образец переливания из пустого в порожнее» [Горячкина: 78].

шкуре» («Овечья шкура на волке не должна ослеплять вас. Я не верю, чтоб люди серьезно думали о Боге и добре, совершая грабительства и подлоги» [Плевако: 64]), чем, вероятно, подсказал Островскому название пьесы. На тот момент Плевако сложно было упрекнуть в защите очевидных мошенников, но спустя три года, в ходе струсберговского процесса, пресса вспомнила его горячую речь против Митрофании, обвиняя адвоката в лицемерии и двойной морали: «Г. Плевако не придумал ничего сильнее, как упереться на то, что вот, мол, четырнадцать “именитейших, излюбленных граждан Москвы, которые пользовались всеобщим доверием и уважением, которым мы с удовольствием подавали руки, *вдруг* оказались мошенниками, ворами и грабителями, *вдруг* превратились в каторжников, в кандидатов на острог”. Но, г. Плевако, ведь и игуменья Митрофания тоже *вдруг* начала писать подложные векселя <...> Вы, однако, не пощадили ее, потому что с нее в ту пору нечего было взять» [Дело 1876: 453].

В конце 1875 г. большое внимание общественности привлекло «овсянниковское дело» – миллионер С. Т. Овсянников обвинялся в поджоге арендуемой им мельницы с целью получить страховку 700 тысяч рублей серебром. В. Н. Герард и П. А. Потехин в конце 1875 г. участвовали в «деле Овсянникова» – и более того, оба по итогу понесли дисциплинарную ответственность. Вот как описывает эту историю Г. А. Джаншиев: «Г. Герард был поверенным гражданского истца, страхового общества. *Вдруг* неожиданно по открытии заседания защита Овсянникова [адвокат Потехин. – М. Б.] заявляет отвод против Герарда, ссылаясь на то, что Овсянников обращался к нему с просьбой принять защиту» [Джаншиев 2008: 464]. Потехин получил от совета присяжных поверенных выговор, Герард – строгий выговор, и оба лишились звания членов совета. Пресса истолковала причины этих наказаний следующим образом: «Г. Герард, “слободно” прогуливавшийся от Овсянникова к Кокореву [владельцу мельницы. – М.Б.] и от Кокорева к Овсянникову <...> скушал от совета строгий выговор, а г. Потехин, скомпрометировавший на суде своего товарища <...>, отделался простым выговором или внушением» [Дело 1876а: 99], «В первое же заседание на этом процессе общее внимание всех обратило на себя усилие защиты устранить от участия в обвинении двух лучших из наших адвокатов, г. г. Спасовича и Герарда <...> Эта случайность так совпадает с

интересами защиты, что не хочется верить, чтобы она была действительно случайностью» [ОЗ 1875: 324]. Важность этого процесса для нашей темы отметил Салтыков-Щедрин: «Поводом к разрыву с литературой послужило знаменитое Овсянниковское дело, и, помнится, г. Спасович (конечно, как добрый товарищ, ибо лично он играл в этом деле роль против-овсянниковскую) первый поднял знамя бунта, сказавши на каком-то обеде, что адвокатура должна шествовать *своим* путем, независимо от внушений и контроля печати. За ним последовал и г. Потехин, который без церемонии обвинил русскую литературу в идиотстве» [Щедрин: XV, 227–228]. Под «ролью против-овсянниковскою» сатирик имеет в виду то, что Спасович представлял на суде интересы страховых обществ. Что же касается речи на «каком-то обеде», то она возмутила и А. С. Суворина: «Подняв бокал, Спасович провозгласил тост в такой форме: “Прелюбодей мысли пьет за здоровье софистов XIX века!” Что это: чистосердечное признание, циническая выходка или ирония? Затем он стал развивать ту идею, что литература и общество, клеймящие такими эпитетами адвокатов, сами медного гроша не стоят, а потому обращать внимание на то, что они скажут об адвокатах – не стоит труда» [Суворин: 136–137]. «Обвинения русской литературы в идиотстве» со стороны Потехина прозвучали в составленной им жалобе, поданной Овсянниковым в Санкт-Петербургскую судебную палату либо в его речи – «Дело» свидетельствует, что Потехин на суде «ругательски ругал печать», на что журнал отвечает эпиграммой:

*Когда бы ты, Потехин Павел,
Умом и тактом обладал,
Ты б ярый гнев свой поубавил,
Литературу б не ругал.
И кто сказал тебе, что пресса
В Европе о судах молчит,
Что голос правды и прогресса
Там никого не шевелит?
И кто тебя уверил смело,
Что адвокату все равно –
Пристойно или гнусно дело,
Лишь было б денежно оно?» [Дело 1876а: 95–96].*

Жалобы Овсянникова и его адвоката на русскую литературу высмеивает также Г. З. Елисеев во внутреннем обозрении «Отечественных записок» [ОЗ 1875: 68]. Елисеев же обращает внимание на фразу присяжного поверенного К. К. Арсеньева в обзоре «Заметки о русской адвокатуре»: «Желание адвоката охранить неприкосновенность своей репутации, предупредить даже возможность нареканий, вполне понятно и законно. Но оно не должно доходить до малодушной боязни перед общественным мнением». Елисеев возражает: «...адвокат есть представитель общественного взгляда или, если угодно, общественной совести относительно применимости идеи закона к данному преступнику» [ОЗ 1875а: 302]. Одним словом, можно сказать, что именно овсянниковское дело перевело конфронтацию между литературой и адвокатурой, до тех пор не столь рьяную, в открытую форму. «Коль скоро адвокатура выказала намерение отмежеваться от области общих умственных и нравственных интересов, надо воспользоваться этими ее попятными, не навязывать ей общения и отвести то место, которое она должна действительно занимать в кругу разнообразных ремесел», подытоживает Щедрин [Щедрин: XV, 228.]

Вышеупомянутый тост Спасовича отсылает к статье Е. Л. Маркова «Софисты XIX века», в которой горячо критикуются пороки новой адвокатуры, «дух хищничества», воцарившийся в ней. Тем не менее, многим она показалась слишком радикальной. «Отечественные записки», которым Марков предложил статью изначально, не напечатали ее, поэтому текст появился в сокращенном виде лишь через год в газете «Голос». Причины отказа «Отечественных записок» Е. Евгеньев-Максимов объясняет так: «Критика Марковым адвокатуры и новых судебных учреждений исходила по существу из феодальной, реакционной основы и была проникнута враждебностью к идеям демократии и социализма, слегка завуалированной либеральной фразеологией» [ЛН: 382]. С комментариями и оговорками такую мотивировку можно принять: под «феодальной, реакционной основой» здесь имеется в виду некоторая ностальгия по дореформенному суду, которую можно было почувствовать в тексте Маркова, и выражение сомнения в полезности института адвокатуры и суда присяжных вообще. Именно на это редакция «Отечественных записок» не была готова пойти, хотя в остальном критика присяжных поверенных, как мы неоднократно показывали выше, не составляла для журнала проблемы: «Г. Марков поместил в “Голосе” статью об

адвокатуры, которой мы никак не можем сочувствовать, как за ее крайние выводы, так и за ее резкие выражения. Г. Марков позволил себе называть адвокатов софистами XIX века и прелюбодеями мысли. Тем не менее, нельзя не признать, что в статье высказано много правды, несмотря на ее излишества» (далее следует резкое осуждение «неуместной выходки» Спасовича) [ОЗ 1875б: 241]. В подобном тоне отозвался о статье и Суворин: «Не хвати г. Е. Марков через край, статья его имела бы большое значение, ибо адвокатура и в самом деле представляет такое поле, где охота производится без соблюдения всяких правил нравственности» [Суворин: 33–34]. Резко осудили статью «Судебный вестник», «Вестник Европы», полемический фельетон вскоре появился в самом «Голосе» (см: [Стрижева Бирюкова: 198]). Тем не менее, пейоративы «софисты XIX века» и «прелюбодеи мысли» стали устойчивыми, о чем свидетельствует название главы «Прелюбодей мысли» в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

В октябре 1876 г. в Москве прошел процесс по делу о крахе Московского коммерческого ссудного банка. Беспрецедентная сумма растраты (7 миллионов рублей) и сам факт первого в истории России банкротства частного банка привлек огромное внимание общественности, тысячи людей потеряли свои вклады, в связи с чем А. Ф. Писемский назвал произошедшее «общенародным бедствием» [Писемский: 588], произошел кризис национальной банковской системы, многие крупные банки понесли серьезные потери. Процесс получил название «струсберговского» по имени одного из фигурантов дела, международного авантюриста Б.Г. Струсберга. В силу большого количества обвиняемых на скамье подсудимых, в суде было задействовано и много адвокатов: Плевако, Е. Утин, Лохвицкий. Мы уже немного коснулись этого дела, когда рассказывали о деле игуменьи Митрофании, и о том, как на основании сопоставления этого суда и суда над дирекцией банка Плевако был уличен в двойной морали. Добавим, что критика защиты наиболее полно выразилась в статье «Перехваченные письма петербургского адвоката о струсберговском процессе» из внутреннего обозрения «Отечественных записок». Анонимный автор от лица опытного петербургского адвоката посвящает адресата, молодого коллегу, в философию профессии на примере дела ссудного коммерческого банка. По сюжету, юному адвокату предлагают выступить на струсберговском процессе за вознаграждение в 10000 рублей. Старший товарищ хвалит сослуживца за карьерные успехи и дает

полезные наставления: оценить платежеспособность клиента, наказание, которое тому грозит, если нужно, припугнуть его, словом, «суметь воспользоваться этим кушем вполне» [ОЗ 1876: 119]. Затем старший адвокат журит своего собеседника за юношеский идеализм, когда тот выражает сомнения в честности своего потенциального подзащитного, и многословно объясняет, почему чистая совесть и адвокатура несовместимы. Герой полагает, что его коллега «по молодости и неопытности попал в дурное общество и зачитывается старыми книжками “Современника”, “Учебником уголовного права Спасовича” [Там же: 122] и тому подобным хламом», в то время как главной настольной книгой адвоката должно быть «“Руководство присяжных поверенных”, начертанное бывшей звездой нашего сословия К. К. Арсеньевым», тем более что Спасович уже и сам отказался от своих прежних утопических воззрений [Там же: 123]. «Адвокат – вовсе не философ, не искатель истины. Напротив, на его прямой обязанности лежит извращать истину, представлять дело не иначе, как в благоприятном виде для его клиента, а если доказательства преступления слишком ясны, то, по крайней мере, разными способами, насколько возможно, затемнять дело для того, чтобы сбить с толку присяжных заседателей и добыть от них более или менее благоприятный для обвиняемого вердикт» [Там же: 123–124]. Далее вымышленный присяжный поверенный посвящает отдельные главы Плевако, Утину и Лохвицкому, демонстрируя, что с поставленной выше «задачей» они справились блистательно. С этой оценкой солидаризируется Достоевский: «Адвокаты, провозгласившие в этом деле своих «попавшихся» клиентов идеалами людей, пропевшие им гимн как «лучшим людям всей Москвы» (именно в этом роде), — лишь дали маху. Они показали, что сами-то они — не только люди без малейших серьезных убеждений, но даже без всякой выдержки и без чувства меры, и если и играют у нас роли «европейских талантов», то единственно на безрыбье» [Достоевский 1994: Т. 13, 336].

Струсберговский процесс упоминается не только в «Дневнике писателя» Достоевского, но и в «Анне Карениной» Толстого, в сатирической книге «В среде умеренности и аккуратности» Салтыкова-Щедрина, а также лежит в основе сюжета вошедшего в наш корпус романа «В тине адвокатуры» Н. Э. Гейнце (1884).

Наконец, резкой критикой адвокатуры запомнилось дело Кроненберга, которое слушалось в январе 1876 г. Особенно громко звучали голоса Щедрина и Достоевского, глубоко возмущенных адвокатской речью по делу, которое, по сути, представляло собой несостоявшийся инфантицид (бытовало мнение, что Кроненберг забил бы свою дочь до смерти, если бы его не остановила прислуга). Обычно историки права склонны считать полемику вокруг Кроненберга и Спасовича самой ожесточенной и показательной из всех (см., напр.: [Гессен: 200]).

Как нам кажется, начиная со второй половины 1870-х гг. напряжение в отношениях между литературой и адвокатурой начинает снижаться. Последующие громкие судебные процессы (например, суд над Верой Засулич в 1878 г., защитник – П. А. Александров) хотя и вызывали отклик у публицистов, но не добавляли в критику института присяжных поверенных новых мотивов. Основные «претензии» к адвокатуре – «ведение неправых дел», использование манипулятивных техник (реконструкция «идеального преступления» по Лохвицкому), алчность и баснословные гонорары, девальвация либеральных идеалов (или же, наоборот, подыгрывание революционерам), наконец, нежелание признать в литературе «старшую сестру в либерализме» – уже успели оформиться и стать общим местом к середине 1870-х гг. В дальнейшем к этому списку прибавится разве что упрек, уже не связанный напрямую с судебной деятельностью – адвокаты пытаются участвовать в литературном процессе, однако судят о литературе поверхностно, непрофессионально. Такими эстетствующими «парнасцами» изобразил адвокатов И. И. Ясинский в романе «Лицемеры» (1894), а прототипом присяжного поверенного и любителя литературных вечеров графа Киселева станет князь Урусов [см. об этом подробнее: Нымм: 53].

Центральной проблемой адвокатской этики и писатели, и сами адвокаты считали «ведение неправых дел» (Г. А. Джаншиев). Природа этой коллизии очень проста: поскольку по закону каждый человек имеет право на судебную защиту, значит, такое право имеет и заведомо виновный преступник. Если, согласно концепции, разработанной М. Н. Катковым [Arnold: 138–143], судебные ошибки являются органическим пороком суда присяжных, то ведение неправых дел

рассматривалось как органический порок адвокатуры, которая, как сформулировал в 1884 г. сенатор Н. П. Семенов, «вносит в храм правосудия торг с совестью и тайный безнаказанный подкуп» [Семенов: 307] Протестуя против подобных суждений, Г. А. Джаншиев в этюде «Ведение неправых дел» рядом примеров доказывает, что на протяжении всей истории своего существования адвокатская корпорация борется со злоупотреблениями в своих рядах, и в 1874 г. возникло первое дисциплинарное дело против присяжного поверенного, «выдвинувшее впервые весьма важный для адвокатской корпорации вопрос: подлежит ли ответственности адвокат за ведение такого дела, за отстаивание таких требований, бесчестность, безнравственность коих ему была заранее известна?» [Джаншиев 1886: 11]. Адвокатское сообщество, по воспоминаниям Джаншиева, разделилось на два лагеря: одни осудили коллегу за нарушение профессиональной этики, другие же видели в ведении неправых дел адвокатскую независимость и свободу, не подлежащую ограничению, которое к тому же нарушило бы основополагающий принцип адвокатуры: право каждого человека на защиту. Пока присяжные поверенные еще только дебатировали проблему, литература ответила на этот вопрос однозначно: адвокатура без ведения неправых дел невозможна, это ее органический порок, ее суть. Тема защиты заведомо виновных преступников будет так или иначе затронута во всех рассматриваемых нами романах.

Каких литературных героев сами адвокаты считали заслуживающими внимания в свете репрезентации своей профессии? Ответить на этот вопрос поможет памфлет В. В. Птицына «Древние адвокаты и наши присяжные цицероны» (1894), впервые опубликованный в журнале «Наблюдатель». Присяжный поверенный Птицын здесь выступил в неожиданном амплуа «адвоката против адвокатуры», как назвал его вступивший с ним в полемику адвокат В. Н. Ильинский. Весь памфлет Птицына посвящен критике риторических приемов, корпоративного устройства и устоявшейся этики присяжных поверенных, а взаимоотношениям адвокатуры с русской литературой посвящена отдельная глава. «Во главе наших писателей-художников, изображавших типы и нравы присяжных поверенных, стоит, конечно, М. Е. Салтыков с его бессмертным типом Балалайкина. Как и подобает гениальному писателю, Салтыков в изображении этого общего типа современного присяжного поверенного не погрешил ни на йоту <...> Другие писатели только дополняли,

объясняли и разукрашивали созданный им тип. Достоевский («Братья Карамазовы»), Некрасов ... <...> Эртель в одном из своих романов [«Смена» – М. Б.], Терпигорев (С. Атава) в фельетонных рассказах, Буренин в сатирах и др.» [Птицын: 264].

Обзор самых громких судебных дел конца 1860-х – начала 1870-х гг. позволил нам не только проследить зарождение и развитие основных направлений критики адвокатуры, но и очертить круг самых значимых адвокатских имен эпохи. В целом перечисление их можно свести к следующему отрывку из стихотворного фельетона Буренина:

И в судах российских вольно

Всевозможных кляуз стяги

Разовьют с победным кликом

Благородные сутяги:

Пан Спасович, Подлюкович,

Александров, Прохвостецкий,

Ицка Шутин, князь Свинтусов

И великий наш Лохвицкий! [Буренин 1892: 231]

§2. Аблакаты превращаются в адвокатов¹²

Нам кажется логичным продолжить тему предыдущей главы и в первую очередь проанализировать произведения, в которых преемственность между дореформенными ходатаями и новыми присяжными поверенными выражена эксплицитно.

В уже упоминавшемся нами романе Станюковича «Два брата» (1880) представлены все три возможных типа адвокатов: деревенский ходатай Потап Осипов, частный (на раннем этапе своей карьеры) поверенный Николай Иванович Вязников и присяжный поверенный Алексей Алексеевич Присухин. Первых двух героев связывает одна история: неподалеку от родного имения Вязникова, куда он после окончания университета приезжает на каникулы, откупщик-миллионер

¹² Название параграфа перефразирует цитату «Адвокаты превращаются в аблакатов» из очерка «Митрофаны» Салтыкова-Щедрина (1870), который впоследствии вошел в цикл «Господа ташкентцы». Здесь сатирик имеет в виду, что присяжные поверенные становятся мало отличимыми от дореформенных нелегальных «аблакатов».

Кузьма Кривошейнов («живодер здешний», «очень влиятельный человек в уезде», которому «почти все должны», «один из тех "новых людей", которые вдруг, как грибы, выросли на развалинах вымирающего барства» [Станюкович: 105]) всячески досаждают крестьянам. Это типичный «мироед» народнической литературы, сродни Петру из «Устоев» Златовратского или кулакам Н. И. Наумова. За год до описываемых событий он ссудил мужиков деньгами под залог построек и хлеба, вернуть долг они не смогли, по инициативе Кривошейнова их имущество должно быть конфисковано. Когда к мужикам приезжают приставы, те оказывают «сопротивление власти» и избивают сельского аблакату Потапку.

О Потапе Осипове сказано, что он «Кузькин сподручник. Доверенный из мещан. Лютая тварь...» [Станюкович: 120], присланный Кривошейновым «для присутствия, в виде как бы аблакату» [Там же: 127]. Портрет его неприятен: «Изпод вспухших век злобно выглядывали маленькие неприятные рысьи глаза» [Там же].

Юный выпускник юридического факультета Николай Вязников пытается вступить за крестьян, пишет прошение на имя губернатора. «Оставались бы у нас, Николай Иванович, право. – просят его, – В деревне жизнь вольная. Тоже и здесь дело найдется. Вы собираетесь в адвокаты? Так у нас честному человеку здесь дела-то довольно, право. Аблакаты-то здешние, вроде Потапки, душат мужика!..» [Там же: 150].

Потапке уделено не так много внимания в тексте, но отношение натуралиста Станюковича к сельским аблакатам понятно, и из этого маленького эпизода – такие ходатаи-«живодеры» не только не искоренены судебной реформой, они прекрасно устроились на обломках крепостного права и на службе новому капиталу – откупщикам, кулакам. Для них даже открыта возможность своеобразного карьерного роста: в дальнейшем читатель узнает, что «Кузька-то [Кривошейнов] ноне к вам в Питер переехал разбойничать, а за себя Потапку оставил...» [Там же: 392]. Деятельность ходатаев в романе представлена абсолютным социальным злом, «разоряющим и без того нищий народ» [Там же: 108].

Но и присяжный поверенный Присухин предстает персонажем малосимпатичным. Читатель знакомится с ним, когда он излагает за обедом свою «теорию»: «Негодуйте, сердитесь, волнуйтесь, а факты остаются фактами; народ, масса не только в бедном нашем отечестве, но даже в более

цивилизованных странах похожа на стадо баранов, бессмысленное, стихийное стадо, не имеющее ни за собой, ни перед собой ничего. <...> И вот почему мне так прискорбно, что у нас вдруг заговорили о народе, появились какие-то народники в литературе, в обществе, среди молодежи. Убогого дикаря они хотят нам представить светочем истины. <...> Сила в интеллигенции, а не в народе. Мы одни действительно являемся нередко страдальцами, а не народ» [Там же: 71–72]. Согласно концепции Присухина, присяжная адвокатура – это интеллигенция, движущая сила истории, которая, однако, совершенно не должна стесняться себя идеями служения народу. Важная роль адвокатуры в прогрессе, хотя герой и не говорит этого прямо, заключается, напротив, в поддержке надвигающегося «царства Ваала», то есть капитализации общества.

Поначалу Присухин крайне антипатичен Вязникову – юристу нового поколения, защитнику крестьян, автору статей в либеральных журналах (про статьи эти известно только, что они написаны «хорошо, честно, горячо», в традиции Добролюбова и «другого известного русского писателя» (т. е. Чернышевского), но им «не хватает фактов» [Там же: 183]. Опубликованы они в вымышленных печатных органах с говорящими названиями «Указатель прогресса» и «Общественное благо» [Там же: 232]). Вязников вступает в спор по поводу «безнравственной теории», но «Алексею Алексеевичу не стоило большого труда сбить с позиции своего молодого противника. Своим тихим, ровным голосом он полегоньку, с видом пренебрежительной снисходительности, разбивал его. Николай чувствовал, что правда на его стороне, чувствовал всем существом своим, что в доводах Присухина, по видимому основательных, скрывается высокомерный эгоизм, но видел, что ему не совладать с мастерской диалектикой противника, с солидностью его эрудиции. Он не мог не заметить, что Присухин играет с ним, как старый, опытный боец. На одно его доказательство, на одну его цитату он приводил несколько других, причем упоминал такие сочинения, о которых Николай и не слыхивал» [Там же: 73–74]. В дальнейшем мы будем часто встречать указания на то, что адвокаты даже в салонных спорах или в любовных объяснениях разговаривают так, будто они находятся в зале суда – манипулируя собеседником, добиваются необходимых эмоций, в то время как сами если и допускают увлечение, то только напускное, на фоне полного хладнокровия.

Как мы уже рассказывали в предыдущей главе, Николаю Вязникову не удается остаться верным своим идеалам на адвокатском поприще. Станюковича на протяжении всего его творчества волновала проблема вырождения «свежих сил России» в циничных честолюбивых карьеристов. Еще более отчетливо эта метаморфоза изображена в романе «Омут» (1881), где предприниматель Олюнин морит голодом ткачей и шахтеров, хотя в молодости увлекался Прудоном. На примере романа «Два брата» Станюковича можно понять, как смотрели на адвокатуру писатели с сильным народническим элементом в художественно-литературных воззрениях. Постепенно Вязников идет по стопам столь ненавистного ему Присухина и в финале романа предстает защитником того самого Кузьмы Кривошейнова, «обвинявшегося в умышленном поджоге фабрики, причем погибло много жертв» [Там же: 399] за пятидесятитысячный гонорар. Возможно, это отсылка к знаменитому делу Овсянникова (тем более, что в этой истории была сожжена мельница, и Кривошейнов по сюжету ранее владел мельницей), в котором, справедливости ради, не было жертв. Все, кто знал Николая, шокированы его участием в таком процессе, а сам он пишет отцу, что «надо трезвее смотреть на жизнь» [Там же: 400]. Причину морального падения Вязникова можно объяснить словами В. Г. Короленко: «Когда суду предстояло при помощи закона бороться с остатками крепостнических пережитков, – адвокатуре *eo ipso* часто могла выпадать на долю их защита. А так как по взглядам и убеждениям адвокатура была, конечно, на стороне новых начал, то нередко на этой почве возникала та степень компромисса, которая не проходит безнаказанно для человеческой совести» [Короленко: 668], только добавим от себя – опасный компромисс возникал не только на почве борьбы с наследием крепостного права, но и на почве зарождающегося капитализма. Старые мироеды и кулаки становятся капиталистами нового типа – и вместе с ними эволюционируют обслуживающие их дельцы, превращаясь из потапок в вязниковых и присухиных.

Строки Короленко посвящены Балалайкину – пожалуй, самому известному литературному адвокату эпохи. Как мы помним, «адвокат против адвокатуры» Птицын именно этого героя считает основным выразителем типических черт присяжного поверенного. Рассмотрим образ, созданный Салтыковым-Щедриным, поскольку в нем также чувствуется продолжение

традиций дореформенных ходатаев, хотя выражено оно более косвенным образом.

Балалайкин впервые появляется в книге «В среде умеренности и аккуратности» (1874–1876) в качестве эпизодического персонажа, а уже в «Современной идиллии» (1877–1881) играет важную роль в сюжете. Книга «В среде умеренности и аккуратности», состоящая из двух циклов, «Господа Молчалины» и «Отголоски», как можно догадаться по названию, представляет собой сатирическое обозрение типов чиновничества, которое, по убеждению Щедрина, и в 1870-е годы продолжает давние молчалинские традиции. Сатирик заимствует у Грибоедова героев – в первую очередь, самого Алексея Степановича Молчалина; упоминаются Чацкий, Софья, Загорецкий; что же касается адвоката Балалайкина, то он – «Репетилова сын побочный; помнишь, Стешка-цыганка была — так от нее...»¹³ [Щедрин 1971а: 47]. К слову, другой поверенный по фамилии Подковырник-Клещ является сыном Чичикова и Коробочки. Такова, по Щедрину, литературная генеалогия адвокатов: их отцы – глуповатый отставной чиновник, ведущий разгульную жизнь с цыганками и играми (но, впрочем, слишком простодушный для того, чтобы вызывать негодование¹⁴) либо ловкий, осторожный мошенник. Когда героям «Господ Молчалиных» требуется юридическая помощь, они, рассмотрев этих двух кандидатов, все же предпочитают выбрать потомка Репетилова, а не Чичикова. Знакомство читателя с Балалайкиным происходит на фоне обсуждения процесса игуменьи Митрофании – впечатленные выражениями, которыми Плевако «кастил» подсудимую («А ведь они, адвокаты-то, нынче за деньги какие хочешь представления дают» [Там же: 46]), герои желают, чтобы и их поверенный проявил в деле такой же пыл.

Пообещав помочь Софье Павловне уладить проблемы с завещанием ее супруга Чацкого (который, будучи человеком совершенно неискушенным в юридических тонкостях, допустил в завещании формальную ошибку, делающую

¹³ «По-своему характеризует героя его литературная родословная. “Репетиловская” наследственность сказывается в безграничном “диапазоне” его занятий, в пристрастии к водевильным литературным упражнениям, в чисто репетиловского оттенка прикосновенности к “политике”» [Жук 1958: С. 99].

¹⁴ «Репетилов, это – идеал душевной опрятности; Репетилов, это – человек без упрека... разумеется, говоря не абсолютно, а сравнительно. Репетилов легкомыслен, назойлив и даже, пожалуй, противен, но все-таки вряд ли кому-либо из его сверстников могло прийти на мысль сказать при взгляде на него: вот человек, которого настоятельно нужно повесить. Подобный приговор был бы и жесток и несправедлив, потому что преступления, совершаемые Репетиловыми, таковы, что щелчок в нос служит вполне достаточною для них оценкою» [Щедрин 1971а: 199–200].

его недействительным) за сумму даже меньшую, чем законные 10% от цены иска (адвокат-сын Чичикова, вероятно, потребовал бы больше), Балалайкин в следующий раз появляется во второй части книги, чтобы изложить рассказчику свою бизнес-идею. Поскольку на фоне разворачивается Русско-турецкая война 1877–1878, адвокат хочет заняться поставками на фронт тухлых килек. В пространной и увлеченной речи он объясняет детали будущего предприятия: преимущества килек перед сардинками, потенциальная целевая аудитория килек, прогноз успеха на основании анализа газетных корреспонденций и т. д. Закончив говорить, «он вдруг поперхнулся и выпучил глаза. Ни судей, ни присяжных, ни публики – никого перед ним не было. Несколько минут он стоял в изумлении, припоминая, каким образом он очутился в моей квартире и что собственно заставило его произнести вдохновенную речь в защиту кильки» [Там же: 197]. Как и Станюкович, Щедрин показывает, что даже вне зала суда адвокаты строят свои речи по судебно-ораторским законам, заботясь больше об эмоциональном впечатлении, нежели о фактах или нравственной безукоризненности их доводов.

Заметим, что в предыдущей главе мы уже описывали аналогичное предприятие, в котором участвовал герой романа Чаева «Подспудные силы» ходатай Аристархов. Нам не удалось найти подтверждений знакомства Щедрина с романом Чаева, но, учитывая влияние «Подспудных сил» на Толстого и Достоевского¹⁵, оно вполне возможно. В таком случае сходство между присяжными поверенными и их дореформенными предшественниками становится еще более очевидно – они буквально занимаются одним и тем же.

Выслушав Балалайкина, рассказчик напоминает ему об отце, Репетилове – человеке, по его мнению, небезгрешном, но скромном, отличающимся умеренностью и аккуратностью. Балалайкин же, следуя своим неумеренным и неаккуратным аппетитам, рискует составить компанию авантюристу Струсбергу. «Теперь сравните же... но нет! Ах, Балалайкин! если бы вы могли сделаться Репетиловым *вполне* — как бы это было хорошо, и как бы я был счастлив за вас! Но, к сожалению, в тайне вашего рождения участвовала и Стешка-цыганка, и я боюсь, что Стешкина вороватость и на будущее время возьмет в вас верх над репетиловским легкомыслием!¹⁶» [Щедрин 1971а: 200].

¹⁵ См., напр.: [Андреева 2015: 8].

¹⁶ Последнее предложение взято не из финального текста, а из черновой рукописи первоначальной редакции. – М. Б.

Таким образом, как мы видим, Щедрин возводит присяжных поверенных 1870-х гг. не столько к деревенским и мещанским аблакатам, сколько к грибоедовско-гоголевскому типу чиновника. Точнее, можно сказать, что генетически адвокаты «состоят» из мелкобуржуазных репетиторских, «испорченных» наследственностью Стешки, и по этой причине утрачивают главный «наследственный признак» администраторов предыдущей формации – умеренность и аккуратность. Действительно, Балалайкин гораздо ближе к Молчалину или чаевскому Аристархову (который хотя и не чиновник, но человек «молчалинского круга», «поверенный по делам важных господ»), нежели к Потапке Станюковича или к грошовому трактирному дельцу Ломачинского. В этом случае тоже можно говорить о продолжении традиций дореформенных нелегальных адвокатов, однако следует оговориться, что имеется в виду самая высшая каста этой профессии.

В основе следующего сатирического романа Щедрина «Современная идиллия», как пишет А. А. Жук, лежит мысль о том, что на данном историческом этапе и в данной среде «аморализм служит гарантией политической благонадежности» [Жук: 6], в то время как людям, не желающим терять человеческий облик, остается только «годить». Исследовательница отмечает, что традиционно образ Балалайкина рассматривался в свете «разоблачения измен либерализма» (используя выражение В. И. Ленина) и критики буржуазной интеллигенции, которая лицемерно фрондирует, осознавая, что на самом деле государство защищает ее интересы, в то время как в действительности героев «Современной идиллии» стоит рассматривать в более широких гуманистических категориях: «речь идет о судьбе человечества, о самой природе человека, о том, создан ли он только для пребывания в состоянии “идеально-благонамеренной скотины” и может ли <...> удовлетвориться этим жребием» [Там же: 30].

Ту часть сюжета, которая имеет отношение к Балалайкину, можно кратко обозначить так: главному герою, Рассказчику, поступает предложение вступить в фиктивный брак с любовницей богатого купца. Тот охотно уступает эту роль Балалайкину, который соглашается совершить правонарушение за 100 тысяч рублей, не забыв подробно разъяснить, почему эта девушка, будучи «имуществом движимым», стоит именно столько – учитывается сумма ее годового содержания купцом. Несмотря на то, что Балалайкин оказался женат, венчание состоялось.

В главе V происходит примечательная сцена – когда герои встречаются с адвокатом, чтобы обсудить его будущее двоеженство, тот начинает самозабвенно врать. Он угощает всех балыком, который прислан ему «прямо из Кокана бывшим мятежным ханом Наср-Эддином» за то, что Балалайкин подыскал тому невесту, о чем имеется подтверждающий рескрипт, семгой, которую «Немирович-Данченко собственными руками изловил» на Соловках [отсылка к путевым очеркам Вас. И. Немировича-Данченко – М.Б.], фигами, которые «Эюб-паша презентовал» за «одно сведеньице, выведенное в дипломатических сферах» и т. д. [Щедрин: XV, 64–67]. А. А. Жук в монографии, посвященной роману, комментирует: «“Сцена вранья” Балалайкина в романе, конечно, строится с опорой на неизбежные параллели с аналогичным эпизодом “Ревизора”. Этот параллелизм прослеживается в самом ее строении: стремительно растущий размах фантазии героя, возбужденно-непоследовательный захват все новых и новых объектов лжи, экстатическое, «опьяненное» состояние героя» [Жук: 99]. Мы же добавим, что нам кажется здесь важным привлечь еще один контекст в дополнение к гоголевскому – собственно, речи адвокатов на суде.

Это не единственное место, где Щедрин высвечивает в адвокатах хлестаковские черты. В цикле «В среде умеренности и аккуратности» один из персонажей так отзывается о пыли, с которым Плевако выступал против игуменьи Митрофании: «А я так, признаться, думаю, что они себя дома исподволь к этому готовят. Изнурительное что-нибудь делают. Вот я намерюсь в театре господина Хлестакова видел, так он тоже разжигался: то будто он директор, то будто министр! И ведь в таком азарте по сцене ходит, что никак ты не разберешь: понимает ли он, что лжет, или взаправду чертики у него в глазах ходят! Должно быть, и тут так, в адвокатском этом ремесле!» [Щедрин 1971а: 46] А в романе-хронике «Дневник провинциала в Петербурге» фигурирует адвокат, который и вовсе «Хлестаков, сын того самого Ивана Александровича Хлестакова» [Щедрин 1970а: 501].

Что хлестаковского видит Щедрин в адвокатах? Во-первых, это черты, отмеченные Жук – способность говорить горячо, с увлечением и постепенным наращиванием напряжения считалась хорошим тоном защитительных речей¹⁷. Но

¹⁷ См., напр., ту же речь Плевако против Митрофании: «Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома Божьего, а в этом доме

в качестве главного основания для сравнения мы бы выделили ту самую невозможность определить, «понимает ли он, что лжет», увлечение собственной ложью. Благодаря убежденности, с которой адвокаты 1870-х гг. защищали своих клиентов в зале суда и самих себя – в публицистике, действительно могло создаться впечатление, что они искренне не понимают этической неоднозначности своей профессии. Вспомним слова А. Ф. Кони по поводу участия Арсеньева в деле Мясникова: «Люди, знакомые с делом лишь по случайным фельетонам, сенсационным заметкам и заугольному шушуканию "аргонавтов", не хотели допустить мысли, что он мог быть убежден в невинности обратившегося к нему подсудимого» [Кони 2020: 200]. Параллель между присяжными поверенными и Хлестаковым в творчестве Щедрина показывает, что это утверждение не совсем справедливо – сатирик не отказывает адвокатам в искренности, но демонстрирует «хлестаковскую», тщеславно-прожектерскую природу этого самовнушения. При этом лживость адвокатских речей в определенном смысле бесхитростна, как и враки Хлестакова и Балалайкина – будучи слишком неприкрытой, чтобы по-настоящему очаровать кого-нибудь из тех, чья позиция имеет вес в обществе, она, напротив, регулярно вызывает осуждение и способствует возникновению исключительно негативной репутации. К слову, бывший присяжный поверенный Арсеньев написал рецензию на роман в «Вестнике Европы», что вызвало резкое возражение сатирика [Жук: 5].

Ю. М. Лотман, анализируя образ Хлестакова, отмечает, что Гоголь перевел этот тип «в разряд культурно-осознанных видов поведения» [Лотман 1988: 324]. «В определенном отношении можно сказать, что реализм тяготеет к большей мере условности, чем романтизм. Изображая типизованные образы, реалистическое

утренний звон подымает настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма — биржа, вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов, вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов, вместо подвигов добра — приготовление к лживым показаниям — вот что скрывалось за стенами. Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру было не видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!» <...> «Подсудимая скажет вам, — кончается та же речь — да, я о многом не знала, что оно противозаконно. Я женщина. — Верим, что многое, что написано в книгах закона, вам неведомо. Но ведь в этом же законе есть и такие правила, которые давным-давно приняты человечеством как основы нравственного и правового порядка. С вершины дымящегося Синая сказано человечеству: «Не укради»... вы не могли не знать этого, а что вы творите? — Вы обираете до нищеты прибегнувших к вашей помощи. С вершины Синая сказано: «Не лжесвидетельствуй», — а вы посылаете вверивших вам свое спасение инокинь говорить неправду и губите их совесть и доброе имя. Оттуда же запрещено всеу приывать имя Господне, а вы, призывая Его благословение на ваши подлоги и обманы, дерзаете хотеть обмануть правосудие и свалить с себя вину на неповинных. Нет, этого вам не удастся: наше правосудие молодо и сильно, и чутка судейская совесть!» [Плевако 2020: 52–65].

произведение обращается к материалу, который еще за пределами художественного текста прошел определенную культурную обработку: стоящий за текстом человек уже избрал себе культурное амплуа, включил свое индивидуальное поведение в разряд какой-либо социальной роли. Введенный в мир художественного текста, он оказывается дважды закодированным. Истолковывая себя как «Демона», «Каина», «Онегина», «воображаясь героиней / Своих возлюбленных творцов», персонаж оказывается еще чиновником, мелким офицером, провинциальной барышней» [Там же]. Можно сказать, что выведение хлестаковских черт в адвокатах подчеркивает разрыв между их саморепрезентацией (прогрессисты, служители истине, защитники всех, кого судят незаслуженно) и их сутью – жалкие вруны, авантюристы, утратившие чувство реальности.

Творчество Салтыкова-Щедрина 1870-х гг. в целом дает богатую портретную галерею адвокатов. Пожалуй, рельефнее всего они изображены в цикле сатирических очерков «Господа ташкентцы», название которого отсылает к включению Туркестанского генерал-губернаторства в состав Российской империи, вследствие чего в этом регионе возник и быстро развился большой административный аппарат, отличавшийся коррупцией и произволом. Щедрин экстраполирует «ташкентство» на всю исполнительную власть страны и выводит новый тип «ташкентца» – это современный чиновник, крепостник по происхождению и глубоко в душе, который вынужден «сменить кафтан на фрак» и прикрывать свои злоупотребления интересами «просвещения и цивилизации». Отдельно стоят молодые «ташкентцы», «ташкентцы приговорительного класса», которые только вступают на путь блестящей карьеры – к ним относится Миша Нагорнов, мальчик, за которого еще до рождения его родители, потомственные представители «крапивного семени», решили, что отдадут его «в такое заведение, где больше чинов дают». Миша с детства мечтает о департаменте, мундире, крестах и чиновничестве, а в 12 лет поступает в некое специализированное учебное заведение, в котором исследователи усматривают черты Петербургского императорского училища правоведения. Судебная реформа совершенно трансформировала представления об идеальной карьере среди учеников «заведения» – успех на адвокатском поприще выглядел гораздо более простым, надежным и в то же время блистательным, нежели чиновничья служба старого времени: «С одной стороны — лестная обязанность защищать общество от

поползновения преступной воли, обязанность, сопровождаемая прекраснейшим содержанием и надеждами на блестящее будущее, в случае оправдания начальственного доверия. С другой — лестная обязанность ограждать невинного, защищать поправное право собственности, — обязанность, сопровождаемая тысячными кушами, пением, танцами, увеселительными прогулками...» [Щедрин 1970а: 181–182]. Ученики начинают на переменах играть «в суды»¹⁸, делятся на судей, прокуроров, поверенных и присяжных, репетируют речи; Миша Нагорнов, переодевшись и представившись адвокатом, является в камеру мирового судьи, успешно защищает правонарушителя и даже видит во сне Плотицына, фигуранта скопческого процесса 1869 г., — этот сон, как мы понимаем, в глазах читателя, знакомого с плотицынским делом, должен подчеркивать, насколько сильно герой мечтает о богатстве, об огромных гонорарах. Но отец Миши, обеспокоенный мечтами сына о кокотках, боится, что тот будет спускать слишком большие деньги на дорогие подарки, запрещает сыну становиться адвокатом и вынуждает пойти в прокуратуру — в профессию, которая в мире ташкентцев отличается большей скромностью и меньшими заработками (готовясь к должности прокурора, Миша решает для тренировки даже немного поголодать).

Как отмечает К. К. Арсеньев, который в данном случае выступает не в качестве адвоката, а в роли критика, Нагорнов — это тоже новейший Молчалин [Арсеньев: 53]. На примере Нагорнова сатирик снова показывает основное отличие пореформенных молчалиных от старого чиновничества — адвокаты забывают о двух главных талантах фамусовского секретаря, об «умеренности и аккуратности». Опасное отступление от принципа «умеренности и аккуратности» видит Нагорнов-старший в увлечении юного сына кокотками и актрисами. Старому чиновнику кажется глубоко возмутительным тот факт, что адвокаты стали питаться более элитными сортами рыб, нежели действительные статские советники. «А нас взяточниками обзывают! Мы обрезочки да обкусочки подбирали — мы взяточники! А он [адвокат] целого человека зараз проглотить готов — он ничего! он благородный!» [Щедрин 1970а: 203] В этом очерке Щедрин показывает, что адвокаты, прошедшие «ташкентскую школу», сведущие в статьях Свода законов и криминалистике, привыкшие к крупным кушам,

¹⁸ К.К. Арсеньев пишет, что сцена игры в суд — «это прелестная пародия и вместе с тем злая сатира, не на новое судопроизводство, конечно, а на замашки и приемы, угрожающие ему глубокой внутренней порчей» [Арсеньев: 54].

рысакам и кокоткам, состоящие в тесных отношениях с новым влиятельным классом, буржуазией, – хищники гораздо более крупные и опасные, чем скромные молчалины.

В данном параграфе мы рассмотрели образы адвокатов в творчестве довольно разных писателей. Станюкович близок к народническому направлению в литературе, Щедрина, безусловно, нельзя назвать писателем-народником. Однако в «эстетическом отношении к действительности» этих весьма разных авторов есть некоторые сходные элементы. В частности, родство некоторых оценочных и художественных принципов проявилось в изображении института присяжных поверенных.

§3. Щедринская сатирическая традиция изображения адвокатов: (на примере творчества В. П. Буренина)

А. П. Ауэр в своей монографии, посвященной развитию сатирической традиции Салтыкова-Щедрина во второй половине XIX в., усматривает элементы щедринской поэтики в творчестве А. И. Эртеля, Вл. С. Соловьева, Вс. С. Соловьева, В. П. Буренина и И. И. Ясинского. В рамках нашей темы особенно актуальным оказывается сатирический рассказ Буренина «Адвокат Орлецкий» (1874).

Буренин, который благодаря своей деятельности в 1880–1890-х гг. в советском литературоведении будет считаться «консервативным» и «реакционным» критиком, примерно до 1876 г. (до начала работы в газете «Новое время») принадлежал к лагерю скорее либеральному [См.: Игнатова; Шабалина 2012] и «никогда не скрывал своей сильнейшей привязанности к творчеству Салтыкова» [Ауэр: 53]. Как точно определил М. С. Альтман, в рассказе «Адвокат Орлецкий» Щедрин даже выведен в образе персонажа сатирика Шапшугова.

Данный рассказ из сборника «Очерки и пародии» целиком посвящен изображению безнравственности, циничности и алчности адвокатов и в первую очередь заглавного героя Орлецкого, который на глазах читателя превращается из молодого либерала в богатого и успешного «хищника». Сам Буренин поясняет свой авторский замысел в последних строках: «В настоящем очерке автор имел в виду слегка обрисовать помянутого героя и вообще адвокатскую среду лишь с

одной, наиболее выдающейся стороны – со стороны необычайного развития в них мещанской пошлости» [Буренин 1874: 70].

На основании сопоставления рассказа с текстом фельетона «Дело о П. Д. Боборыкине» (1892) М. С. Альтман также устанавливает прототип Андрея Орлецкого – им оказывается князь А. И. Урусов¹⁹. Поскольку статья Альтмана посвящена писателям и ученым, автор ограничивается одним указанием на адвоката, не объясняя сходство между Урусовым и Орleckим подробно, но мы можем подтвердить этот вывод собственными аргументами. Сразу за знакомством рассказчика и героя следует биографический экскурс, из которого читатель узнает, что «Орleckкий был отраслью хотя и не богатой, но истинно дворянской, даже боярской фамилии» [Буренин 1874: 10] – одно это уже достаточно прозрачно, поскольку адвокат-аристократ в начале 1870-х гг. был только один, причем княжеский род Урусовых с XVII в. действительно стал боярским. Орleckкий приятельствует с Недопрыгиным – «современным беллетристом, пишущим российские романы на французский лад» [Там же: 17], в фамилии которого по фонетическому сходству можно опознать П.Д. Боборыкина. Урусов и Боборыкин действительно были в хороших отношениях в начале 1870-х гг., писатель даже посвятил адвокату роман «В чужом поле» (1872). На Урусова указывает и стремительный взлет карьеры («Репутация его в какие-нибудь два месяца установилась и поднялась очень высоко» [Там же]), и «либерально-пикантный» характер речей. Сходится даже мелкая фактография – Орleckким, как и Урусовым, принадлежит собственный дом в Москве на улице Сивцев Вражек. Других упомянутых в рассказе адвокатов узнать довольно трудно, поскольку большинству Буренин дает только описание внешности, но мы можем добавить, что Егозинский – это В. Д. Спасович (в одном из своих стихотворных шаржей Буренин использует более прозрачный вариант «пан Егозович» [Буренин 1892: 235]), Александр Александрович Официантов, работающий «по мерзятинскому делу» – Константин Константинович Арсеньев, защитник в «мясниковском деле», а Мокронос, «который сорвал задаток с фальшивых монетчиков и уехал в Москву» [Буренин 1874: 43] – Ф. Н. Плевако, который в 1872 г. защищал

¹⁹ «В “Адвокате Орleckком” Шапшугов говорит: “Когда заведут министерство легкомыслия, Орleckкого сделают министром легкомыслия, а Недопрыгина его товарищем”. А в “Деле о П.Д. Боборыкине” (гл. II) Буренина Салтыков говорит: “Если учредят министерство легкомыслия, то князя Урусова непременно сделают министром, а Боборыкина – его товарищем”. Этим сопоставлением вскрывается не только прототип Шапшугова – Салтыков, но, попутно, и Орleckкого – Урусов, и Недопрыгина – Боборыкин» [Альтман: 330].

П. С. Гаврилова и А. И. Беклемишева, обвинявшихся в изготовлении и сбыте поддельных билетов Государственного казначейства.

Опираясь на концепцию Ауэра, можно сказать, что в первой части рассказа, где описывается Орлецкий в молодости, художественной доминантой является еще мягкая ирония над фатоватым, но добродушным будущим адвокатом, но затем, когда рассказчик встречает «заматеревшего» присяжного поверенного спустя четыре года, она переходит в едкую сатиру. Переключение происходит с помощью щедринской реминисценции, когда одна из героинь говорит об Орleckком: «Чистый ташкентец!» [Там же: 18], а сам рассказчик подмечает, что герой «ожирел как откормленный каплун» [Там же: 20], что отсылает к щедринской сатире «Легковесные» из цикла «Признаки времени» [см. Ауэр: 56]. Но если в начале Орлецкий сравнивается с «ташкентцами» (Мишей Нагорновым и его однокашником Тонкачевым), которым присуща хотя бы внешняя увлеченность «идеями», проявляющаяся в круге общения, написании либеральных статей и т.д., то ближе к финалу он превращается в совершенного Балалайкина, единственная цель существования которого – обогащение. Это подчеркивается эпизодом, где Орлецкий хвастается своей любовницей: «Да ты знаешь ли, что вон этой Отворотирукава купец Ослопатов двадцать тысяч в год платит!» [Буренин 1874: 62], что является, на наш взгляд, прямой отсылкой к аналогичному эпизоду из «Современной идиллии», где Балалайкин выражает готовность вступить в связь с женщиной, содержание которой обходится некоему купцу именно в двадцать тысяч в год²⁰.

В «Адвокате Орleckком» также поднимается проблема предательства адвокатами либеральных идеалов юности, но у Буренина она получает несколько иное измерение. По словам И.Б. Игнатовой, сатира Буренина первой половины 1870-х г.г. не имеет принципиальной идеологической установки. В этот период фельетонист полагает, что «любая идеология создается в целях саморекламы, отражая лишь ту или иную политическую «моду», конъюнктуру времени», и «разоблачение этой «моды», стремления различных «партий» «невинность соблyости и капитал приобрести» (выражение Буренина), отныне становится

²⁰ Отсылка к Балалайкину, возможно, контаминируется с реальным эпизодом из жизни Урусова: «Его романы были бесчисленны. Когда об этом заговорил кто-то у нас, мать поджала губы и заметила: «Да, нравственностью он не блещет, этот „блистательный князь“». Мать слышала раньше скандальную историю о том, что Урусов будто бы увез какую-то молодую красавицу купчиху от мужа, а потом вскоре ее бросил» [Андреева-Бальмонт: 74]. Подробнее об этой истории см. [Степанова 2013: 52].

главной темой его пародий, а затем и критики, надолго определив ее основной пафос» [Игнатова: 8]. Если в юности «для стяжания репутации в средних кружках Орлецкий жестоко либеральничал, нигилистничал даже; но у него это либеральничанье выходило довольно искренно, добродушно, хотя, может быть, в сущности оно было глубоким лганьем, игрою» [Там же: 12], то успех на адвокатском поприще сделал героя пошлым дельцом. Буренин показывает, что в условиях существования «моды» на определенные политические убеждения превращение молодого человека из Миши Нагорнова в Балалайкина – лишь вопрос времени.

Существенно, что в рассказе представлена не только адвокатура, но и литература в лице рассказчика Ордынцева (alter ego Буренина) и сатирика Шапшугова (Щедрина). Положение их довольно двусмысленно: они презирают присяжных поверенных и колко высмеивают их между собой, однако вхожи в адвокатские круги, приглашаются на их вечеринки в качестве гостей. О Шапшугове рассказчик говорит, что его адвокаты позвали на обед «для увеселительности, потому что сатирик считался затрапезным остроумцем, надрывателем животиков» [Буренин 1874: 26], и это, пожалуй, самая едкая саркастическая усмешка, которую позволяет себе Буренин по отношению к Щедрину.

По словам исследовательницы сатиры Буренина И. Б. Игнатовой, в конце 1860-х – начале 1870-х гг. «целью своей критики Буренин видел преследование и изобличение всякой общественной и литературной фальши и лжи. Он поставил перед собой вполне конкретную задачу – дать анализ современной критики, журналистики и литературы, и делать это предполагал «с откровенностью и живостью». Он жестко критиковал как консерваторов и либералов, так и радикалов. Причины такого тотального отрицания какой бы то ни было партийной и идейной направленности кроются в том, что корень зла современной журналистики Буренин видел в самом мировоззрении приверженцев всех партий, в их стремлении «казаться, а не быть». «Казаться» сторонником прогрессивного развития общества, патриотом своего государства, а на деле быть «продажным», жадным до легкой наживы «шарлатаном», какими для Буренина были, например, Катков и Краевский <...> По Буренину, литература должна отражать не столько борьбу идей, убеждений, сколько борьбу с привычками быта, мелочными, но определяющими смысл человеческой жизни интересами, интригами, борьбу за

элементарное выживание, существование. Это и есть, по Буренину, правда жизни. Отсюда неприятие любой «идейной литературы», будь она консервативной или либеральной. Это и есть “циничный реализм”» [Игнатова: С. 9–10]. Таким образом, как мы видим, с точки зрения Буренина, литература вполне заслуживает те же самые упреки, что и адвокатура – «идейность» (которая суть притворство, поза), рыночный характер деятельности, упор на слишком возвышенные проблемы и игнорирование реальных пороков общества. Неслучайно именно Щедрин составляет рассказчику компанию в «пристальном изучении целостного, законченного типа» [Буренин 1874: 26] адвоката – сатиру и гротеск Буренин признает как возможную форму разоблачения общественных проблем в первую очередь, несмотря на то, что самого Щедрина в 1872 г., в разгар полемики между «Отечественными записками» и «Санкт-Петербургскими ведомостями», он назвал «непочтительным хамом из “Отечественных записок”» [Щедрин 1970: 756]. Но и сатиры, очевидно, недостаточно – адвокаты глухи к критике своей корпорации, и литература, публицистика поневоле служат им лишь средством «надрывания животиков» (вспомним тост Спасовича, высмеивающий цитату из статьи Маркова). И отчасти в этом виновата сама литература, которая подчас слишком похожа на тех, кого сама обличает.

Более отчетливо эта мысль выражена в неоконченном сатирическом романе Буренина «Розы прогресса» (1875), имеющем длинный подзаголовок: «Современный роман-фельетон с консерваторами, либералами, плутократами, жидами, адвокатами, прокурорами, художниками, журнальными антрепренерами и сотрудниками, спиритами, кокотками, амурами, похищениями, увеселительными и благотворительными вечерами и спектаклями, поединками, поджогами для получения страховой премии, торжеством добродетели, посрамлением порока и проч., и проч., и проч.». Роман напечатан в журнале «Дело» под цифровым псевдонимом «666», ранее приписывался П. Д. Боборыкину (ошибочность такой атрибуции очевидна хотя бы потому, что в тексте сам Боборыкин спародирован в образе малосимпатичного литератора Поля Скоробрыкина), авторство Буренина установлено В. Б. Смирновым [см.: Смирнов].

В главном герое адвокате Аверьева можно увидеть черты и К. К. Арсеньева, и А. И. Урусова. На первых страницах романа он предстает перед читателем планирующим защитительную речь по некоему «стулькиевскому

делу»²¹ («...выйдет удачная <...>, особенно если в заключение хватить этак а ля Спасович тираду позабористее и потом оборвать словами “Я кончил”») [Розы: 101–102]) и грезящим о дамах. Неожиданно к нему приходит старый университетский товарищ Ахов, прибывший из Псковской губернии в Петербург, автор рассказов из провинциальной жизни. Пока Аверьев ведет светскую жизнь, волочитя за чужой женой и участвует в сомнительных делах с безденежными векселями, Ахов отправляется в редакцию журнала «Либеральный комар», чтобы получить свой гонорар. Узнать, какой журнал спародирован в «Либеральном комаре», не составляет труда: редакционная комната вся уставлена чучелами и ружьями, поскольку редактор – заядлый охотник; второй редактор – «добродушный литературный генерал», «действительно крупный талант» [Розы: 135]; один из сотрудников, философ-публицист Хвостиков – автор статьи «Канкан и социология» (намек на «Дарвинизм и оперетки Оффенбаха» Н.К. Михайловского) и заклятый враг романиста Забубенина (здесь Буренин выводит себя) [Смирнов 1980: 112].

Как показывает В. Б. Смирнов, неприязнь Буренина к редакции «Отечественных записок» укоренена в полемике между некрасовским журналом и газетой «Санкт-Петербургские ведомости» вокруг адвоката Арсеньева (сотрудника «Ведомостей») и его участия в мясниковском деле в 1872 г. «Отечественные записки» резко осудили присяжного поверенного во внутреннем обозрении Демерта, «Санкт-Петербургские ведомости» встали на защиту своего сотрудника. «Записки» откликнулись осуждением «псевдолиберализма» буржуазной газеты в целом и ее лицемерных попыток занять «надпартийную» позицию [Смирнов: 114–115]. Вскоре оба печатных органа вышли за пределы обсуждения мясниковского дела; особенно ожесточенная «дуэль» развернулась между Бурениным и Михайловским²². В ответ на обвинения «Санкт-Петербургских ведомостей» в «протекционизме, который ведет к усилению буржуазных начал в обществе» (Михайловский), Буренин назвал «Отечественные записки» «почтенным органом молчаливых» [Шабалина 2012: 146, 148].

Таким образом, мы видим, как в этом романе-фельетоне Буренин показывает, что продажная адвокатура и лицемерная литература – неотличимые друг от друга неблагоуханные розы с одного куста прогресса.

²¹ Установить «прототипическое» судебное разбирательство не удалось.

²² См. подробнее: [Шабалина 2012а. 146–149].

В.Б. Смирнов в своей статье, посвященной «Розам прогресса», подробно аргументирует, почему за псевдонимом «ббб» не мог стоять Боборыкин, но не объясняет, зачем печатать сатиру анонимно потребовалось Буренину. По нашему предположению, причина может быть в том, что в полемику 1872 г. сатирик оказался вовлечен только вследствие нападков «Отечественных записок» на него лично, защищать же участие Арсеньева в мясниковском деле в планы Буренина не входило. В «Адвокате Орлецком» он высмеял Арсеньева в образе адвоката Официантова, защитника по «мерзятинскому делу», но Официантов остался персонажем эпизодическим и малозаметным. Поскольку уже в первых двух частях «Роз прогресса» можно заметить в главном герое черты Арсеньева, допустимо предположить, что в дальнейшем Буренин хотел усилить их, но не мог позволить себе сделать это под своим именем, поскольку, как и Арсеньев, являлся на тот момент сотрудником «Санкт-Петербургских ведомостей», и велика была вероятность, что во внутриредакционном конфликте редактор Корш встанет на сторону адвоката.

В 1880-е годы, будучи сотрудником уже реакционного «Нового времени», Буренин продолжит яростно критиковать адвокатуру. Так, сатирическая повесть «Мертвая нога» (1887) является пародией на дело Сары Беккер, а под именем графа Турусова выведен представлявший интересы отца убитой девочки князь Урусов.

§4. Адвокаты как негилисты

Следующий параграф мы посвятим взгляду на присяжных поверенных со стороны консервативного лагеря. Нам кажется удобным начать с романа В.Г. Авсеенко «Скрежет зубовой» (впервые в «Русском вестнике», 1878), который традиционно рассматривается как «антинигилистический» [см., напр. Жук: 11, Андреева 2017: 117], поскольку это одно из немногих произведений, где адвокат является главным героем.

Читатель знакомится с Евгением Савичем Безбедным на самых первых страницах прямо в зале суда. Это тот случай, когда понять конкретный юридический статус героя не составляет труда – он точно присяжный поверенный, поскольку окончил юридический факультет, берется за казенные дела и имеет официального помощника. Будучи «горячим поклонником нового суда по убеждению» [Авсеенко 1885: 14], он защищает богатого мошенника

Карича, но к клиенту испытывает брезгливость – вероятно, потому что еще молод, это всего третья его «cause célèbre». Авсеенко демонстрирует в этом эпизоде самое начало этого превращения молодого юриста в «настоящего адвоката»: сознательно молодой человек еще тяготится общностью интересов с клиентом-мошенником, но в его речи уже появляется что-то, что удивляет его самого: «...он так тщательно, так теоретически подготовил защиту. И вдруг он почувствовал вдохновение, в голосе его прорвались горячие, искренние ноты. Стало быть, <...> вдохновение вовсе не зависит от убеждения и внутреннего чувства, и есть возможность лгать горячо, искренно и красиво» [Там же: I, 4–5] (см. в предыдущей главе о «хлестаковском» эффекте адвокатских речей). Карича оправдывают, Безбедный наслаждается всеобщим восхищением, которое отлично соответствует его цели – не просто сделать карьеру, но сделать ее быстро.

По происхождению Безбедный – незаконнорожденный сын барона Грабена и обер-офицерской дочери, у него есть два единокровных брата. Законную семью своего отца присяжный поверенный с детства ненавидит за то, что состоятельные Грабены не желали помогать ему и его матери и позволили ему расти в бедности.

Вскоре в жизни адвоката появляется его старая подруга Липочка – девушка приехала из провинциального города, где когда-то жил и Безбедный, чтобы поступить в консерваторию и стать певицей. Олимпиада Васильевна знала Евгения Савича совсем другим человеком и не сразу придает значение произошедшей в нем перемене. Она тянется к нему, до поры до времени закрывая глаза на его сомнительные поступки, потому что он «один представлял для нее собою действующую жизнь и как жрец гнал жертвенное стадо в капище своего бога» [Там же: II, 77], в отличие от других знакомых ей молодых людей из числа студентов, болтунов-нигилистов. Между героями вспыхивает роман, который не приносит Липочке счастья – ей приходится испортить свои отношения с отцом, бросить учебу и пожертвовать своей репутацией, в то время как Безбедный не скрывает, что не намерен жениться. Постепенно Липочка разочаровывается в возлюбленном, а последней каплей становится его косвенная причастность к самоубийству единокровного брата, Грабена-младшего. Безбедный и Карич позвали молодого барона в соучредители акционерной компании (действие происходит накануне Русско-турецкой войны 1877–1878, когда в России появилось очень много частных акционерных обществ), а затем втайне продали

все свои акции, «обвалив» биржу и сделав так, что предложение значительно превысило спрос. Со стороны Безбедного это была месть богатому и титулованному брату, демонстрация превосходства «деловой хватки» человека, которому пришлось самостоятельно подняться из низов, над аристократической непрактичностью. Потерявший все свое состояние барон Грабен застрелился. Заканчивается роман сценой на вокзале: выгодно женившийся на дочери Карича Безбедный отправляется в заграничное свадебное путешествие, а Липочка, в компании другого брата адвоката, простого и доброго Андрея Грабена, отбывает на балканский театр военных действий сестрой милосердия.

Отношение Авсеенко к адвокатуре ярче всего раскрывается в эпизоде, где одна из героинь цитирует отрывок из поэмы Майкова «Два мира»: «При Нероне, на пиру у Деция, среди безобразной оргии, адвокат восхищается прогрессом своего века, величием цезаря, и говорит:

...Прошли

Лучи во все концы земли,

И где прошли, там появилась

Торговля, тога, цирк и суд –

И вековечные бегут

В пустынях римские дороги.

Тогда встает великий жрец и возражает адвокату:

Все хорошо на первый взгляд,

Да вот беда: уходят боги!

Везде оракулы молчат!

<...>

В богов умалилося веры,

И боги покидают нас

На произвол судьбы!..» [Авсеенко: II, 333–334].

Образ Безбедного следует понимать в контексте оппозиции «дух – бездуховность». Он – хищник, рыскающий по пустынному Олимпу, который покинули боги, и только один старый жрец сокрушается о судьбе «жалкого человеческого стада» [Там же].

Будучи консервативным критиком и сотрудником журнала «Русский вестник», Авсеенко во многом разделял отношение М. Н. Каткова к

революционным идеям. Адвокат Безбедный, конечно, не нигилист в привычном смысле этого слова, ему несвойственны никакие антиправительственные идеи. Однако В. Г. Андреева в своей диссертации справедливо напоминает концепцию двух стадий нигилизма, развитую персонажем романа Н. С. Лескова «На ножах» Павлом Гордановым: «Отменяя грубый нигилизм, заявленный когда-то Базаровым, Горданов провозглашает негилизм – гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что негилистам дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты. В романе «На ножах» Лесков показывает две эпохи нигилистов, о которых после будет рассуждать Авсеенко. Лесков объясняет, что на смену принципиальным нигилистам, увлекшимся идеей отрицания, но не утратившим основ нравственности, элементарной порядочности, пришли такие люди, как Павел Горданов, не останавливающиеся ни перед подлостью, ни перед клеветой, ни перед доносом» [Андреева 2017: 119]. Актуальность лесковского контекста для Авсеенко исследовательница доказывает, привлекая статью писателя «Практический нигилизм». Адвокат Безбедный – представитель негилизма, один из дельцов, которые «чаще всего усваивают себе только нигилистическую беспринципность, свободу от исторически сложившихся общественных и нравственных уз, и затем от обстоятельств жизни и от условий личного характера зависит, направить эту беспринципность в ту или иную сторону» [Авсеенко 1873: 396–397]. Это подтверждается первыми впечатлениями от адвокатской профессии помощника Безбедного, стажера Молостова: «Он чувствовал [в конторе присяжного поверенного. – М.Б.] присутствие какой-то злой силы, которая двигала здесь всем, давала жизнь всему, наполняла своим дыханием самых воздух. <...> Это не было беззаконие грубое и явное, это не было царство неправды, на борьбу с которым звали книги, университетские наставники, общие идеи, воспринятые вместе с поколением. Но, может быть, это было нечто хуже» [Авсеенко: II, 618].

Название романа «Скрежет зубовой» означает эмоцию, которую испытывает человек с честным сердцем, сталкиваясь с этой негилистической «злой силой» – т. е. гнев, несогласие, внутреннее сопротивление. Лучшая практическая реализация «скрежета зубового» – национально-патриотический подъем, русское добровольческое движение. Неслучайно в финале Липочка и Андрей Грабен уезжают именно на Балканы, где «проливается русская кровь», в

то время как с соседнего пути отходит поезд, увозящий всевозможных нигилистов и негилистов за границу. Липочке, которая благодаря роману с Безбедным слишком сильно вовлеклась в мир «хищничества и падали», автор дает возможность обрести спасение в «серьезном деле», в помощи страдающим, больным и несчастным.

Отдельно в романе «Скрежет зубовой» можно выделить сословную проблематику, которая была чрезвычайно важна для Авсеенко на рубеже 1870–1880 гг. [см., напр.: Жук: 11, Андреева 2017: 414]. Адвокат Безбедный, выросший с матерью, обер-офицерской дочерью, в бедных меблированных комнатах с видом на мутную Фонтанку, одержим завистью к законным детям своего отца, которая и становится его основной мотивацией хорошо учиться в гимназии, с отличием окончить юридический факультет, зарабатывать большие деньги: «Это состояние раздраженного беспокойства стало ослабевать только тогда, когда он увидел, что ему везет» [Авсеенко: I, 266]. Он становится злым гением семьи Грабен – брата Павла он разоряет и фактически доводит до самоубийства, а брат Андрей не подпадает под его губительное влияние только потому, что по натуре своей чрезвычайно далек от стремления к наживе. На примере Безбедного Авсеенко показывает, сколь опасно сближение с новым типом дельца для аристократии как хранительницы культурных ценностей России. Либеральные негилисты, вступающие в союз с крупным капиталом (Карич) – сила, которая разрушает дворянство и приводит русскую жизнь к состоянию опустившего Олимпа, покинутого богами.

Таким образом, несмотря на внешнее сходство в оценке недостатков адвокатуры со стороны правого и левого крыла, концептуально эта критика имеет некоторые отличия. В отличие от Щедрина, которому претят в присяжных поверенных «молчалинские» и «хлестаковские» элементы, адвокат из романа Авсеенко, по выражению советского литературоведа А. И. Батюто, «ведет свою идейную родословную от демократов-шестидесятников» [Батюто: 298].

Перейдем к следующему роману, который также принято считать «антинигилистическим». Фабула фельетонного романа «Вне закона» В. В. Крестовского (1873) следующая: Платон и Ирина Вельтищевы, состоящие в давней любовной связи, по предварительному сговору убивают путем отравления

Максима Вельтищева, кузена Платона и мужа Ирины. Платон кроме очевидного мотива имеет также и корыстный, но совершает большую оплошность – оставляет похищенные деньги в размере около полумиллиона рублей на хранение другой своей любовнице, Людмиле Коробовой. Эта предприимчивая женщина догадывается о значении улики, попавших в ее руки (сумка, доверху набитая пачками денег, и компрометирующий документ) и начинает шантажировать Платона. Людмила замужем за скромным спивающимся инженером Коробовым, с которым давно не живет. Ее условия: Вельтищев должен организовать расторжение брака Людмилы на выгодных ей условиях и жениться на ней, при этом украденные полмиллиона станут ее благоприобретенным состоянием. Следует напомнить, что в российском семейном законодательстве XIX в. существовало такое понятие как «вина» в «оскорблении святости брака». Если брак расторгался по причине прелюбодеяния (а остальные основания для развода было очень трудно доказать, поэтому даже те пары, которые расставались не из-за измен, прибегали к этой мотивировке), один из супругов признавался «виновным», что накладывало на него определенные санкции – запрет на вступление в дальнейший брак навсегда и епитимью. Соответственно, Людмила была заинтересована в том, чтобы виновным консистория признала ее мужа. Чтобы выполнить требуемое, Вельтищев обращается к адвокату Адольфу Ивановичу (фон) Шнитцли, и поверенный сначала охотно берется за дело, но затем отказывается, встретив сопротивление Валерьяна Коробова, который «ничего не имеет против развода, но не желает брать на себя несуществующую вину» [Крестовский: 315]. На помощь героям приходит некто Антзитров, отрекомендовавшийся «приватным помощником адвоката». Не следует считать этого героя официальным помощником присяжного поверенного, это явно частное лицо без юридического статуса. Антзитров решает проблему радикально: он сближается с доверчивым Коробовым и делает его членом несуществующей революционной организации²³, устроенной по образцу польских повстанческих ячеек. Вскоре Коробов схвачен за распространение прокламаций с заголовком «Под топор!», напечатанных им же в подпольной типографии, и

²³ Мотив вовлечения в несуществующую революционную организацию может быть заимствован, с одной стороны, из реальности, из нечаевского процесса (С.Г. Нечаев выдавал рекомендательное письмо от М.А. Бакунина за мандат от 1-го Интернационала, который дает ему полномочия вербовать сторонников в России) [Одесский; Фельдман 2012: 132–133], а с другой – из авантюрной литературы («Парижские тайны» Э. Сю, романы Понсона дю Террайля о графе Рокамболе и т.д.)

осужден на 12 лет каторги (значение интриги Антизитрова в том, что факт приговора одного из супругов к ссылке в Сибирь с лишением всех прав состояния является основанием для расторжения брака). Платон и Людмила женятся, но неожиданно их «благополучную» семейную жизнь разрушает Ирина Вельтищева. Не выдержав мук совести и желая искупить вину, вдова совершает чистосердечное признание и оказывается вместе с Вельтищевым на скамье подсудимых. В главной сюжетной линии вновь появляется адвокат Шнитцли, на сей раз в качестве защитника Платона, и оборачивает дело так, что Ирина признана душевнобольной, а ее показания – самооговором. Убийцы Максима Вельтищева выходят из зала суда оправданными.

В этом романе-фельетоне с сенсационно-уголовной, на первый взгляд, фабулой так же последовательно обличается как традиционный нигилизм (фон Шнитцли в юности, во времена своего обучения в Императорском училище правоведения, «был “красен”, требовал “крови” и “ста тысяч дворянских голов для очищения и освежения воздуха”» [Крестовский: 236]; Вельтищев похищает деньги убитого брата, чтобы основать “свой собственный умеренно-либеральный литературно-общественный орган <...> и влиять на общественное мнение, на биржу, на высшие административные сферы”; приватный помощник Антизитров, в духе героев антинигилистических романов Лескова, использует польский вопрос и революционные идеи в целом ради наживы ценой жизней других людей), так и новейший негилизм (общая безнравственность Платона и Людмилы, любовная связь которых строится на лжи, преступлениях и постоянных попытках обмануть друг друга). Фигура адвоката здесь иллюстрирует глубокую порочность формальной и коммерциализированной системы правосудия.

Противоречие между государственным законом и законом моральным раскрывается в реплике Антизитрова: «Что такое закон! Закон, он есть, так сказать, охотник, стоящий на облаве и выжидающий зверя, чтобы подстрелить его своею меткою пулей; а дело облавщика – целесообразно направить зверя под пулю закона!» [Крестовский: 467]. Адвокат Шнитцли отличается от своего помощника не принципами, а только методами. На суде (который Крестовский, к слову, воспроизводит довольно достоверно с точки зрения процедуры) защитник, принимая всевозможные «адвокатски-изящные, щегольские позы» [Крестовский: 895], последовательно акцентирует внимание только на тех обстоятельствах,

которые говорят в пользу умопомешательства Ирины, и в результате получается, что присяжным и публике показания свидетелей касательно душевного состояния Вельтищевой кажутся более достоверными и заслуживающими внимания, чем ее собственная исповедь. Шнитцли мастерски воспользовался шаткой позицией обвинения: брак Ирины с покойным внешне выглядел абсолютно благополучным, как и взаимоотношения между братьями, адюльтер был надежно скрыт от посторонних глаз, истинные мотивы Платона Вельтищевой были неизвестны, конкретный способ убийства – тоже, свое участие в убийстве героиня не могла объяснить ненавистью к мужу, судебно-медицинская экспертиза не обнаружила следов отравления, в то время как психиатрическая экспертиза пришла к выводу о «несомненных признаках умственного расстройства» у подсудимой [Крестовский: 900] – все это привело к тому, что восторжествовал формализм. Для этого не потребовалось ни подкупа свидетелей, присяжных или экспертов, ни фальсификации улик – оправдательный приговор был вынесен в строгих рамках закона.

Мы подходим к чрезвычайно важной для всей русской культуры мысли о том, что проблема – в самом законе. Ю. М. Лотман отмечает, насколько «знаменательно устойчивое стремление русской литературы увидеть в законе сухое и бесчеловечное начало в противоположность таким неформальным понятиям, как милость, жертва, любовь. За этим вырисовывалась антитеза государственного права и личной нравственности, политики и святости. С Гоголя, особенно с его «Выбранных мест», начинается традиция противопоставления государственного закона и человеческой морали. <...> Сама идея построения неюридического общества в тех или иных формах провозглашается на всем протяжении второй половины XIX века» [Лотман 1992: 260]. На примере слов Маши Мироновой, обращенных к Екатерине II, Лотман раскрывает антитезу «правосудие vs милость» и утверждает, что «В антитезе милости и справедливости русская, основанная на бинарности, идея противостоит латинским правилам, проникнутым духом закона: *Fiat justitia – pereat mundus* и *Dura lex, sed lex*» [Там же]. Мы можем добавить, что эта идея противоречит и российскому правилу «Правда и милость да царствует в судах» – именно эти слова Александра II Шнитцли цитирует в своей речи.

Верховенство истинной, высшей справедливости над формальным человеческим судом раскрывается в полную силу в финале романа, где

Крестовский объясняет смысл названия «Вне закона». Не получив за свое преступление наказание от государства, Ирина наказывает сама себя аскетическим образом жизни и тяжелой работой в общине сестер милосердия. Людмила в ходе судебного процесса заболела, и ее красивое лицо навсегда обезобразила оспа. Платон оказался, в силу материальной зависимости, прикован к «уроду» – к женщине, которую он тотчас разлюбил, но не в силах с ней порвать, поскольку она по-прежнему слишком много знает; их семейная жизнь полна оскорблений, упреков и страха за собственные жизни. Поскольку государственный закон оказался неэффективным, автор переносит возмездие и кару в область «вне закона».

Идея противопоставления формального правосудия и истинной справедливости, важная для всех писателей-антинигилистов «катковской школы», восходит к герою романа В. И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» (1858) чиновнику Пустовцеву. «Господа, подобные Пустовцеву, служат не людям, а закону; по убеждению этих умников, не закон создан для человека, а человек для закона <...> Не один Пустовцев, в наше велеученое время, смотрит с этой точки на свои служебные обязанности; не один из таких, зная Свод Законов, не знает Русской Правды...» [Аскоченский: 251] Под «Русской правдой» в данном случае имеется в виду не реальный документ XI века, а некий обобщенный идеал справедливости, присущий именно русской культуре. Хотя Аскоченский еще не пользуется словом «нигилист», «в отечественном и зарубежном литературоведении не раз высказывалось мнение, что роман «Асмодей нашего времени», равно как и публицистика журнала Аскоченского «Домашняя беседа», стали основой антинигилистической тенденции в русской общественной мысли» [Шарифуллина: 16]. В данном контексте адвокат фон Шнитцли, служащий Своду Законов и капиталу, а не Русской Правде – враг России и всего русского. В романе это дополнительно подчеркивается его еврейским происхождением («Дедушка нашего барона, Мойша Шапир, перевозивший на своей спине кавалерийских офицеров через классическую грязь бердичевских улиц, попался в начале нынешнего столетия на сбыте фальшивых ассигнаций и успел как-то ловко бежать из острога в Австрию» [Крестовский: 242]) и оппозиционными эпизодами из молодости – например, служа в Северо-Западном и Остзейском краях, будущий адвокат писал газетные статьи «против русификаторских насилий» [с. 239], где «сочувственно превозносились “лишенная прав еврейская и угнетенная,

но высокоцивилизованная польская нации»». Важность польского вопроса для творчества Крестовского отмечает С. В. Шарифуллина: «Польские события 1863 года послужили толчком к окончательному повороту писателя в сторону консервативного и национального патриотизма» [Шарифуллина 2003: 10].

Глава, в которой читатель знакомится с адвокатом фон Шнитцли, называется «Гамбетта непримиримый», и в дальнейшем автор продолжает называть героя именно этим выражением. «Гамбетта» в целом стало в 1870-е гг. обиходным иносказанием для «адвоката»²⁴, что обычно подчеркивало потенциально парламентаристские устремления присяжных поверенных, их надежды на министерский портфель²⁵. Однако у Крестовского на первый план выходит другое *tertium comparationis* – «гамбетта» здесь синоним либерала, если не леворадикала. «Непримиримость» же в данном случае означает лицемерную пылкость, которую фон Шнитцли проявляет во всем, что выгодно ему в тот или иной момент – сначала он был «непримиримым, но милым красным» [Крестовский: 237], затем «непримиримым русским» [Там же: 238], следом «человеком либеральным, просвещенным и непримиримым» [Там же: 239], и, наконец, «непримиримым, но торжествующим» мы видим его после вынесения оправдательного приговора Вельтищеву [Там же: 924].

Если говорить о прототипах, то в образе фон Шнитцли можно увидеть черты нескольких известных адвокатов эпохи. Герой окончил Императорское училище правоведения, что в целом было скорее несвойственно реальным присяжным поверенным, большая их часть училась на юридических факультетах университетов. Однако среди исключений находим выпускника училища К. К. Арсеньева. Еврейское происхождение указывает, например, на Е. И. Утина, В. О. Гаркави или Л. А. Куперника, который на тот момент не был еще столь известен, однако обсуждалось его потенциальное участие в деле скопца Солодовникова: «Это будет неловко. Скопчество – ересь противу православия, но ересь, придерживающаяся священных книг Нового Завета. Защитник не-христианин, по совести неубежденный в истинности христианства, легко может отнестись как к

²⁴ См., напр.: «Несмотря на пошлость защитительных речей наших доморощенных Гамбетт и Жюль Фавров...» – [Пален: 18]

²⁵ У Щедрина Нагорнов-старший выговаривает Мише Нагорнову: «Ты, брат, может, на границу засматриваешься, что там аблакат-то в почете! Так ведь там он человек вольный: сегодня он аблакат, а завтра министр — вот оно что!» [Щедрин: Т. 10, 203] – также отсылка к Л.М. Гамбетте, чья карьера началась с адвокатуры и привела к посту министра внутренних дел в «правительстве народной обороны» в 1870–1871 гг.

двум различным суевериям – к христианству и скопчеству» [Ливанов: III, 611]. Фон Шнитцли и сам «защищал какое-нибудь «золотое» скопческое дело – в его защите фигурировала свобода совести, религиозное убеждение, высшее стремление человеческого духа к высшей истине» [Крестовский: 248], что напоминает об А. И. Урусове (в первую очередь), М. Ф. Громницком, В. О. Гаркави.

Наконец, пожалуй, самый значительный «ключ» в романе – фон Шнитцли «не чужд литературы, но из всей российской журналистики признает “честною” одну лишь газету Цемша, в которой и участвует иногда своими литературно-юридическими работами» [Крестовский: 245], за что редактор Цемш всячески славословит его на страницах своего издания: «...такой честный и дорожающий своей репутацией адвокат, как наш многоуважаемый сотрудник, не может взяться защищать бесчестное или какое-либо сомнительное дело, можно наперед поручиться за безусловную правоту дела, если за него берется адвокат фон Шнитцли» [Крестовский: 925]. Как мы считаем, «газета Цемша» – это «газета В. Ф. Корша», т.е. «Санкт-Петербургские ведомости». Если наше предположение верно, то сотрудник-адвокат, писавший статьи на судебные темы – вновь К. К. Арсеньев (см. подробнее в сноске на стр. 33 настоящей работы). О роли этого печатного органа в полемике вокруг мясниковского деле мы уже рассказывали на стр. 57. К слову, «многоуважаемым сотрудником газеты Цемша» является не только фон Шнитцли, но и сам Платон Вельтищев, также для нее писали Антиситров и Валерьян Коробов (последний, будучи единственным положительным персонажем из вышеперечисленных, «многоуважаемым» в редакции не считался). Примерно в это же время в журнале «Русский вестник» печатается диалог Крестовского «Кровавый пуф», в которой также упоминается «умеренно-либеральная и умеренно-полякующая газета Цемша» [Крестовский 1995: 569].

Закончим разговор о романе-фельетоне «Вне закона» указанием на возможный след его в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого. Андреева отмечает сходство между сценами визита Вельтищева к фон Шнитцли и разговора Каренина с неназванным поверенным: оба адвоката «проявляют чудеса мысленных расчетов относительно своего гонорара за выполненную работу. <...> Поясняя суть бракоразводного процесса, оба адвоката не прочь порассуждать о сложностях дела, набить себе цену перечислением трудностей и различных

тонкостей, в которых они осведомлены лучше клиентов. Даже жесты дельцов схожи: Адольф Иванович начинает высчитывать по пальцам, и петербургский адвокат в «Анне Карениной» загибает свои толстые, поросшие волосами пальцы» [Андреева 2017: 248]. На наш взгляд, «чудеса мысленных расчетов относительно своего гонорара» – скорее общее место в сценах с участием адвокатов (см., напр., торг между «влиятельным в квартале лицом» Иваном Тимофеевичем и Балалайкиным в «Современной идиллии» Щедрина [Щедрин: XV, 44–45], но предположение о влиянии Крестовского на Толстого допустимо, учитывая, что в обоих случаях речь идет именно о бракоразводном деле и «прелюбодеянии по взаимному соглашению».

Наконец, говоря об адвокатах в творчестве писателей-консерваторов, нельзя не вспомнить о Фетюковиче, защитнике Мити Карамазова в романе «Братья Карамазовы» Достоевского. Поскольку тема права в творчестве Достоевского неоднократно привлекала внимание исследователей [см., напр.: Карлова; Поддубная; Рак; Сафронова], мы можем позволить себе остановиться на отдельном аспекте этого образа и расширить представления о внетекстовой реальности, с помощью которой автор моделирует художественный мир романа.

Историки литературы единодушно отмечают в качестве прототипа Фетюковича В. Д. Спасовича (на основании фонетического сходства фамилий, известного интереса Достоевского к делу Кроненберга, а также названия главы «Прелюбодей мысли», отсылающей к тосту Спасовича – см. на стр. 35 настоящей работы) [Достоевский 1991: 362–363].

Л. П. Гроссман также отмечал в Фетюковиче черты П.А. Александрова, защитника Веры Засулич (Достоевский присутствовал на процессе) [Там же: 363]. П. Тороп сравнивает Фетюковича и Александрова на основании другого дела: «Отношение к ходу процесса и действиям адвоката, выработанное на основе газетной информации, является критерием оценки и Кутаисского дела. Там суд оправдал евреев, обвиненных в похищении и умерщвлении крестьянской девочки. Достоевский выразил свое возмущение в письме к О. Новиковой: «Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут несомненно они виноваты. Я убежден из процесса и из всего, и из подлой защиты Александрова, который замечательный здесь негодяй — “адвокат нанятая совесть”» [Тороп: 35].

Таким образом, мысль о том, Фетюкович вобрал в себя черты как минимум нескольких адвокатов эпохи, не нова. Не умаляя роли Спасовича, который в любом случае в образе Фетюковича останется на первом плане, мы хотели бы дополнить «происхождение» Фетюковича еще одним важным контекстом – речь пойдет о судебном процессе по делу Умецких (1867 г.), который также связан с насилием над ребенком.

Четырнадцатилетняя девочка Ольга Умецкая совершила серию поджогов в имении своих родителей. Она начала с хозяйственных построек, но последний пожар произошел в доме, где жили родители и где в момент поджога спал отец Ольги, о чем ей было известно. Это позволяет нам сравнивать дело Умецкой с делом Карамазова, т. к. поджог помещения, где заведомо находится человек – деяние, в целом, довольно близкое к умышленному убийству (в данном случае – к отцеубийству).

Умецкие обращались с детьми очень дурно. Суд обратил внимание на то, что из 22 детей до подросткового возраста дожили только пятеро, что для дворянской семьи было редкостью. Дети сначала жили вдали от родителей, в степи на воспитании у слуг, затем их привозили в имение в качестве рабочей силы. Применялись телесные наказания, в частности, медицинская экспертиза Ольги подтвердила перелом пальца многолетней давности – девочка объяснила, что мать била ее по рукам во время обучения игре на фортепиано (здесь и далее сведения и цитаты, относящиеся к делу, черпаются из [Нос]). Все эти обстоятельства подтолкнули Ольгу к поджогам, в полном соответствии с данными криминальной статистики, которые показывали, что так называемое «зажигательство» – способ выражения протеста, присущий именно женщинам от 14 до 20 лет [Максимов: 187].

Дело это вызвало большой общественный резонанс. «Дело Умецких – сообщал корреспондент, – знакомо в каширском уезде всем и каждому; задолго до суда приобрело громкую известность. Говорили, что это дело одно из самых необыкновенных, что подобного ему еще не было со времени введения судебной реформы». [Сакулин; Бельчиков: 208]. Общество ждало примерного наказания родителей и полного оправдания девочки.

Достоевский в то время находился за границей и узнавал о ходе процесса из газет. «Так и рвусь в Россию. Вот уж по делу Умецких не оставил бы без своего слова, напечатал бы его. Как приеду, так сам лично пойду, по судам и проч. Присяжные наши – лучше невозможно. Но что касается судей, то можно пожелать несколько поболее образования и практики. И знаете чего еще: нравственных начал. Без этого основания ничего не устроится», – пишет он А. Н. Майкову [Достоевский 1985: 228]. Как мы полагаем, под «судьями» в данной цитате имеется в виду не только конкретный председатель суда В. А. Аристов, но и «судейские» вообще, включая прокурора и адвоката Ольги, о котором речь пойдет далее. Возмущение писателя зафиксировала его жена Анна Григорьевна: «Вечером мы отправились с Федей гулять, он мне долго рассказывал то, что прочитал в газетах, именно, историю Ольги Умецкой, бедной девушки, как мне ее было жаль, что за твердый характер: сказала, что я поджигала, да так и стояла на этом, хотя никто того не подтвердил, она могла бы отказаться от своего показания. Несчастливая девушка 2 раза хотела броситься в окно, один раз повеситься, уж с веревки сняли, так ей было хорошо дома жить, а эти подлые отец и мать, это не люди, это какие-то звери, когда приходится родить, отправляются в другую деревню, там рожают, потом забрасывают детей до 7–8 лет, чем хотите, тем и питайтесь, а сами богатые люди, сами имеют состояние и хвастаются им. Как это этих людей ничем не наказали? Если бы мне дали бы волю, я бы, кажется, повесила их, так мне они отвратительны» [Достоевская: 99–100].

Достоевский планировал вывести Ольгу Умецкую в качестве героини своего нового романа – образ девушки, страдающей под деспотическим гнетом своей семьи, вошел в план «Идиота», затем существенно трансформировался, и отголоски его мы видим в Настасье Филипповне [см., напр.: Мочульский: 292].

На процессе 1867 г. Ольгу защищал князь Александр Иванович Урусов, на тот момент – юный выпускник юридического факультета Московского университета и кандидат на судебные должности, в будущем – один из самых известных адвокатов «первого созыва».

Прежде чем перейти к сопоставлению адвокатских речей на процессе Умецких и в романе «Братья Карамазовы», необходимо напомнить существо «карамазовского дела». Итак, Дмитрий Карамазов обвинялся в убийстве своего

отца и краже у него полутора тысяч рублей. Эта сумма исчезла из кабинета Федора Павловича и одновременно появилась у Мити, о чем, благодаря его шумному кутежу, стало известно всему городу – это и послужило основной косвенной уликой против Дмитрия, в то время как прямых улик не было. Речь адвоката, столичной знаменитости Фетюковича, приведена в двух главах двенадцатой книги романа. Первая глава называется: «Денег не было. Грабежа не было», а вторая – «Да и убийства не было». Эти заглавия исчерпывающе описывают адвокатскую стратегию Фетюковича. Сначала он методично разбивает многочисленные косвенные улики и подводит присяжных к другому подозреваемому (покойному Смердякову), а в финальной части речи позволяет себе эффектный пуант: по его мысли, даже если предположить, что Дмитрий Федорович действительно убил отца, моральные качества Федора Павловича таковы, что его нельзя считать настоящим отцом, а значит, его убийство нельзя считать отцеубийством.

Ту же самую тактику защиты мы видим на процессе Умецких в исполнении Урусова. Свою речь адвокат начинает со слов: «Для того, чтобы вернее достигалась моя задача, я сначала представляю вам картину жизни Умецких. Нам нужно знать, с кем мы имеем дело; нам нужно определить что это за люди: действительно ли они заслуживают имя отца и матери» [Нос: 85]. Далее следует продолжительный экскурс в тяжелое детство Ольги Умецкой, которое чрезвычайно напоминает историю мальчиков Карамазовых: дети жили отдельно от родителей, в стесненных материальных условиях, воспитывались слугами. Наконец, защитник также эффектно допускает, что Ольга, возможно, и совершила эти поджоги («Так или иначе, она производит четыре пожара или берет чужую вину пожаров на себя. И то, и другое можно допустить одинаково, потому что для Ольги все равно – за чужую вину она пострадает или за свою, лишь бы выйти из родительского дома, после которого никакое наказание не страшно» [Там же: 87]), но «здесь идет речь о том, следует ли вменить преступление, вынужденное жестоким обращением и злоупотреблением родительской власти» [Там же: 88].

Таким образом, два из 17 вопросов, поставленных перед присяжными заседателями, звучали так: «Виновен ли отставной губернский секретарь Владимир Михайлов Умецкий в том, что чрез употребление во зло родительской власти вовлек малолетнюю дочь свою в совершение вышеозначенных

преступлений? Виновна ли в том же жена Владимира Умецкого, Екатерина Михайловна?» Присяжные признали родителей Умецких по этим пунктам виновными, но заслуживающими снисхождения. И тут возникла юридическая коллизия, которая вошла в учебники уголовного права [см., напр.: Лохвицкий]. Дело в том, что формулировка вопросов именно в таком виде была волюнтаристским ходом обвинения совместно с Урусовым (который по отношению к родителям, защищая дочь, также играл роль обвинителя). В действительности статьи «Вовлечение ребенка в совершение преступления чрез употребление во зло родительской власти» не существовало в Уложении о наказаниях. Сложилась странная ситуация: Умецкие были признаны виновными в формально несуществующем преступлении и отпущены с формулировкой «виновны, но наказанию не подвергать» («По решению присяжных заседателей, губернский секретарь Владимир Михайлов и жена его Екатерина Михайлова Умецкие признаны виновными в вовлечении в преступление несовершеннолетней дочери своей Ольги — в поджоге их дома, чрез злоупотребление родительской власти и жестокое обращение с нею. В законе, — я должен заявить суду, — нет наказания за такое преступление». — так сказал товарищ прокурора на кассационном слушании [Нос: 97]).

Коллизию преодолел кассационный департамент сената: было решено применить аналогию со ст. 1476, посвященной доведению до самоубийства: «Так как этот закон (1476 ст. Уложения) определяет виновным наказание не за умышленное побуждением одним лицом другого к самоубийству, что составляет особое, более тяжкое преступление, предусмотренное в 1475 ст. Уложения и подвергающее ответственности за пособие в убийстве, а лишь карает виновных за такое жестокое обращение с вверенным их попечению лицом, обращение, которое довело до отчаяния, выразившегося в посягательстве на собственную жизнь, то затем нельзя не признать, что предусмотренное этим законом преступление в существенных его чертах имеет большое сходство с образом действия Владимира и Екатерины Умецких, в отношении к малолетней дочери их Ольге, которая жестоким обращением с ней родителей, как признали присяжные, также доведена была до отчаяния; разница только в том, что в виду закона было отчаяние, выражающееся в посягательстве на убийство, а в настоящем случае отчаяние, происшедшее от тех же причин, выразилось *впадением в преступление* [курсив

наш. – М. Б.] несчастной жертвы злоупотребления родительской власти; но очевидно, что разница эта вовсе несущественна, ибо она зависит не от образа действий виновных родителей, а от обстоятельств от них не зависевших и в особенности от характера малолетней. Поэтому хотя присяжные и признали недоказанным посягательство Ольги Умецкой на самоубийство, однако это нисколько не воспрепятствовало суду <...> применить закон к преступным действиям ее родителей» [Лохвицкий: 547]. Так возник прецедент: нерадивые родители, перефразируя формулировку «доведение до самоубийства», были наказаны за «доведение до преступления» путем «варварского обращения с дочерью» (Урусов).

Доказательством того, что Достоевский в ходе работы над этой частью романа помнил о процессе, состоявшемся чуть более десяти лет назад, служит упоминание А. И. Урусова в черновых набросках к роману, хотя значение его здесь не вполне ясно.:

«След<ователь>: "Но интересное дельце, прокурор, на всю Россию можно блеснуть (хи-хи)".

Прокурор: "Я {Далее было: так} полагаю, что у него может явиться рука, выпишут защитника – Миусов, эта Вершонская..."

След<ователь>: "Да, но вы их раздавите, Иннокентий Семенович, -- надо служить истине, общему делу" (и д. *Щедрин*, кн. Урусов)» [Достоевский 30: XIV, 304].

Также известна отсылка к делу Умецких в диалоге Лизы Хохлаковой и Алеши:

«– Я ужасно хочу зажечь дом, Алеша, наш дом, вы мне все не верите?

– Почему же? Есть даже дети, лет по двенадцати, которым очень хочется зажечь что-нибудь, и они зажигают. Это вроде болезни» [Там же: 22].

В сцене суда у Достоевского, как нам кажется, есть еще одна отсылка к делу Умецких. Когда присяжные уходят на совещание, публика отдыхает, обсуждает процесс, прогнозирует. Слышатся разные реплики, и одна из них: «Господа, положим, красноречие. Но ведь нельзя же и отцам ломать головы безменами. Иначе до чего же дойдем?» [Там же: 177] Синтаксически фраза устроена двусмысленно: нельзя, чтобы отцы ломали головы или им ломали? Здесь

происходит контаминация двух дел: именно безменом избил дочь Умецкий накануне последнего пожара (этот предмет часто упоминался на суде [Нос: 60, 63, 66, 67, 71]), а голова проломлена у Федора Павловича Карамазова (совсем другим орудием, пестиком или пресс-папье – в зависимости от того, кого считать убийцей).

Можно с уверенностью говорить о том, что Достоевский обратил внимание на Урусова во время процесса Умецких. Это фамилия упоминается в записных тетрадах № 10 и № 11 [Сакулин; Бельчиков 1970: 209]. Помимо дела Умецкой, Достоевский достоверно интересовался как минимум тремя процессами, где Урусов участвовал в качестве защитника: плотицынское дело [Достоевский 1991: 411], дело Дмитриевой и Каструбо-Корицкого [Строганова], а также нечаевское дело. В библиотеке Достоевского обнаружена книга «Очерки и пародии» В. П. Буренина (об очерке «Адвокат Орлецкий» и о прозрачном изображении Урусова в нем см. на стр. 52–53 настоящей работы), известен интерес писателя к сатире Буренина 1870-х гг. [Виноградов: 89–108].

Немаловажно также и то, что Урусов, как и Спасович, выступал защитником в нечаевском процессе. Речь Урусова была самой радикальной из адвокатских. По сути, здесь он снова старался представить подзащитного Успенского как «доведенного до преступления», только уже не злоупотреблениями родительской власти, а злоупотреблениями власти самодержавной. По его мысли, скромный, тихий, склонный к мирным реформам Успенский переходит на сторону Нечаева после реакционных действий властей. «Не имея права собираться, открыто помогать своим нуждам, молодежь весьма легко вовлекается в тайные ассоциации» [ПВ: 4]. Кроме того, он последовательно развенчивает формальные обвинения. Если речь Фетюковича строится по схеме «Денег не было. Грабежа не было. Да и убийства не было», то стратегию Урусова можно охарактеризовать как: «Уголовного компонента дела не было. Заговора не было. Да и преступления не было, потому что политическое убийство – это не преступление»: «Если вы, господа судьи, не разрывали на куски царя за то, что он из подлой трусости ссылал на каторгу тысячи невинных людей и из личной прихоти посылал войска на бойню, то имеете ли вы право убийство Иванова, совершенное ввиду спасения большинства, считать преступлением?» [Нечаевцы: 169.] Речь Спасовича строилась на других приемах: он скорее пытался убедить

суд, что невинные молодые люди просто попали под обаяние Нечаева, оступились по неопытности, но не заслуживают суровой кары и т. д. За свою речь Урусов был арестован и выслан из столицы [Степанова 2010: 43].

Таким образом, защитник Ольги Умецкой последовательно отстаивал идею о том, что власть предержавшие (будь то родители или правительство) ответственны за преступления своих подопечных и могут даже провоцировать такие преступления в свою сторону. Что делает с этой идеей Достоевский? Во-первых, он ослабляет ее тем, что подставляет вместо четырнадцатилетней Ольги взрослого Митю, которого уже не может извинять свежесть детских травм и дурное воспитание. Более того, Достоевский совмещает в одном герое Урусова и Спасовича, который в своей речи по делу Кроненберга отстаивал нечто прямо противоположное (оправдывал насилие отца над ребенком дурным поведением ребенка). Это неожиданное сближение подчеркивает, по мысли Достоевского, что в действительности защитники совершенно равнодушны к истине, к истинным эмоциям и моральным исканиям. Они оправдывают абсолютно разных преступников одним и тем же приемом. В отличие от писателей, адвокаты не ставят дилемму о правильности мести плохим родителям, а заранее разрешают ее однозначно – так, как это выгодно им в данный момент.

§5. Русский адвокат на rendez-vous

Неожиданным образом, как минимум в 9 отобранных нами романах интересующие нас герои выступают в роли, казалось бы, не имеющей прямого отношения к судебной деятельности – в роли светских львов, салонных знаменитостей и перспективных женихов т. н. развитых барышень, эмансипированных девиц, «новых женщин». Таким образом, женолюбие, иногда доходящее до довольно патологических пределов (например, в поведении адвоката Светлова из романа «Сумрак» Н. Северина можно увидеть признаки эфебофилии) – литературный упрек адвокатуре, встречающийся едва ли не чаще, чем собственно «ведение неправых дел». Вязников из «Двух братьев» Станюковича, Безбедный из «Скрежета зубовного» Авсеенко, Булатов из «По-американски!» Боборыкина, Любарский из «Огонька» Смирновой, Лопатин из «Двух миров» Н. Алеевой, Светлов из «Сумрака» Н. Северина (Н. И. Мердер), Орлецкий и Аверьев Буренина, Рогов из «Смены» Эртеля, Гиршфельд из «В тине адвокатуры» Гейнце – все они так или иначе «сбивают с пути» честных, добрых

девушек, либо разрушают браки, либо предаются самому пошлому разврату, либо все это объединено вместе. Еще в ряде произведений склонность адвокатов к волокитству упоминается (например, «Господа ташкентцы», «Современная идиллия» Щедрина, «Кулисы» Немировича-Данченко, «Дельцы» Боборыкина), но не имеет значения для сюжета.

Рассмотрим этот мотив на основании двух ранних примеров – в повести П. Д. Боборыкина «По-американски» (1870) и в романе С. И. Смирновой «Огонек» (1871).

Героиня повести «По-американски» Лизавета Павловна томится в великосветски-патриархальной атмосфере отчего дома и считает дни до своего совершеннолетия. Ее семья состоит из деспотичной, но при этом ревностно охраняющей внешние приличия матери, старшей сестры, довольно пустой светской дамы, и брата, который служит по дипломатическому ведомству и, по выражению критика М. К. Цебриковой, представляет собой «карикатуру английского лорда» [Цебрикова: 222]. Лиза, получившая хаотичное домашнее образование и воспринявшая идеи, свойственные девушкам «ее формации», ее сверстницам и подругам, испытывает отвращение к «барской жизни», но не торопится резко порывать со своей «почвой» и до совершеннолетия ограничивается установлением определенной независимости внутри отчего дома. Формулировки, в которых она описывает эту независимость («Я добилась федерального устройства. В известные часы в мой штат центральная власть не проникает» [Боборыкин: 12]) отсылают к названию повести. Сестра знакомит Елизавету Павловну с молодым адвокатом Булатовым, который «только что кончил курс и в два месяца прославился на всю Москву. Теперь, с новыми судами, это в большой моде» [Там же: 13]. Булатов, которого в повести называют присяжным поверенным, в действительности мог исправлять должность только помощника присяжного поверенного, то есть стажера, – для присяжного поверенного молодому человеку, два месяца назад окончившему университет, определенно не хватало бы пятилетнего опыта работы в судебных ведомствах. Возможно, автор просто не вдавался в подобные тонкости, но в данном случае это не имеет значения – помощники присяжных поверенных также имели право выступать на процессах почти на тех же основаниях, что и их патроны, с той лишь разницей, что не имели собственной практики и получали дела по назначению.

Юная московская знаменитость Булатов – «очень молодой москвич, барского вида, крупных форм, некрасивый, но представительный, довольно резких манер, с приятным, не совсем искренним голосом. <...> Ум у него очень задорный, искристый и логический, в подробностях. Он любит и этим умом, и каждой своей фразой, но, кажется, без особенного ораторства. В таких натурах иначе и быть не может. Они нарядны, и им нужно охорашиваться» [Там же: 14]. Поначалу Булатов кажется Лизе фатом, который притворяется серьезным деятелем и хвастливо рассказывает о том, сколько громких и дорогостоящих процессов он сейчас ведет. Но постепенно они сближаются и становятся друзьями.

Переломный момент во взаимоотношениях героев наступает, когда по просьбе матери Булатова Елизавета Павловна отправляется в суд послушать выступление своего друга. В зале суда она знакомится со старушкой-мещанкой, которая с большим теплом отзывается о Булатове – тот помог ее сыну, которого избил работодатель-генерал: «Я, говорит [сын старушки], судиться пойду. Испугалась я в те поры, сударыня, так испугалась, что меня точно скосило что. Ну как, мол, ты с такой особой тягаться будешь? Да он тебя туда ушлет, куда ворон костей не заносил. Нет, говорит, не беспокойтесь, маменька: есть у нас на Москве такой защитник, Сергеем Петровичем Булатовым прозывается, я к нему пойду и скажу, мол — так и так, человек я маленький и платить мне за защиту не по силам, или самую малость... а наслышамшись о вашей благородной душе, припадаю, дескать, к стопам вашим. Ну и пошел. Сергей-то Петрович, голубчик, сразу его, словно брата родного, обласкал. Никакого, говорит, мне вознаграждения не нужно: обязанность-де моя малых сих защищать. <...> Он [сын старушки] в Сергея Петровича словно в каменную стену уверовал». Вот как отзывается старушка об ораторском таланте Булатова: «Ну, и заговорил Сергей Петрович... Меня так слеза и прошибла. И дастся же от Господа такой дар!.. Так у него и льется, так и льется... струя медоточивая... Моего Васю оправил, что ни на есть лучше, а генерала-то почал доезжать... то есть, сударыня, так он его отбрил, так отбрил, что мировой не выдержал — усмехнулся, а в народе-то смех... И все-то великотно, по-благородному, из книжек каких-то всякие примеры приводил...» [Там же: 132–133] Благодаря Булатову генералу было назначено наказание в виде штрафа, а старушка-мать стала верной слушательницей своего «соловушка» и «великого благодетеля» на других его процессах.

Однако в день, о котором идет речь, Булатов защищал отнюдь не пострадавшего от унижительного наказания простого артельщика. Его клиент оказался «очень важным барин». Его лицо мне сразу не понравилось: черный, прилизанный парик, бакенбарды, кажется, подкрашенные, острый нос, багровые щеки. На шее у него был цветной шарф, голову держал он чересчур высоко и тотчас же выставил руку с перстнями. Он оглядел залу серыми, фальшивыми глазами и усмехнулся; потом вынул цветной фуляровый платок и громко высморкался. <...> Мне не по нутру было видеть Булатова в такой приятельской беседе с этой подкрашенной невинностью. <...> Еще до обвинительной речи мне было ясно, что барин с кольцами — виноват» [Там же: 138]. Это было дело о фальсификации завещания и хищении крупной суммы денег.

И вновь перед нами центральная проблема адвокатской этики – «ведение неправых дел». В повести «По-американски» Боборыкин на примере двух дел его героя подчеркивает, что все достоинства адвокатской профессии мгновенно становятся ее недостатками, стоит только поставить их на службу защите заведомо виновного преступника. Красноречие такого поверенного превращается из «дара Господа» в «фальшивый тон голубиной мягкости и всепрощения», эрудиция, позволяющая приводить «примеры из книжек» – в «слащавую проповедь», «казуистику» и «диалектические способности». В предыдущей главе мы рассказывали о герое повести Сведенцова «Тесная рамка», которого окружение подозревало в том, что он бесплатно защитил бедного человека, чтобы составить себе благоприятную репутацию и привлечь такой рекламой состоятельных клиентов. В случае героя «По-американски» такое предположение вполне могло бы оказаться справедливым. Услышав его речь, разочарованная Лиза размышляет: действительно ли он способен на искренний порыв или же выставил себя благодетелем униженных и оскорбленных ради выгоды?

Как мы уже обозначили выше, бескорыстная защита невинных людей, пострадавших от произвола или злого умысла обидчиков, – это, возможно, единственный сюжетный ход, который позволяет изобразить адвоката положительным персонажем. Однако Боборыкин использует эту возможность лишь для создания контраста таких дел с делами неправыми.

До речи Булатова в защиту дельца, подделавшего подпись в завещании, в речи старушки прослеживалось четкое противопоставление: адвоката генерала, обидчика ее сына, она называла «стряпчим», а Булатова – «защитником». Это

слова с очевидно полярно разными коннотациями. Однако дело о фальсификации духовной показало, что один и тот же человек может быть то «защитником», то «стряпчим» в зависимости от удобных ему обстоятельств. Смущенная старушка попыталась объяснить заступничество Булатова за такого человека его «большой добротой». Из уст другой зрительницы прозвучал и типичный для защитников адвокатской свободы аргумент: адвокат обязан защищать всех, а не только тех, в чьей невиновности он убежден.

После долгих раздумий Лизавета Павловна вызывает Булатова на диалог и просит честно ответить, был ли он убежден в невиновности подсудимого. «Винность моего клиента стояла предо мною так же ясно, как и пред присяжными, – говорит Булатов. – <...> Я защищаю всех с тем знанием и искусством, какие есть во мне. Было бы противно всякой логике и справедливости на защиту одного полагать все свои силы, а другого выдавать руками и ногами юстиции. Тут все дело сводится к тому, браться или не браться за защиту <...> Адвокатское звание не есть вовсе дело моралиста или проповедника. Всякий человек, как бы он ни был виновен, заслуживает известного снисхождения уже потому, во-первых, что он сам по себе ничего не значит вне условий общественного быта, на которые и должна падать главная часть уголовного вменения. А во-вторых, желанию подсудимого подвергнуться меньшей степени наказания никто из нас не может не сочувствовать. Я понимаю, вам хотелось бы самых идеальных отношений защитника к подсудимому. Вам противно, что мы берем деньги со всякого, кто может их платить. Но как же, смею спросить, определите вы границу, за которой начинается законное и честное вознаграждение?» [Боборыкин: 150–152].

Из этого монолога следует, что поступки героя Боборыкина мотивированы не банальной жадой наживы. Все контраргументы Булатову знакомы, и он не проигнорировал их, а нашел на них ответ, который опирается ни на что иное, как на своеобразный адвокатский этос: «Все, что я вам сейчас сказал – общие места адвокатской практики; но только практика дает настоящее понимание житейской стороны нашей профессии. Жизнь, Лизавета Павловна, дело грубое; в идеальные схемы ее никак не уложишь» [Там же: 153]. Действительно, молодой адвокат, начавший карьеру на рубеже 1860–70-х гг., был воспитан на подобных принципах – как мы помним, первое дисциплинарное дело против присяжного поверенного

было рассмотрено лишь в 1874 г. До этого, как указывает Г. А. Джаншиев, корпоративные идеалы адвокатуры еще не были не только сформулированы, но и даже осмыслены. В отличие от Франции и Англии, у отечественной адвокатуры не было ни негласного этического кодекса, ни системы воспитательных учреждений корпорации, ни наставничества со стороны старших коллег. «В 70-х г.г. в коридорах здания Московских судебных установлений нередко можно было встретить кучки помощников присяжных поверенных, бродивших бесцельно, как стадо без пастыря. И рад бы поработать, да нет еще работы, и рад бы поучиться, благо много досуга, да не знаешь, как приняться за дело, у кого спросить совета» [Джаншиев 1886: XI]. В таких условиях профессионально сформировался герой Боборыкина.

Но автор не отказывает Булатову в возможности исправиться, взять верный курс – адвокат просит Лизу стать его «живой совестью», которая будет еще не раз задавать ему этически неоднозначные вопросы. Как мы полагаем, для Боборыкина история Булатова – это изображение переходного этапа того самого блуждания «по бесплодной пустыне ошибок и промахов и поклонения золотому тельцу», по выражению корреспондента газеты «Голос», иными словами, он не отрицает возможности, что это блуждание все же может привести к земле обетованной, хоть и не уверен в этом. К этому же выводу приходит и сама Лиза. Она увидела в Булатове «живого человека со множеством недостатков, <...> нашла, что он дитя своей эпохи, характерен, призван к деятельности, выше умом и пониманием всего, что мне готовила барская сфера. И наша повесть еще не окончена» [Боборыкин: 181].

Этот переходный этап блуждания и попыток совместить идеалы с практическими требованиями жизни изображен в повести не только на примере адвокатской профессии, но и более глобально в истории самой Лизы. Критики повести отмечали, что Лиза – «барышня очень практическая», «умная и осторожная» [Ткачев 1872: 40], «ведущая борьбу сдержанно, сберегая свои силы, чтобы выйти из нее здоровым существом. Она не занервничает и не кинется ни в какой обрыв. Она медленно, шаг за шагом, отстояла себе права, которые считались немислимыми для ее круга» [Цебрикова 1883: 223]. Подобно тому, как Булатов, безвозмездно защищая бедных, не отказывается и уменьшить срок заведомо виновному богачу, Лиза постепенно готовится покинуть отчий дом, но

не разрывает с семьей окончательно, не действует радикально, поскольку осознает, что эта среда еще имеет силу. Булатов и Лиза – новые люди, но «постепеновского» типа.

В романе О. С. Смирновой «Огонек» (1871) герой-адвокат к новым людям не принадлежит, напротив, он им отчетливо противопоставлен. «В свете его почитают и уважают. Маменьки мечтают выдать за него своих дочерей. У него впереди блестящая карьера; он метит в знаменитости. Он и теперь душа общества: очень приятно поет разные романсы, вовремя умеет сказать дерзость и вовремя услужить» [Смирнова 1871а: 22], – так представляет читателям присяжного поверенного Любарского главная героиня, эмансипированная барышня Клавдия Ракитина. Автор описывает его как изящного, светского и делового человека с сухим, проницательным взглядом, по которому чувствуется, что обладатель его привык общаться с преступниками, вести допросы, сбивать собеседника с толку, играть словами. Смирнова поясняет, что Любарский – «хороший адвокат», имея в виду, что он «мастерски владел эффектами и постиг искусство увлекать публику, приводя ее то в умиление, то в негодование» [Там же: 40]. Снова именно риторическая, ораторская ипостась адвоката-персонажа выступает мишенью авторского обличения. Даже арии Любарский поет расчетливо, по-адвокатски: безупречно с артистической и технической точки зрения, но «одного только недоставало в его пении: страсти <...> не было в нем того огня, который освещает страшную борьбу, прорвавшуюся в одном могучем возгласе» [Там же: 41].

В романе Смирновой мы не видим Любарского в зале судебных заседаний, но он использует красноречие – это новое оружие эпохи гласности – в качестве председателя ревизионной комиссии одного подозреваемого в растрате благотворительного общества. Любарский – гибрид адвоката-дельца и адвоката-ритора. За должность председателя ревизионной комиссии он борется так же рьяно, как добивался бы роли защитника на каком-нибудь громком и эффектном процессе. На заседании общества он успешно представляет дело так, будто члены правления в растрате не повинны: «Клавдия с жадностью ловила каждое слово. Нареченный ее говорил блистательно <...> Но Клавдия не видела блестящей стороны этой речи. Она видела только фальшь и фальшь» [Смирнова 1871б: 47].

Как и Лиза из повести «По-американски», Клавдия разочарована и пытается вызвать Любарского на разговор. На вопрос «Убеждены ли вы, что то дело, которое вы взяли защищать – правое?» [Там же: 48] она слышит: «Об этом не судить девушке в ваши года. <...> Вы еще почти девочка и вздумали останавливать меня, человека, уже более или менее имеющего понятие о том, что можно и чего нельзя» [Там же: 49].

При всем сходстве «По-американски» и «Огонька» как в сюжетах, так и в образах, герои-адвокаты в них отличаются главным: Булатов может быть единомышленником и боевым товарищем «новой женщины», Любарский – нет. Булатов – новый человек, хоть и оступившийся, и в подруге он ищет нравственный ориентир, «живую совесть». Любарский – прямой наследник ходатаев-дельцов, который лишь обновил арсенал своих крючкотворских уловок; духовно он принадлежит старому миру, он союзник патриархальной семьи Клавдии, а не ее самой.

На примере этих двух произведений мы увидели образы присяжных поверенных на рубеже 1860–1870-х гг., когда персонажи-адвокаты только начали появляться на страницах повестей и романов. По отношению к этому новому институту мнения в обществе были примерно так же поляризованы, как и мнения относительно великих реформ вообще. Писатели задавались вопросом: по пути ли новым людям с представителями профессии, которая носит в себе «органический порок»?

И. Паперно пишет о том, что «особое место, которое занимал в русском радикализме женский вопрос, может показаться трудно объяснимым, особенно если учесть, что наряду с ним существовали и другие, более серьезные проблемы, такие как абсолютизм, крепостничество, ограничение гражданских прав, бедность, безграмотность. Однако в контексте символики культуры доминирующая роль женского вопроса не вызывает удивления: “Освобождение женщины” понималось как свобода в целом, а свобода в личных отношениях (эмоциональное раскрепощение и разрушение устоев традиционного брака) отождествлялась с социальным освобождением человечества» [Паперно: 98]. Поскольку написать роман, посвященный, например, политическому судебному процессу было невозможно в обычных условиях (а условиям необычным будет

посвящен наш последний параграф), дискуссия о политическом потенциале адвокатской профессии оказывается вытеснена в сферу изображения любовных взаимоотношений. Мы можем вспомнить о том, как Чернышевский видит в поведении героя тургеневской «Аси» иносказание на политические темы («...сцена, сделанная нашим Ромео Асе, как мы заметили, – только симптом болезни, которая точно таким же пошлым образом портит все наши дела, и только нужно нам всмотреться, отчего попал в беду наш Ромео, мы увидим, чего нам всем, похожим на него, ожидать от себя и ожидать для себя и во всех других делах» [Чернышевский: 165]). Если, по Чернышевскому, каждый русский герой должен пройти испытание любовью, то герои-адвокаты этот экзамен проваливают. Их *modus operandi* в любовных отношениях, где они оказываются прелюбодеями не только мысли, дает понять – не стоит ждать, что взаимодействие с ними приведет к освобождению в какой бы то ни было общественной сфере.

§6. Адвокаты и революционеры

Завершают нашу работу два произведения, стоящие в нашем корпусе особняком – повесть С. В. Ковалевской «Нигилистка» (1884, опубликована в 1892) и роман С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» (1889 – впервые на английском языке с названием «The career of a nihilist, 1890 – несколько глав в переводе В. И. Засулич с названием «Андрей Кожухов», 1893 – полный перевод под редакцией П. А. Кропоткина). Их объединяет не только леворадикальная позиция авторов, но и то, что среди всех отобранных нами текстов только здесь адвокаты выведены в качестве положительных персонажей.

«Нигилистка» – повесть о девушке, сочетавшейся фиктивным браком с политическим преступником, чтобы последовать за ним на каторгу. В основу легли политические процессы «Дело 50-ти» и «Дело 193-х». Во время описания судебного заседания героиня отдает должное защитникам подсудимых: «Но вот заседание вновь открыто, и на очередь выступают адвокаты. Нелегкое дело быть защитником в политическом процессе. Правда, такой процесс – отличное средство выдвинуться вперед, сделать себе имя. Но зато стоит только адвокату обнаружить в своей речи некоторый огонь и убеждение, и он сразу попадает в категорию людей подозрительных. Еще многие помнят, как за красноречивой защитой следовала административная ссылка. Но к чести адвокатского сословия

надо сказать, что в его среде всегда находились люди, достаточно великодушные, чтобы отдать себя в распоряжение обвиняемых без всякой даже надежды на вознаграждение. Так было и в данном случае. И на этот раз нашлись люди, охотно принявшие на себя неблагодарную и ответственную роль защитников. Они и не думали о том, чтобы выгородить своих клиентов, отрицая всякое их участие в революционном движении. Они довольствовались тем, что рисовали в самом выгодном свете мотивы их действий; развивали смелые теории и нередко позволяли себе выражения, которые были бы немыслимы во всяком ином процессе, кроме политического. Председатель суда не раз пробовал прерывать их. Но все усилия его были тщетны: минуто спустя они возвращались к прежнему и высказывали мысли еще более смелые и решительные» [Ковалевская: 204]. Именно безымянный адвокат подсудимого подает героине идею о фиктивном браке.

Если эти строки из «Нигилистки» можно считать простым оммажем в сторону реальных адвокатов, пострадавших за свои выступления на политических процессах (см. подробнее на стр. 32 настоящей работы), то в романе Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» присяжный поверенный Григорий Александрович Репин играет значительную роль. Этот персонаж – не революционер, но «сочувствующий» русским революционерам. В рамках правового поля он защищает политических преступников и ищет поручителей для тех, кого выпускают на поруки, вне этих рамок – помогает в устройстве побегов, привечает в своем доме нелегалов (в том числе заглавного героя) и действует как информатор с агентурной кличкой «Пандект» (пандекты – второе название дигестов императора Юстиниана). «Репин не был сторонником революции в том виде, как она велась у него на глазах. Человек более ранней эпохи, он был горячим последователем и активным сторонником большого либерального движения шестидесятых годов, связанных с именем Герцена. Он оставался верен прежним традициям. Когда революционеры стали решительно бороться против политического деспотизма в России, он должен был признать в них борцов за его собственное дело. Будучи слишком стар, чтобы разделять их надежды или одобрять их крайние средства, он, однако, не считал возможным уклониться от всякой ответственности и обязательств в начавшейся борьбе. Он слишком близко видел ужас деспотизма, чтобы не признавать даже самый дикий вид возмущения

естественным, простительным и даже нравственно оправданным. Он не питал ни злобы, ни отвращения к тем, кто не умел подавить страстей из-за политических соображений. Он даже чувствовал к ним некоторое уважение» [Кравчинский 1987: II, 83–84].

Репин также «бывал в Швейцарии во времена Герцена», «между старыми эмигрантами у него было несколько друзей юности» [Там же: II, 61–62], что дополнительно сближает его с радикалом Кожуховым, поскольку именно «старые эмигранты» А. И. Герцен и Н. П. Огарев инспирировали организацию «Земля и воля». Подобно тому, как Спартак (герой одноименного романа Р. Джованьоли, переведенного на русский язык Кравчинским) допускает временное тактическое объединение усилий с Катилиной и Цезарем, земледелец Кравчинский в 1881 г. пишет: «Социализм не стоял и не стоит препятствием для объединения русской оппозиции; нам дороги интересы свободы всех русских, без различия партий: мы готовы защищать ее во имя общего внеклассового чувства гражданской солидарности, которая существует во всех передовых странах – в тем большей степени, чем они культурнее. В вопросе политическом, составляющем злобу дня, наша программа есть именно программа передовой фракции русских либералов» [Милюков: 236–237].

Художественное воплощение идея консолидации леворадикалов со старыми либералами-шестидесятниками отразилась в романе в виде теплых отношений между царевубийцей Кожуховым и представителем свободной либеральной профессии Репиным, которые со временем стали не только друзьями, но и родственниками, зятем и тестем.

Этому посвящен и последний диалог между героями накануне покушения на царя:

– Так вы бы хотели, чтобы мы все [«образованная часть России»] вышли на улицу и начали бросать бомбы во всех проходящих полицейских? – спросил иронически Репин.

– Что за бессмыслица! – горячился Андрей. – Вам нет надобности бросать бомбы – боритесь своим собственным оружием. Но боритесь же, если вы люди!

Будем бороться сообща. Тогда мы будем достаточно сильны, чтобы дать конечную битву самодержавию и низвергнуть его» [Кравчинский 1987: II, 272]

Таким образом, правозащитная работа адвоката признается заслуживающим уважения (хотя и не самым мощным) оружием против самодержавия, как и деятельность остальных представителей образованной России – врачей, инженеров, земцев.

Почему на роль героя-помощника революционеров Кравчинский выбирает именно адвоката? Безусловно, это могло быть вдохновлено реальными фигурами нового суда. Немало адвокатов в той или иной мере поддерживали устремления «нигилистов». Один из авторов судебных уставов 1864 г. Д. В. Стасов участвовал почти во всех процессах над народовольцами (дела Ишутина, Каракозова, Нечаева, «193-х»), подвергался негласной слежке и обыскам, а его дочь Е. Д. Стасова, как и дочь Репина, стала профессиональной революционеркой²⁶. Этот факт, однако, не дает нам оснований уверенно полагать, что Стасов стал прототипом Репина, поскольку Елене Стасовой на момент публикации романа было всего 16 лет. Кравчинский вспоминает о Стасове в своей обзорной работе «Россия под властью царей» в связи с делом семинариста Пономарева 1877 г.²⁷.

²⁶ По ироническому стечению обстоятельств, именно ей адресовано письмо В.И. Ульянова от 19 января 1905 года, содержащее знаменитую цитату: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает». Далее следует менее известное пояснение: «Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самое малейшее неприличие или политический оппортунизм (говорить о неразвитости, о неверности социализма, об увлечении, об отрицании социал-демократами насилия, о мирном характере их учения и движения и т. д. или хоть что-либо подобное), то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемакинские стороны суда. Даже умный либеральный адвокат архисклонен сказать или намекнуть на мирный характер социал-демократического движения, на признание его культурной роли. Все подобные поползновения надо пресечь в корне. Юристы самые реакционные люди, как говорил, кажется, Бебель. Знай сверчок свой шесток. Будь только юристом, высмеивай свидетелей обвинения и прокурора, самое большее противопоставляй этакий суд и суд присяжных в свободной стране, но убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикайся. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что даже хваля их не сумеешь обойтись без пошлостей. Конечно, все это можно изложить адвокату не по собакевичевски, а мягко, уступчиво, гибко и осмотрительно. Но все же лучше адвокатов бояться и не верить им, особенно если они скажут, что они социал-демократы и члены партии» [Ленин: 171]. Здесь Ульянов, сам в прошлом помощник присяжного поверенного, инструктирует попавшую под суд дочь адвоката, как реагировать на попытки защитников «ослабить», дерадикализировать убеждения своего подзащитного. Мы писали об этой проблеме на стр. 30–31.

²⁷ «В 1874 году студент саратовской семинарии Пономарев был брошен за решетку по обвинению в принадлежности к тайному обществу. В бумагах одного из руководителей движения, П. И.

Адвокат Г. В. Бардовский, защитник на процессах по делу Казанской демонстрации 1876 г., кружка И. М. Ковальского, «50-ти», «193-х» имел репутацию самого сочувствующего народникам адвоката – подсудимые часто выбирали его. Кстати, то же самое пишет Кравчинский и о Репине: «Репин был приглашен в защитники по одному из политических процессов, когда обвиняемые еще имели право выбирать себе адвокатов» [Кравчинский 1987: II, 84]. За хранение номеров «Народной воли» Бардовский в 1879 г. был приговорен к тюремному заключению, где его душевное здоровье навсегда погубила тяжелая клаустрофобия. К политике тянулся и адвокат Л. А. Куперник – с помощью лондонского «Фонда Вольной русской прессы», во главе которого стоял Кравчинский, он опубликовал «Проект русской конституции», который «намечал преобразование России в конституционную монархию с палатой народных представителей и областными сеймами, гарантию политических свобод, а для решения особо важных вопросов созыв Земского собора». Адвокат А. А. Ольхин, защитник по делам В. М. Дьякова, о демонстрации на Казанской площади в Петербурге в 1876 г., на процессах «50-ти» и «193-х», сотрудничал в народнических изданиях, неоднократно подвергался административной высылке, а сразу после убийства Кравчинским шефа Корпуса жандармов Н.В. Мезенцева посвятил исполнителю «всенародной казни над безумным злодеем» [Ольхин: 5] стихотворение. Таков лишь предварительный список возможных прототипов Репина.

Однако мы полагаем, что Кравчинский, делая своего героя-«попутчика» именно адвокатом, преследовал и более масштабную цель, нежели документальное отражение подпольных реалий. Как отмечает Н. В. Поселягин, в творчестве 1880-х гг. Кравчинский стремится легитимизировать политический террор как метод в глазах читателей, прежде всего зарубежных: «очерки носят информационный и пропагандистский характер и созданы, с одной стороны, для

Войнаральского, была найдена записка с фамилией Пономарева. <...> Но самое интересное в этой истории произошло в 1877 году, когда Пономарев, представший наконец перед судом, пригласил в защитники известного петербургского адвоката Стасова. Адвокат, разумеется, прежде всего попросил показать ему "вещественное доказательство", то есть записку, в которой будто бы была написана фамилия его клиента. Записка была представлена – и что же вы думаете? Фамилия оказалась вовсе не Пономарев! Вследствие некоторого сходства в написании фамилии студента приняли за кого-то другого и арестовали не того, кого искали! С такой нерадивостью отправляется правосудие, так цинично и пренебрежительно относится царская юстиция к правам подданных. Три года понадобилось для того, чтобы исправить ошибку, которая в любой стране была бы исправлена через двадцать четыре часа» [Кравчинский 1987: Т. 1, 90–91].

того чтобы европейская общественность узнала о деятельности российских революционеров из первых рук, а с другой — для морального оправдания русского терроризма. Согласно риторике очерков, терроризм определялся одновременно как разновидность тираноборчества, как месть за нелегитимные (с точки зрения политических норм) и несправедливые (с моральной точки зрения) действия правительства и как акт выражения воли народа. <...> Подобная риторика, по мысли Кравчинского, должна была оправдать террористическую борьбу русских радикалов в глазах всей Европы <...> Кравчинскому необходимо было прежде всего убедить международную аудиторию, что терроризм в России целесообразен и морален; в то время как большинство других теоретиков русского радикализма писали работы по-русски и тем самым создавали базис для внутреннего обоснования деятельности революционных групп, их самоидентификации, Кравчинский считал основной целью внешней — международной — легитимацию русского терроризма и делегитимацию существующего режима, а перевод своих статей на родной язык организовывал с большим опозданием, как дело второстепенное» [Поселягин: 126–127]. Действительно, землевольцы, народовольцы и лично Кравчинский вовсе не были антилегалистами. Напротив, их программа предполагала, что после насильственного захвата власти будет создано Учредительное собрание. Более того, после убийства Александра II «Народная воля» обратилась с открытым письмом к наследнику: в случае согласия Александра III на созыв Учредительного собрания и на амнистию всех политических заключенных гарантировалось прекращение насильственных террористических акций: «Заявляем торжественно, пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием» [Народничество: 174]. «Этим обещанием сложить с себя революционную диктатуру, лишь только будет обеспечен законный порядок, — комментирует Кравчинский, — народовольцы хотели успокоить общество, показав ему, что революционеры хотят служить народу, а не повелевать им; хотят развязать руки всем желающим работать на пользу народа, а не заменить самодержавную палку революционной. Что эти заявления были вполне искренни, в этом не может быть сомнения. <...> Письмо

было предложением мирных условий, которые обе стороны могли добросовестно принять и соблюсти. «Дайте нам законный порядок, и мы будем действовать законными средствами», – говорили революционеры. Это было и разумно и естественно. И Александр III мог, если бы захотел, установить законный порядок тем путем, о каком говорилось в письме, потому что другого нет» [Кравчинский 1987: I, 506–507]. Письмо это встретило сочувствие на Западе [Нечипорук: 28]. В сущности, при необычайной жестокости методов цели террористов можно охарактеризовать как достижение обычных буржуазно-демократических свобод.

Подтверждает эту мысль тот факт, что «Народная воля» осудила убийство американского президента Гарфилда: «Называя себя монархомахами, народовольцы постоянно подчеркивали, что борются с деспотией ради торжества законности. Потому в отличие от радикалов 1860-х годов, “неосторожно” восхищавшихся убийцей Линкольна, исполнительный комитет “Народной воли” в партийной прессе осудил убийство американского президента А. Гарфилда: уничтожение представителей власти, поясняли идеологи партии, уместно в условиях деспотии, но преступно в правовых государствах, где главенствует закон» [Одесский; Фельдман 2012: 141]

Лейтмотив очерков Кравчинского – восстановление законности, создание правового общества. «Правительство <...> не считается со страданиями невинных и не уважает законы, изданные им самим» [Кравчинский 1987: I, 104], «В Киеве, например, заключенные не могут иметь гражданских защитников, независимых от властей, хотя законом это допускается» [Там же: 111], «Назначение военных трибуналов – придавать своему судопроизводству видимость законности» [Там же: 115], «неслыханно беззаконие» [Там же: 167], «И это называется в России законами!» [167], «Но что же это за правительство, которое так нагло издевается над законами страны, которое не опирается и не желает опираться ни на народ, ни на общество, ни на какой-нибудь отдельный класс, ни даже на им самим созданные законы? Что представляет оно, как не воплощение грубой силы? Против подобного правительства все дозволительно. Оно уже является не выразителем воли большинства, а организованным произволом. На уважение оно может претендовать не больше, чем шайка придорожных разбойников, которые бьют, грабят и режут, пока на их стороне сила» [Там же: 359]. Преступное государство принимает «неправильные» законы

(«правильные» же исполнять не хочет), революционеры же хотят всего лишь правильных законов и правильного их исполнения. Все это – правовая легитимация политического террора, которая имела в том числе и сугубо практические цели: общественное мнение могло влиять на законы об экстрадиции [Нечипорук: 92]. Невозможно утверждать право угнетенных на убийство тирана, не апеллируя к идее права. Вторичная выгода подобной риторики – решительное отделение русских тираноборцев от анархистов, действовавших в то же время [Одесский; Фельдман 2012: 148–149], которые, будучи противниками государства, отрицают и закон как порождение государства.

В этом свете появление адвоката в романе «Андрей Кожухов» выглядит неслучайным. Поскольку «деспотизм» у Кравчинского выступает синонимом «беззакония», именно попрание правового порядка имеет в виду автор, когда говорит, что Репин «слишком близко видел ужас деспотизма» [Кравчинский 1987: II, 83] – видел он его по долгу службы. Репин в полной мере признает несовершенства российского законодательства и правоприменения: «драконовский приговор, крайне несправедливый, по его мнению» [Там же: 84]. Симпатия представителя «законнической» профессии к революционерам, столь естественная по логике Кравчинского, дополнительно оправдывает террористические методы. На протяжении романа Репин ни разу не высказал сомнений по поводу допустимости насилия в политической борьбе. Единственное, что ему трудно принять в деятельности Андрея Кожухова – самопожертвование, готовность погибнуть за дело революции, но не жестокость.

Фигура адвоката в данном случае актуализирует сразу несколько исторических параллелей. В первую очередь это, конечно, «революция адвокатов», то есть Великая Французская революция. Адвокатами были Робеспьер, Дантон, Шарлье, юридическое «происхождение» лидеров обусловило деятельность Конвента в русле расширительного толкования теории общественного договора. И несмотря на то, что в 1790 г. в рамках реформы судопроизводства адвокатура была упразднена (новый революционный суд по определению справедлив и судит только врагов народа, а врагам народа защитник ни к чему), сотрудничество с адвокатурой позволяет возвести русских террористов к якобинским вождям, что имело принципиальное значение для выработки правильной репутации в Европе. «Кравчинский указывал на то, что теперь движение русских социалистов не идет дальше завоевания буржуазных

политических свобод (по его выражению, «общечеловеческих прав»), и именно поэтому «они плоть от плоти и кость от кости мало-мальски передовой Европы». Но в Европе этого не понимают и считают «нигилизм» «чудищем огромным, озорным и стозевным». Европа, отмечал Кравчинский, не признает в «нигилистах» «частицы самой себя и нужно долбить и долбить все по одному месту, чтобы вдолбить ей в башку, что современные террористы – это люди 1793 и 1789 года во Франции, которых Европа вся под образа сажает» [Кондратенко: 67].

Еще более важным нам представляется другой географический контекст. Н. В. Поселягин, отвечая на вопрос, почему Кравчинский публикует роман на английском языке и в лондонском филиале американского издательства, выдвигает «гипотезу, требующей перепроверки и дополнительных доказательств» [Поселягин: 132] – писатель рассчитывал на английскую и американскую (главным образом) аудиторию. «В революционных кругах современников Кравчинского Америка была неким полумифическим пространством, где давно победила свобода и демократия²⁸, т. е. оказывалась очень удобным элементом при построении собственной идеологической системы, дополнительно легитимирующим акции землевольцев и народовольцев. По этой логике, российские радикалы действуют во имя торжества законности, а практика индивидуального террора оказывается эмоционально соотнесенной одновременно с Войной за независимость и с Гражданской войной: это и национально-освободительное движение, и освобождение народа от рабства» [Там же]. Напомним, что адвокатами были отцы-основатели США Джон Адамс и Александр Гамильтон, а из 55 участников Филадельфийского конвента адвокатами были 31. Роль юристов в американской борьбе за независимость была известна в России²⁹.

Как мы полагаем, «гипотеза» Н. В. Поселягина подтвердилась в монографии Д. М. Нечипорука «Во имя нигилизма: американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930)». Предположение о расчете Кравчинского на американскую аудиторию очень

²⁸ См. выше о реакции «Народной воли» на убийство президента Гарфилда.

²⁹ См., напр.: «Настоящими же двигателями в американской борьбе, начавшейся судебным порядком, были, конечно, адвокаты, юристы. Входя в интересы своих сограждан, отправляясь с их точки зрения, эти смелые вожаки народа выясняли и обобщали вопросы о гражданском праве, передавая их в речах ясных и понятных для каждого простолюдина, не отупевшего еще под гнетом безвыходного бедственного положения» [Циммерман: 687–688].

вероятно, учитывая, что «грандиозный успех в 1887–1889 гг. статей американского журналиста Дж. Кеннана о сибирской ссылке убедил его в необходимости подключения к агитации иностранцев» [Нечипорук: 32]. Через полтора года после публикации романа, в 1891 г., Кравчинский отправляется в Америку с целью создать Общество «оказания помощи русским патриотам в их борьбе за обретение политических свобод и самоуправления для своей страны всеми моральными и законными средствами» (свое личное участие в убийстве шефа Корпуса жандармов Мезенцева писатель держал в тайне) и заручается поддержкой бывших аболиционистов: «Такому результату способствовала его умелая агитация. Во время своих лекций и выступлений он неустанно объяснял и доказывал, что целью борьбы русских революционеров является завоевание гражданских свобод и прав, которые положены в основу конституционных законов всех цивилизованных государств Запада» [Там же: 58]. Апологетика терроризма, разработанная Кравчинским, также возымела эффект: «Нобл в книге «Русский мятеж» и Кеннан в своей знаменитой серии статей в «Century» оправдывали террор русских нигилистов как вынужденные, крайние меры в условиях отсутствия политических. <...> Сторонники движения за свободную Россию отвергали любые уподобления нигилистов американским анархистам, прежде всего исходя из отличий в политических режимах двух стран. У. Армстронг настаивал на правоте действий нигилистов, которые, по его мнению, вынуждены добиваться политических свобод в отсутствие возможностей для легальной борьбы в то время, как местные анархисты использовали насилие в стране, где «доступны законные способы для защиты своих прав». Нобл также объяснял насилие русских нигилистов непризнанием в России “самых элементарных политических прав”» [Там же: 87–88]. Если бы «возможности для легальной борьбы» в России имелись, террористы бы действовали со всем уважением к закону и правовым институтам – подтверждением тому служит их сотрудничество с адвокатской корпорацией.

Таким образом, введение адвоката в повествование позволило Кравчинскому не только изобразить консолидацию умеренно-либеральных и радикальных сил общества, но и вписать русский терроризм в европейскую и американскую традицию освободительной борьбы.

Заключение

В ходе работы нам удалось собрать корпус литературных произведений различных жанров, насчитывающий около пятидесяти наименований. Поскольку в рамках магистерского исследования невозможно охватить столько романов и рассказов, мы решили остановиться на нескольких текстах, которые впервые разрабатывают тот или иной мотив или представляются нам самыми показательными в отношении функционирования интересующего нас литературного типа (адвоката), остальные же иногда упоминались кратко и в качестве дополнительных примеров, подтверждающих магистральную идею.

Анализ образа адвокатов в прозе 1864–1894 гг. отражает общественное восприятие новой для России профессии. Рассматривая публицистические выступления времен реформы, мы приходим к выводу, что нельзя говорить о том, что возникновение адвокатуры было принято с однозначным восторгом. Тем не менее, в некоторых романах и рассказах начала 1870 гг. можно отметить надежду на то, что профессиональные присяжные поверенные будут в лучшую сторону отличаться от своих предшественников – нелегальных ходатаев. Образ последних актуализируется для создания контраста. Мы приходим к выводу, что образ дореформенного ходатая, являясь так же преимущественно отрицательным, оставляет писателям бóльший простор для апологии своего героя, в то время как в прозе о присяжных поверенных сложно увидеть какое бы то ни было оправдание «ведения неправых дел» присяжными поверенными (за исключением двух написанных в эмиграции текстов, отражающих вовлеченность адвокатов в политическую жизнь общества).

Параграф «Адвокатура и литература: история взаимоотношений» не входил в первоначальный план работы, однако по мере продвижения нам стала очевидна необходимость такого обзора. Он возводит нашу обширную тему к конкретному кругу громких политических процессов эпохи и показывает, что восприятие присяжных поверенных очень разными, подчас противоположными по своим общественным и эстетическим воззрениям писателями базировалось на одних и тех же историях, речах, примечательных риторических приемах. К этому списку мы так или иначе возвращались на протяжении всей работы. Насколько нам известно, такая систематизация нескольких самых значимых эпизодов

столкновения между литературой и адвокатурой была произведена в истории литературы впервые, как и в истории отечественного государства и права.

Основную проблему в отношениях между адвокатурой и литературой как двумя общественными институтами можно сформулировать словами Салтыкова-Щедрина: литература, ощущая себя «старшей сестрой в либерализме», по отношению к адвокатуре взяла на себя опекающую роль «суда совести», обращала внимание на каждое публичное появление адвокатов и строго критиковала все, что считала проявлениями безнравственности. Материал подтверждает нашу гипотезу о том, что критика эта пошла на спад начиная со второй половины 1870-х гг., когда литераторы, как кажется, согласились с предложением Щедрина считать адвокатуру просто «ремеслом», не имеющим никакого отношения к универсальным нравственным интересам общества. Почти все негативные проявления адвокатской профессии отразились в литературе уже в первое пореформенное десятилетие.

Среди этих проявлений: коренная этическая проблема, получившая название «ведение неправых дел»; предательство демократических идеалов и профанирование их; служение праву, а не правде, равнодушие к истине; антирусская сущность, развращение русского народа (в лице смущенных психологическими манипуляциями крестьян-присяжных, например); стяжательство и служба капиталу; слишком охранительный характер деятельности; слишком революционный характер деятельности.

Адвокат редко бывает главным героем, в основном он выступает героем-вредителем или героем-помощником, иногда исполняя одновременно обе функции (например, адвокат Безбедный из романа Авсеенко «Скрежет зубовый» – помощник богатого мошенника Карича и вредитель для главной героини Липочки). Если рассматривать правовую культуру и ее отражение в литературе с точки зрения персонологической типологии, то адвокат в ней принадлежит к категории «лиц особого дарования (как колдун) или типа занятий (как кузнец, мельник, палач)» [Фрош: 10], причем прилагают адвокаты свои «особые дарования», как правило, во зло. Это проявляется и в их работе, и в общественной деятельности, и в семейной жизни, и в любовных отношениях. Яркое, но единственное в своем роде исключение – произведения леворадикальных авторов (С. В. Ковалевская, С. М. Степняк-Кравчинский). Допуская возможную неполноту и нерепрезентативность отобранного нами материала, мы все же

сомневаемся, что привлечение других источников (например, рассказов, опубликованных в газетах) даст существенно отличающуюся картину. На наш взгляд, единственный угол зрения, который способен добавить в образ адвоката принципиально новые черты – рассмотрение случаев, где присяжные поверенные представляют собой фигуру детектива, исследователя (например, «Утро после бала: (рассказ присяжного поверенного)» А. А. Шкляревского). Однако на данном этапе, как кажется, для полноценного исследования этого сюжета не хватает материала.

Kokkuvõte

Advokaadi tegelaskuju 1864 – 1894. aastate vene proosas

В 1864 г., по результатам масштабной судебной реформы, в России возникла профессиональная адвокатура. Цель нашей работы – выявить, как изображаются эти персонажи в литературе, из каких типичных черт строится их образ и какие функции они выполняют. Тема адвокатуры в прозе еще не привлекала внимания исследователей, но существуют работы, посвященные истории великих реформ в целом и адвокатуры. Образы адвокатов иногда рассматривались в творчестве отдельных писателей (Балалайкин Салтыкова-Щедрина, Фетюкович Достоевского), однако специально не исследовались.

Поиск произведений, в которых есть персонажи-адвокаты, осуществлялся с использованием возможностей сервиса «Google Books». По результатам поиска набралось около 50 произведений, среди которых есть принадлежащие как большим писателям (Ф.М. Достоевскому, И.С. Тургеневу, Л.Н. Толстому, М.Е. Салтыкову-Щедрину), так и второстепенным беллетристам.

В первой главе рассматриваются созданные в 1860–1870 гг. образы предшественников профессиональных адвокатов – нелегальных дореформенных “hodatai” – а также представителей института, существовавшего параллельно – частной адвокатуры. Анализ этих персонажей важен, так как большинство обвинений (недобросовестная нажива, манипуляции клиентами с использованием «юридического языка», софистические приемы в речах, ведение неправых дел, отсутствие каких бы то ни было гарантий эффективности работы, пошлое крючкотворство во всех сферах жизни вплоть до семейных отношений) достались профессиональным адвокатам в наследство от нелегальных ходатаев.

Вторая глава разбита на несколько тематических параграфов и целиком посвящена присяжным поверенным. В первом параграфе мы провели обзор самых громких судебных дел конца 1860-х – начала 1870-х гг., который позволил не только проследить зарождение и развитие основных направлений критики адвокатуры, но и очертить круг самых значимых адвокатских имен эпохи. Во втором параграфе рассматриваются произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, в которых адвокаты всех трех возможных типов представлены одновременно, что дает возможность их сравнительного анализа. Третий

параграф посвящен адвокатам в творчестве В. П. Буренина, который продолжает сатирические традиции Салтыкова-Щедрина. Если во втором параграфе мы показываем критику адвокатуры «слева», то четвертый параграф выявляет критику «справа» – в романах «Скрежет зубовой» В. Г. Авсеенко, «Вне закона» В. В. Крестовского и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского адвокаты показаны наследниками бездуховных идей нигилистов 1860-х гг. Во многих романах интересующие нас герои выступают в роли, казалось бы, не имеющей прямого отношения к судебной деятельности – в роли светских львов, салонных знаменитостей и перспективных женихов т. н. развитых барышень, эмансипированных девиц, «новых женщин». Этому посвящен пятый параграф. Наконец, в шестом параграфе анализируется неожиданная поддержка, которую адвокатура заслужила со стороны леворадикально-революционных писателей С. В. Ковалевской и С. М. Степняка-Кравчинского.

Сокращения и использованная литература:

ОЗ – Отечественные записки

РВ – Русский вестник

ВЕ – Вестник Европы

ЖМЮ – Журнал министерства юстиции

Источники:

1. А. Г.: *А. Г. Адвокаты или поверенные и ходатаи по делам (физиологический этюд)* // Русский заграничный сборник. Лейпциг, 1859. Ч. 3. Т. II.
2. Авсеенко: *Авсеенко В. Г. Скрежет зубовный. В двух томах.* СПб., 1885.
3. Авсеенко 1873: *Авсеенко В. Г. Практический нигилизм* // РВ. 1873. № 7.
4. Андреева-Бальмонт: *Андреева-Бальмон Е. А. Воспоминания.* М., 1997.
5. Арсеньев: *Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе.* СПб., 1888. Т. I.
6. Аскоченский: *Аскоченский В. И. За Русь святую!* М., 2014.
7. Боборыкин: *Боборыкин П. Д. По-американски! Поддели! Фараончики...* СПб., 1886.
8. Буренин 1874: *Буренин В. П. Очерки и пародии.* СПб., 1874.
9. Буренин 1892: *Буренин В. П. Песни и шаржи.* СПб., 1892.
10. Васьковский: *Васьковский Е. В. Организация адвокатуры.* СПб., 1893.
11. ВЕ 1868: *О. Наблюдения и заметки. Хроника общественной жизни* // ВЕ. 1868. Т. VI. № 11.
12. Гессен: *Гессен И. В. История русской адвокатуры.* М., 1914. Т. I.
13. Городынский: *Городынский Я. К. Очерки судебной практики в связи с ее бытовыми условиями* // ЖМЮ. 1896. № 9.
14. Дело 1876: *Мизантропов Н. Калейдоскоп. Литературные и общественные заметки* // Дело. 1876. № 11.

15. Дело 1876а: *Мизантропов Н.* Калейдоскоп. Литературные и общественные заметки // Дело. 1876. № 1.
16. Джаншиев 1886: *Джаншиев Г. А.* Ведение неправых дел (Этюд по адвокатской этике). М., 1886.
17. Джаншиев 2008: *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ. М., 2008. Т. II.
18. Достоевская: *Достоевская А. Г.* Дневник. М., 2013.
19. Достоевский 30: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. 1972–1990.
20. Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 томах. Л., 1989–1996.
21. Ковалевская: *Ковалевская С. В.* Воспоминания. Повести. М., 1986.
22. Кони 1966: *Кони А. Ф.* Из записок судебного деятеля // Собрание сочинений: В 8 т. М., 1966. Т. I.
23. Кони 2020: *Кони А. Ф.* Избранные труды и речи. Часть 2. Кассационные заключения. Статьи. М., 2020.
24. Короленко: *Короленко В. Г.* Собрание сочинений: В 10 томах. М., 1955. Т. IX.
25. Крестовский 1995: *Крестовский В. В.* Кровавый пуф. М., 1995.
26. Крестовский: *Крестовский В. В.* Вне закона. СПб., 1873.
27. Кротков 1875: *Кротков В. С.* Новые порядки (Из записок провинциального адвоката) // ОЗ, 1875. № 8.
28. Кротков 1883: *Кротков В. С.* «Частный поверенный (эпизод из практики автора) // ОЗ, 1883. № 2.
29. Лавров: *Лавров П. Л.* Вперед! Т. III. Лондон, 1874.
30. Ленин: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / 5-е изд. М., 1967. Том 9.
31. Ливанов: *Ливанов Ф. В.* Раскольники и острожники. В пяти томах. СПб., 1868–1875.
32. Ломачевский: *Ломачевский Д. П.* Русский люд. СПб., 1871.
33. Лохвицкий: *Лохвицкий А. В.* Курс русского уголовного права. СПб., 1871.
34. Максимов: *Максимов С. В.* Сибирь и каторга: В 3 ч. СПб., 1871.
35. Милюков: *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 2014. Т. I.

36. Народничество: Революционное народничество 70-х годов XIX века: сборник документов и материалов в двух томах / Ред. Н. С. Валк и др. М., 1964-1965.
37. Нечаевцы: Нечаев и нечаевцы: сборник материалов / Сост. Б. П. Козьмин. М., Л., 1931.
38. Никитин: *Никитин В. Н.* Общественные и законодательные погрешности. СПб., 1872.
39. Нос: *Нос А. Е.* Замечательные судебные дела. М., 1869.
40. ОЗ 1869: *Д.* Наши общественные дела // ОЗ. 1868. № 6.
41. ОЗ 1870: *Демерт Н. А.* Кое-что насчет земского самоуправления // ОЗ. 1870. № 2.
42. ОЗ 1872: *Демерт Н. А.* Наши общественные дела // ОЗ. 1872. № 3.
43. ОЗ 1875: Внутреннее обозрение // ОЗ. 1875. № 12.
44. ОЗ 1875а: *Елисеев Г. З.* Внутреннее обозрение // ОЗ. 1875. № 4.
45. ОЗ 1875б: *А.* Мысли вслух // ОЗ. 1875. № 8.
46. ОЗ 1876: Перехваченные письма петербургского адвоката о струсберговском процессе // ОЗ. 1876. № 11.
47. Ольхин: *Ольхин А. А.* У гроба (стихотворение): Посвящается поразившему Мезенцева Сергею Михайловичу Кравичнскому (Степняку). Лондон, 1901.
48. Остроухов: *Остроухов А. А.* Последнее слово о нашей адвокатуре. Екатеринослав, 1875.
49. Пален: *Пален К. И.* Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Издание газеты «Работник». Женева, 1875.
50. ПВ: Правительственный вестник. 1871. № 165. 13 (25 июля).
51. Писемский: *Писемский А. Ф.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1959. Т. IX.
52. Плевако: *Плевако Ф. Н.* Избранные речи. М., 2020. Т. I.
53. Птицын: *Птицын В. В.* Древние адвокаты и наши присяжные цицероны // Наблюдатель, 1894. Т. XIII. № 3.
54. Розы: *666 [Буренин В. П.]* Розы прогресса // Дело. 1875. № 9.
55. Русское слово: *Г. Б.* Библиографический листок // Русское слово. 1864. № 4.

56. Сафронова: *Сафронова Е. Ю.* Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг. Барнаул, 2013.
57. Сведенцов 1876: *Сведенцов И.И.* Тесная рамка // ОЗ. 1876. № 6.
58. Сведенцов 1891: *Сведенцов И. И.* В зале суда и в совещательной комнате (Из воспоминаний присяжного заседателя) // ВЕ. 1891. № 12.
59. Семенов: *Семенов Н. П.* Наши реформы // РВ. 1884. №1.
60. Скворцов: *Скворцов К.Н.* Сельский адвокат // ЖМЮ. 1901. № 8.
61. Смирнова 1871а: *Смирнова С. И.* Огонек. Ч. 1 // ОЗ. 1871. № 5.
62. Смирнова 1871б: *Смирнова С. И.* Огонек. Ч. 3 // ОЗ. 1871. № 7.
63. Современник: Судебные уставы 20 ноября (Современное обозрение) // Современник. 1864. Т. CV.
64. Станюкович 1881: *Станюкович К. М.* Два брата. СПб., 1881.
65. Станюкович: *Станюкович К. М.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977. Т. II.
66. Суворин: Суворин А. С. Очерки и картинки. СПб., 1875.
67. Ткачев 1864: *Ткачев П. Н.* Эпоха. 1864. № 3.
68. Ткачев 1872: *Ткачев П. Н.* Спасенные и спасающиеся // Дело. 1872. №10.
69. Тургенев 1868: *Тургенев Н. И.* Чего желать для России? Лейпциг, 1868.
70. Тургенев 1982: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1982. Т. IX.
71. Успенский: *Успенский Г. И.* Из биографии искателя теплых мест // ОЗ. 1870. № 5.
72. Фойницкий: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884. Т. I.
73. Цебрикова: *Цебрикова М.К.* Беллетристы-фотографы // ОЗ. 1873. № 12.
74. Циммерман: *Циммерман Э. Р.* Столетняя годовщина в С. Америке (очерки из истории Соединенных Штатов) // ОЗ. 1876. №4.
75. Чаев: *Чаев Н.А.* Подспудные силы. М., 1870.
76. Чернышевский: *Чернышевский Н. Г.* Русский человек на rendez-vous // Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1950. Т. V.

77. Щедрин: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: В 20 т. М., 1965–1977.

Исследования:

78. Альтман: *Альтман М. С.* Русские писатели и ученые в русской литературе XIX в. (материалы для словаря литературных прототипов) // Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Нижний Новгород, 1965.
79. Андреева 2015: *Андреева В. Г.* «Философия русской жизни в романе Н.А. Чаева “Подспудные силы”» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология, журналистика. Воронеж, 2015. № 3.
80. Андреева 2017: *Андреева В. Г.* Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX в.: дис. ... доктора филологических наук. Кострома, 2017.
81. Арапова: *Арапова Е.Д.* Пореформенная адвокатура 60-70-х годов XIX века в восприятии русского общества: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Москва, 2011.
82. Ауэр: *Ауэр А. П.* Салтыков-Щедрин и поэтика русской литературы второй половины XIX века. Коломна, 1993.
83. Батюто: *Батюто А. И.* Антинигилистический роман 60–70-х годов. История русской литературы в четырех томах. Л., 1982. Т. III.
84. Бороздина: *Бороздина М. А.* Литературная позиция Н.А. Чаева: дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2019.
85. Виноградов: *Виноградов В. В.* Неизвестный очерк-фельетон Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы, 1961. №1.
86. Голованова: *Голованова Т. П.* Комментарии: И. С. Тургенев. Часы // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1982. Т. IX.
87. Горячкина: *Горячкина М. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1976.
88. Доронин, Несмиянов: *Доронин А. М., Несмиянов А. Н.* К вопросу создания русской присяжной адвокатуры в ходе судебной реформы 1864 г. // Ленинградский юридический журнал. СПб., 2019. № 3.
89. Жук: *Жук А. А.* Сатирический роман М. Е. Салтыкова-Щедрина “Современная идиллия”. Саратов, 1958.

90. Игнатова: *Игнатова И. Б.* Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2009.
91. Ильина 2012: *Ильина Т. Н.* Понятие «адвокатура» в дореволюционной России: семантические и правовые особенности // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2012.
92. Ильина 2016: *Ильина Т. Н.* Частные поверенные как форма организации российской адвокатуры второй половины XIX – начала XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2016. Вып. 15.
93. Карлова: *Карлова Т. С.* Достоевский и русский суд. Казань, 1975.
94. Кондратенко: *Кондратенко А. И.* От хождения в народ – к созданию фонда вольной русской прессы (С. М. Степняк-Кравчинский, его политические взгляды и пропагандистская деятельность в контексте общественного движения в России 1870-1890-х годов) // История: факты и символы. Елец, 2017. № 3 (12).
95. ЛН: Письма Некрасова // Литературное наследство. Т. LI/LII. М., 1949.
96. Лотман 1988: *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
97. Лотман 1992: *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.
98. Мочульский: *Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1980.
99. Муратов: *Муратов А. Б.* Тургенев-новеллист (1870–1880-е гг.). Л., 1985
100. Немыкина: *Немыкина И. В.* Поэтика «Чужих» образов в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина: дис. ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2006.
101. Нечипорук: *Нечипорук Д. М.* Во имя нигилизма: американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.) СПб., 2018.
102. Нымм: *Нымм Е. О.* О прототипической структуре романа И. И. Ясинского «Лицемеры» // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX в. Тарту, 2003.

103. Одесский; Фельдман: *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М., 2012.
104. Паперно: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1995.
105. Перевалова: *Перевалова Е.В. С.Г.* Нечаев и «нечаевское дело» в оценке газеты «Московские ведомости» // Медиаскоп (электронный журнал), 2014. № 4. <http://www.mediascope.ru/1596> (15.05.2021)
106. Поддубная: *Поддубная Р. Н.* Проблема преступления и наказания в романе «Преступление и наказание» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976.
107. Поселягин: *Поселягин Н. В.* Туда и обратно: некоторые аспекты создания романа С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2014. № 2.
108. Рак: *Рак В. Д.* Юридическая ошибка в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976.
109. Сакулин; Бельчиков: Из архива Достоевского. Идиот. Неизданные материалы / Под ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. М.; Л., 1931 (Репринт: Дюссельдорф, 1970).
110. Смирнов: *Смирнов В. Б.* Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса» // Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1980. Вып. 5.
111. Снигирева: *Снигирева С. Д.* Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... доктора наук. М., 2020.
112. Соломатин: *Соломатин Е. Н.* Дореформенная адвокатура в России: основные тенденции и проблемы развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Тула, 2011.
113. Степанова 2010: *Степанова А.В.* Ссылный адвокат А. И. Урусов // Известия Саратовского университета. Т. X. Серия История. Международные отношения. Саратов, 2010. Вып. 1.
114. Степанова 2013: *Степанова А. В.* Проблемы этики и морали в деятельности адвоката (на примере деятельности присяжного

- поверенного А.И. Урусова) // Евразийская адвокатура. Саратов, 2013. № 6 (7).
- 115.** Стрижева Бирюкова: *Стрижева А. Н., Бирюкова М. А.* Евгений Львович Марков (1835–1903): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал: журнал. М., 2019. № 46.
- 116.** Строганова: *Строганова Е. Н.* Другая Вера Павловна: судебный процесс по «делу Дмитриевой» // Женщины. Тексты. Общество. Тверь, 2014.
- 117.** Тороп: *Тороп П.* Достоевский: история и идеология. Тарту, 1997.
- 118.** Троицкий: *Троцкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866 – 1904 г.г. Тула, 2000.
- 119.** Фрош: *Фрош А. А.* Понятие правосферы // Внетеретические формы отражения права. Тарту. 1990. Вып. 5.
- 120.** Шабалина 2012: *Шабалина Н. И.* Мастерство В. П. Буренина-критика: дис. ... кандидата филологических наук. Казань, 2012.
- 121.** Шабалина 2012а: *Шабалина Н.И.* Литературный скандал в критике В.П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2012. № 2. Т. CLIV.
- 122.** Шарифуллина: *Шарифуллина С. В.* Проза В. В. Крестовского в контексте антинигилистической беллетристики 60-80-х годов XIX века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Череповец, 2003.
- 123.** Arnold: *Arnold, Y. V.* Writing Justice: Fiction and Literary Lawyers in Late Imperial Russia, 1864-1900. Ann Arbor, 2014.

Kokkuvõte

Advokaadi tegelaskuju 1864 – 1894. aastate vene proosas

1864. aastal ulatusliku kohtusüsteemi reformi tulemusel tekkis Venemaal elukutseline advokaatkond. Selle uurimuse eesmärgiks on välja selgitada, kuidas näidatakse kirjanduses tegelaskujusid-advokaate, millised tüüpilised jooned moodustavad nende kuju ja mis funktsioone nad täidavad. Advokaatkonna teema pole veel uurijate tähelepanu paelunud, kuid on töid, mis on pühendatud nende suurte reformide ajaloole. Advokaatide tegelaskujusid on vahest vaadeldud üksikute kirjanike loomingus (Saltõkov-Štšedrini Balalaikin, Dostojevski Fetjukovitš), kuid spetsiaalselt neid ei ole uuritud.

Teoseid, kus oleksid advokaatide tegelaskujud olemas, olid leitud “Google Books” teenuse võimalusi kasutades. Otsingu tulemuseks sai ligi 50 teost, mille seas on nii suurte kirjanike, nagu F.M. Dostojevski, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoi, M.E. Saltõkov-Štšedrini, kui ka vähem tuntude belletristide omi.

Esimeses peatükis käsitletakse 1860-1870 aa. vahemikus loodud mittelegaalsete reformieelsete “hodatai” kujusid, kes olid elukutseliste advokaatide eellasteks. Samuti on uuritud paralleelselt eksisteeriva eraadvokaatkonna instituudi esindajaid. Nende tegelaskujude analüüs on tähtis kuna suurem osa süüdistusi oli saavutatud ebaausa kasuahnitsemise, klientide manipuleerimise “juriidilist keelt” kasutades, sofistlikute kõnevõtete, ebaõiglaste asjade ajamise, töö efektiivsuse garantiide puudumise, seaduseväänamise elu kõikides sfäärides (peresuhted kaasaarvatud) kaudu, ja nii saaksid elukutselised advokaadid tänu mineviku ebalegaalsetele hodataidele.

Teine peatükk on jagatud mitmeks temaatiliseks paragrahviks ning on pühendatud vandeadvokaatidele. Esimeses paragrahvis antakse ülevaadet tuntuimatest kohtuprotsessidest 1860-ndate lõpust ja 1870-ndate algusest, mis lubab mitte ainult jälgida advokaatkonna kriitika põhisuundade kujunemist, kuid ka selle ajastu tähtsamate advokaatide nimesid välja tuua. Teises paragrahvis vaadeldakse M.E. Saltõkov-Štšedrini ja K.M. Stanjukovitši teoseid, kus kõik kolm advokaadikuju tüüpi on esindatud koos samaaegselt, mis annab võimalust teha nende võrdlevat analüüsi. Kolmas paragrahv on pühendatud V.P. Burenini, kes jätkab Saltõkov-Štšedrini satiiri traditsioone, loomingu advokaatidele. Kui teises paragrahvis näidatakse advokaatkonna kriitikat nii öelda “vasakult”, siis neljas paragrahv toob välja “paremalt” tulevat kriitikat – romaanides «Hammaste kiristamine» (V.G. Avseenko), «Lindprii» (V.V. Krestovski) ja “Vennad Karamazovid” (F.M. Dostojevski) on advokaadid näidatud 1860-ndate asstate hingetute nihilistide ideede pärijatena. Paljudes romaanides on huvipakkuvad tegelaskujud välja toodud rollis, millel pole näiliselt pistmist kohtutoimingutega – seltskonnalõvi, salongikuulsuse või niinimetatud “uute naiste”, emansipeeritud neidude perspektiivika peigmehe rollis. Sellele on pühendatud viies paragrahv. Lõpposas, kuuendas paragrahvis, analüüsitakse ootamatut toetust, mida sai advokaatkond vasakradikaalsete revolutsionistlike kirjanike S.V. Kovalevskaja ja S.M. Stepnjak-Kravtšinski poolt.

Lihthitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, _____ Bulakhova Marina _____,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihthitsentsi) minu loodud teose

_____ Образ адвоката в русской прозе 1864 – 1894 гг.

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on _____ Roman Leibov _____,

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihthitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Marina Bulakhova

03.06.2021